

**СВИТОК
ХЕВРЕХА**

Эли и Эрли Моури

ФЭНТЕЗИ - ВОЛШЕБНЫЕ МИРЫ

Annotation

Самое что ни есть классическое фэнтези. Авторский хорошо проработанный мир (та я люблю себя хвалить)). Сюжет достаточно сложный, многоплановый, с массой интриг и тайн, неожиданных поворотов. Есть много "боевок". И, конечно, любовь, отношения, порой очень сложные из-за капризов ГГ. Характер ГГ — это отдельная песня)) Я бы ее придушил, но руки коротки)) Сюжет пересказывать смысла нет, но если кратко то для начала так: юная волшебница, закончив обучение, направляется в салон известного магистра с целью начать карьеру мэги (наемной магички) и теряет по пути важные шмотки, деньги, и документы. Но это мелкая неприятность на фоне того что для нее грядет. Боги не обещают ей спокойной жизни, и получается так, что она попадает в центр интриги очень влиятельных сил. У мэги появляются враги (при чем сразу пачками)), обладающие властью, но есть и друзья, преданные ей и готовые умереть ради нее.

Глава первая. Дверь Измерений

— Вот и все, — Изольда захлопнула книгу и облокотилась о стол, покрытый синим бархатистым сукном. Солнце, близкое к закату, золотило старый гобелен, высокие статуи возле лестницы, и было видно, как в воздухе вспыхивают искорки пыли. — Теперь ты умеешь то же, что и я. Все мои знания стали твоими.

— Не все... — ученица отошла к полкам, проводя ладонью по потертым корешкам книг. В ее светлых, цвета ячменного эля, глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение. — Допустим, я так и не освоила полет. Я не умею говорить с птицами. Не умею вызывать элементалов. Даже низших.

— Так, дорогая моя, это уже индивидуальность! Этому ты будешь учиться сама. Может быть очень долго, а может, через год-другой меня за пояс заткнешь. Что молчишь? — мэги встала и вытащила из ларца свечи с руническими знаками у оснований.

— Грустно, — Астра пожала плечами и взяла с полки медальон — теперь уже ее медальон, с девятиконечной звездочкой и зрачком архаэсского камня, темного, как ее волосы. — Просто грустно. Столько лет ждала этого дня, а теперь будто... Знаешь, когда тают длинные, похожие на горный хрусталь, сосульки на беседке твоего сада... когда в воздухе уже весна, греет долгожданное солнце — сосульки все равно жалко.

— А теперь тебе восемнадцать, Астра Пэй. Восемнадцать. Мне скоро сто двадцать восемь, — она улыбнулась без всякого сожаления, зная, что ни один мужчина не даст ей больше тридцати. Никто не смеет усомниться в ее молодости, и даже самые знатные сердцееды Лузины, Вильса, Хельг-Амо при каждом ее появлении с восторгом и вожделением смотрят ей в след. — Твоя грусть — попытка не отпускать детство. Только это глупости. Теперь ты — настоящая мэги. Ты моя девятая и лучшая ученица. Тебе, может быть, жаль расставаться с книгами. С этими стенами и нашим садом. Возможно, даже со мной... — Изольда тихонько рассмеялась, откинувшись на спинку кресла и сплетая пальцы в своих пышных сияющих, будто пламя волосах. — А помнишь, как я держала тебя в подвале за то, что ты читала тайком Некомарха? А как ты провисела всю ночь, подвешенной за ноги возле гробницы Римли? Дорогая моя, у тебя есть причины скорее покинуть эту проклятую башню!

— Нет. Хотя перед тем, как быть повешенной, я выпила два кувшина локи, и влага всю ночь настойчиво просилась из меня, — Астра передумала надевать свой медальон сейчас и спрятала его в замшевую сумочку вместе с рекомендательным письмом. — Я люблю эту проклятую башню. И даже тебя.

— Меня? — магистр рассмеялась, подошла и положила белые шелковистые руки на плечи девушке. — А двери открыты, между прочим. Только теперь ты — мэги. Ты свободна, и тебя ждет много дел. Уже твоих дел. Я знаю, что когда-нибудь ты станешь магистром. Возможно, высшим магистром. Ты станешь известна и могущественна. Конечно, построишь свою башню, может, богатый замок.

— Ты забыла сказать, что самые славные принцы будут добиваться моей любви.

— Да! Будет так! — Изольда хотела добавить что-то еще, но серебряные молоточки в клепсидре отбили час Раковины, — обе они вспомнили, что следует поторопиться.

Астра тщательно установила толстые свечи в углах комнаты, зажгла их, читая по памяти строки из «Эдоса», формируя током воли и силой мерцавшего кристалла внешний

магический круг. Она слышала, как часто бьется сердце и шумит в голове пьяная кровь, она волновалась, открывая путь в неведомую бесконечность, впервые сама, но ее затаенный, скрытый щитом показной отваги, трепет не могла заметить даже многоопытная Изольда.

— Идиш-портал-спелл! — произнесла ученица, вытягивая напряженные руки вперед, и свечи отозвались треском, струями ярких искр. Посередине уже плескалось фиолетовое пламя, тонкая золотистая щель прорезала воздух, очерчивая контуры Двери. В нескольких шагах перед ней повисла дымка, сгустилась, тут же выросли ступени, высокие, мраморные, устланные белыми и дынно-желтыми розами.

— Розы зачем? — удивилась магистр.

— Так хочу.

— Ах да, теперь ты имеешь право хотеть, — усмехнулась Изольда и придвинулась ближе к ученице. — Вызывай Херика. Еще раз повторю: никогда не входи в Двери без весса. Даже опытнейшие маги либийцев не смели путешествовать без проводника. А те, кто рискнул, канули в бесконечности измерений навсегда. Вызывай Херика. Смелее!

— Я и не думала пугаться, — прикрыв глаза, сосредоточившись, Астра произнесла нужное заклинание и бросила в пламя порошок-приманку.

Из нижней части двери повалили клубы синеватого дыма. Скоро из них появился сам весс — существо похожее на большую обезьяну, обросшую мохнатой рыжей шерстью. Его хвост украшала пушистая кисточка. Голову венчали длинные заостренные уши и потешные рожки-шишечки.

— Мой поклон, госпожа Изольда, — он зевнул от сладкого дразнящего запаха и спрыгнул в центр круга. — Прекрасно выглядишь. Божественно! Это платье, колье... все для вечерней прогулки.

— Ты путаешь, рыжий прощельга. Вызывала тебя не я, — Изольда легонько подтолкнула ученицу.

— У тебя большие уши, но неважно со слухом, — мэги ловко поймала кончик шаловливого хвоста.

— Извиняюсь, прекрасные, обознался, у вас почерк похожий, — весс попятился, но Астра беспощадно притянула его к себе.

— Запомни, Херик, мое имя — Астра Пэй, — она быстро вскочила ему на спину и схватила длинные заостренные уши. — Прогуляемся до Иальса. А? Прямо на главную площадь.

— Ох, как грубо! Как вероломно! — выпучив круглые свекольного цвета глаза, весс потряс лохматой головой.

— Великолепно! — Изольда хлопнула в ладоши и прыснула смехом. — Великолепно смотрите!

— В Иальс! — повелела юная мэги.

Весс бросился к Двери и, едва взбежав на ступени, завопил:

— А-я-яй! Угли! Горячие угли! Иголки в пятку! Или... Что это было?!

— Какой ты нежный. Всего лишь розы, Херик. Иллюзия роз, — Астра теснее сдавила его бока. — Теперь ты видишь, что у меня свой почерк, — она с торжеством повернулась к магистру. — Изольда, до встречи! Спасибо за все!

— До встречи, моя девочка, — с грустью и улыбкой Изольда смотрела, как весс переступил клубы синего дыма и шагнул в портал.

На миг раньше, чем Астра исчезла в пространственной воронке, яркая, будто солнечное волокно, петля возникла у порога двери, извилась и тонко срезала ремень сумки с письмом. Со шлепком мыльного пузыря Дверь Измерений исчезла. Розы обратились горстками рыхлого пепла. Сразу потухли свечи, и завитки рун у их оснований потускнели, оплывая. Дым слоями потянулся к окну.

— До встречи, девочка, — повторила Изольда. — Конечно, у тебя свой магический почерк. Твердый, надо признать. Ну а у меня свой... — она наклонилась и подняла упавшую сумку. Открыла, выкладывая на стол пузырьки с эликсирами, небольшой хрустальный шар, кристаллы. Последним выпал медальон с девятиконечной звездой.

— Я же говорила — не снимай его. Плохо ты сделала, Астра Пэй. Очень плохо. Теперь самые дурные события будут идти по твоему следу. Даже Херик способен выкинуть небезобидный фокус. Видит Рена — я такого не хотела! Но ты сильная — выкрутишься, — она расстегнула карман замшевой сумочки. Рекомендательное письмо к Варольду было в нем.

Магистр повернулась к окну. Голуби кружили над южной башней, белые и серебристые, похожие на грифонов с картин Карэ. Флаг на шпигеле облизывал небо змеиным раздвоенным языком, и солнце, как щедрая капля яда растекалось в плывущих на запад облаках. Изольда вытащила свиток, скрепленный мудреной печатью, и, уронив его на стол, задумалась, правильно ли поступила она, отняв в последний миг у ученицы рекомендацию к своему старому и слишком романтичному другу. Во-первых, опека мэтра больше вредна, чем полезна, она лишь испортит девочку. Астра слишком независима, сильна и талантлива, чтобы начинать свой путь в душистой мыльной пене да среди серебряных блюд, потакая прихотям пестрой знати Иальса. А во-вторых... Она ссыпала листья мако в изогнутую нефритовую трубочку и закурила.

Они падали, долго падали в темный с багровыми прожилками туннель, будто в желудок гигантской змеи. Кружилась голова, тошнило — Изольда была права, отказав в завтраке и позже в обеде. Весс сжался упругим горячим комом, Астра крепко держалась за него. Слилась с ним. Ее волосы развевал вселенский ветер, и они неслись сквозь чрево миров, подобно стремительной комете. Иногда то слева, то справа, то в далеком конце туннеля возникали причудливые пейзажи, смутные, словно виды в преломлении хрустальной чаши оракула. Неожиданно весс замедлил полет. Внизу появились пропасти, горы в слоях темных туч и вязкие красные реки меж черных камней.

— Что это? — Астра приникла к проводнику, касаясь лицом его жесткой щетины.

— Некрон. Нижний и самый печальный из известных миров.

— Шет! Я сказала в Иальс! Поворачивай к нашей Гринвее! И в Иальс! — она сердито дернула его уши.

— Ай! — вскрикнуло существо. — Милейшая госпожа Астра, я лишь хотел показать, что ждет некоторых злых и самоуверенных людей. Но могу отнести в высочайший прекрасный Эдос, — он выгнулся, стараясь заглянуть ей в глаза.

— Нет. В Иальс, — мэги ослабила хватку. — Сегодня у меня нет желания скитаться в чужих сферах.

Херик свернул в другой рукав туннеля. Его тело обмякло, и они уже не летели так

быстро. Пространство вокруг наполнилось голубым, зеленоватым едва светом, будто вокруг плескались воды тихой лагуны. Эфир, обтекавший их, казался нежным прохладным, как одежды влажного шелка. Пальцы весса, осторожно коснулись ее бедра, поднялись к поясу, стягивавшему платье.

— Приятно путешествовать с такой славной госпожой. Восхитительно! Изольда, да и сама Рая, перед тобой — всего лишь старые ведьмы — Херик повернул голову и сразу получил щелчок по носу.

— Не смей шалить так! — она приударила в его бока коленями и перехватила мохнатую руку, а через миг обнаружила, что на поясе нет кошелька. Сумки с письмом к Варольду тоже не было — лишь ремешок с серебряной застежкой болтался на плече. — Херик! Мерзкий шетенок! — мэги яростно вцепилась в его огромные уши, — я убью тебя! Где мои деньги! Моя сумка! Я буду жечь тебя в самом ужасном огне!

Весс взвыл, как дикий звереныш, угодивший в зубатый капкан. Они перевернулись, полетели кувырком. Вокруг вспыхивали, кружились вихрем ленты красного и голубого света. Что-то огромное, как мир, надвигалось то сверху, то снизу. Астра нещадно трепала мохнатые уши, пыталась вырвать мешочек, зажатый в рыжеволосом кулаке. Херик отбивался, как мог, пытался что-то сказать, но только рычал от боли. Пограничный слой пространства, по которому они рискованно скользили, разорвался — земля, небо, лес, появившийся вдруг закружились крыльями мельницы, и все прервалось громким шлепком.

Астра вскочила на ноги и тут же, путаясь в намокшем платье, снова упала на четвереньки. Дыра Измерений исчезла в мгновение, словно лопнувший мыльный пузырь. Рядом была дорога с разбитой колеей от колес повозок, и высокие деревья по краю луга. Где-то в камнях журчал ручей, слышались насмешливые голоса лягушек, а мэги сидела посреди лужи, с испачканным липкой грязью лицом, в мокром разорванном платье и колючими осколками гнева в глазах.

Проклятый Херик! Рыжий коварный гаденыш, обокрал и так небрежно бросил ее! На поясе дохлым червяком болтался шнурок кошелька. Сумка с магическими кристаллами, рекомендацией в салон Варольда и, главное — ее личным бесценным медальоном, пропала. Астра встала, увязая по щиколотки в липкой жиже, измазанная, в оборванном платье, будто последняя нищенка на помойке. Рыжая жесткая шерсть весса, застрявшая клочьями между пальцев, щекотала ладони, словно чужой смех.

— Мы еще встретимся! Очень скоро! Ты заплатишь за все! Веселись пока, но через несколько дней я научу тебя уважать Астру Пэй! — она вышла к дороге, остановилась, вытерла лицо сухим краем рукава, сорвала лопух и принялась очищать ноги, оставляя травянистые следы. Потом поднялась на возвышенность и огляделась. Где-то там, у берега речушки виднелось селение в полторы-две сотни домов, крошечный рыбацкий причал, козы загоны и пастбища вокруг. Близости Иальса не было даже признаков. Оставалось надеяться, что это по-прежнему была Гринвея — ее родной мир.

Астра направилась к поселку, надеясь до наступления темноты выяснить в какие глухие края занес ее сволочной Херик.

Под навесом, примыкавшим косо к амбару, стояла лошаденка, низкая и толстоногая, похоже, бургской породы, которую разводят болотные люди. И это несколько насторожило Астру — откуда такая кляча могла взяться здесь, если Херик донес действительно близко к Иальсу, а не в противоположную сторону?

Возле лужи, изрытой следами козьих копыт, играли камешками мальчишки — старший в рваной рубахе и чумазые, босые малыши. Астра прошла дальше, мимо угрюмых сельчан сидевших на длинной скамье, похожих на молчаливых воронов, что стерегут тайные жертвенники Маро. Она еще раз оглядела святилище Эты — красные кедровые колонны, венки лилий над входом и двери, с выведенным охрой глазом богини, конечно, в это время закрытые. Да и вряд ли здесь можно добыть вещи необходимые, чтобы снова отрыть Дверь Измерений. Прежде всего, мэги требовался кристалл Лучистой Сферы. Но где его взять в лягушачьем захолустье? Здесь даже храм Пресветлой выглядел, словно украшенная к празднеству конюшня.

— До Иальса далеко отсюда? — Астра шагнула к старику, наблюдавшему за ней со ступеней черно-деревянного дома.

— До Иальса? Это туда вот, — почернелым скрюченным пальцем он указал на юго-восток — тянущуюся от селения за холмы дорогу.

— Я понимаю, — Астра подумала, что весс оказался не последней сволочью — подбросил ее в верном направлении, а не к топям Бурга. — До города самого далеко? — переспросила она. — Сколько лиг? Или идти сколько? День, два?

— Не был там, — старик мотнул головой. — Вот уже не знаю. Сколько не был... В «Золотой гусь» сходи. Там есть несколько проезжих — они могут сказать.

— Благодарю, — придерживая край разорванного до неприличия платья, Астра направилась к таверне. Запах дыма, жареной козлятины дразнил, как дразнит все близкое и недозволенное. Она вспомнила о колечке, изящном колечке звонкой бронзы, отмеченном руной, которая должна беречь от укусов змей. Его можно было бы заложить и выкупить через месяц другой. Действительно, не ночевать же на улице, будто убогой оборванке. Без особых мучений она бы вынесла голод, жажду день, и три, и пять, но только не такой позор.

Поправив волосы, спадавшие на лицо, мэги толкнула дверь и спустилась в небольшой зал, пропахший элем так, что воздух был кислым на вкус и пьяным. Масляные светильники, висевшие на цепочках над столами, мазали стены мутным светом. На решетке, шипя и истекая соком на угли, жарилось мясо и длинные ломти баклажанов.

Не обращая внимания на крестьян, хлебавших питье у входа и торговцев, кутивших за сдвинутыми столами, Астра прошла к стойке, загораживавшей большие бочки и очаг.

— Сколько дней пути отсюда до Иальса? — спросила она у мужчины в сальном холщовом фартуке, похоже, бывшим хозяином.

— А это как ехать, моя принцесса. Ежели верхом, да на хорошей лошадке, то за день можно. На повозке за два добираются. К выходным от нас караван выходит, если охота ждать, — его правый, по-бычьему выпученный глаз с интересом разглядывал незнакомку.

— И сколько стоит здесь комната на ночь? Отдельная и чистая только, — Астра потихоньку сняла с пальца кольцо.

— Нет таких. Отдельных нет. Единственную сам господин Голаф Брис занял — все ж защитник наш, — он кивнул на молодого человека лет двадцати пяти в синем плаще с потускневшей серебряной вышивкой, скрывавшем потертый дорожный костюм. — А общих

комнаты у нас три. Одна пустая почти. Всего три малых шилда за ночь, если устроит.

— А ужин... Сколько за ужин берешь?

— Если без мяса и попроще, то тоже три шилда. Я вижу, ты не со слишком тугим кошельком, — трактирщик наклонился, с насмешкой глядя на ее грязное платье.

— Это не смешно. Я просто потеряла свои вещи по пути, — Астра покраснела и небрежным жестом протянула кольцо. — Вот это могу вам заложить?

— Ну ... Такая побрякушка вряд ли стоит больше десяти медяков. Даже восемь неохотно дам.

— Восемь шилдов за великолепное магическое кольцо?! Смотри внимательно, там по ободку руна — заклятие от укусов змей! Заклятие огромной силы! Такое кольцо стоит половины твоей таверны! — Астра покраснела больше. Крестьяне на лавке роптали пьяно, а от стола, за которым сидели несколько парней и селянка с крашеными губами, послышался смех.

— Так, милочка моя, у нас кузнец имеется, он, как напьется, тоже руны на подковах царапает, только ни одной кобыле от этого легче не стало. Если с колечком тебя кто надурил, то это не значит, что ты другим голову морочить должна. Пустое колечко — семь шилдов.

— Я — мэги, между прочим, в таких вещах кое-что понимаю!

— Мэги, конечно. А я магистр Ордена Тени, верно, господин Набрूप? — он подмигнул одному из торговцев, подошедшему с пустым кувшином.

— Истинно! И все мы тут народ не простой. Вина нам еще, Герх. И что там поджарилось, тоже подавай, ибо непростой люд наш, до жратвы очень охотлив. А девке, наверное, заработать нужда возникла. А, красотка? Идем за стол к нам, накормим, напоим и ночлегом душевным обеспечим, — Набрूप шутя, обнял ее, прижимая к своему выпуклому животу.

— Убери руки, боров жирный! — Астра извернулась, отскочила к стойке.

— О-хо-хо! Я тебе серебряный сальд дам! — под хохот друзей торговец шагнул вперед.

— Два обещаю! За твое волшебство, мэги! — выкрикнул кто-то из-за стола.

— Вот как?! Хорошо! — щеки ее обожгло гневом или жаром углей близкого очага. На проход выскочило еще несколько мужчин.

— Три сальда! — решил Набрूप, глаза его сверкали как монеты.

Вытянув руки, Астра сложила ладони, будто сжимая горячую чашу. От пальцев потекло тепло. Потекло быстрее, загудело. Струйка пота стекла на вздернутую бровь. Между ладоней появился светящийся красный сгусток. — Авро-канья-спелл! — выдохнула она, и шар огня устремился к остолбеневшему Набрупу, метнулся, едва не ударил его в лицо и рассыпался с треском на множество искр.

— Я — мэги, а не дурочка вам с улицы! — в ее глазах еще отражались брызги огня.

— С меня эль. И жаркое, госпожа, — Герх проворно повернулся к бочке. — А колечко забери к шетовой заднице. Мне такое без надобности — ужином и так угощу, — он поставил на стойку тяжелую кружку эля, положил на плоску ломоть зажаренного мяса с овощами и хлеб. — Вот, прошу.

— Премного благодарна, — Астра сделала легкий реверанс, приняв угощение, направилась к дальнему столу. Разорванное платье, цепляясь за лавки на проходе, предательски обнажало ноги.

— Я мог бы оставить вам свою комнату на ночь, мэги, — Голаф Брис, до сих пор

молчавший, подвинул табурет, предлагая ей устроиться напротив.

— Что вы имеете в виду? — она остановилась, опустил кружку и задергивая край платья.

— То, что я сам не выношу этих общих комнат с клопами, грязью. И таких вот соседей, — он кивнул в сторону постояльцев сгрудившихся вокруг разлитого вина. — А меня сегодня ночью не будет. Так что, прошу.

— А я, пожалуй, не откажусь. Мне нужно выспаться и завтра думать, как добираться до Иальса, — Астра присела возле стены и осторожно отпила горьковатую пену.

— Мне тоже придется туда направиться. Не выношу этот город. Слишком много людей. Толпы. На площадях, рынках. И почти все негодяи, — он облокотился о стол, поглядывая в ее глаза, прозрачные, светло-карие, похожие на капли золотистого эля.

— Почему этот толстяк Герх, называл вас «нашим защитником»? Скажите-ка, почтенный Голаф, вы, наверное, из касты светлейших паладинов? Так? — она в ответ посмотрела в его глаза, будто заглядывая в вечернее небо, притаившееся в них. — А ваши доспехи, отделанные богато золотом и серебром, лежат тихо в комнатке на втором этаже. Ты хочешь, чтобы я охраняла их этой ночью?

— Ты смеешься?

— Да.

— Я рейнджер. Настоящий рейнджер. От болот Бурга до гор Архаэса я известен многим. Здесь же остановился по пути в Иальс, — он отставил пустую тарелку, поправил ленточку, стягивавшую темно-русые длинные волосы, и глотнул из кружки. — Потом селяне наняли меня избавить от трупника. Вот я и защитник, выходит. Тварь опасная — поселилась где-то возле кладбища, могилы свежие разрывает. Говорят, последнее время даже сюда заглядывает по ночам.

— И сколько за это заплатят рейнджеру Брису?

— Восемьдесят сальдов. Мелочь, конечно, — он пренебрежительно скривил губы, — но и дело простое.

— Послушай, Голаф, я тоже кое-что умею, — Астра придвинулась ближе к столу. — Давай вместе, а? Я помогу с трупником сегодня же ночью, и восемьдесят сальдов пополам. Для меня это тоже мелочь, но положение затруднительное сейчас... до тех пор, пока я не доберусь до Иальса. В общем, эти монеты я с удовольствием разделю с самим Голафом Брисом.

— Как твое имя?

— Астра Пэй. Мэги, о которой скоро узнают все от болот Бурга до Архаэских гор. И еще дальше, наверное, — то ли всерьез, то ли передразнивая собеседника сказала она. — Ну, так как, сделка?

— С ума сошла? Убить трупника, это тебе не крысу огненным пузырем подпалить. Я сказал, что дело простое... Так вот, оно простое для меня. Для меня. Но никто в округе не смеет подумать взяться за это. Ты хотя бы раз видела эту тварь?

— Конечно, — соврала Астра и отпила несколько глотков холодного эля. В голове будто шипели, лопались крошечные пузырьки, было приятно, даже чуть радостно. — А ты слышал о великом магистре Изольде Рут? Она — моя подруга. В катакомбах Вергины мы за раз десятками палили их, так, для потехи.

— Да будет тебе известно, Астра Пэй, трупники не слишком боятся огня. И нет против них более верного оружия, чем хороший меч.

— Милостивый Голаф Брис, это смотря каким огнем шалить. Много ли ты в таких вещах понимаешь? Вижу — нет. Я пойду с тобой, и там посмотрим...

— Я работаю всегда один, — он встал, быстро допил свой эль. — И, тем более, никогда с женщинами.

— Я лучшая ученица Изольды!

— Женщины хороши в постели, но не в упражнениях с мечом. Моя комната четвертая по коридору справа, — Голаф коснулся пальцем кончика ее носа и зашагал к выходу.

— Да ты просто гусь, возомнивший много из себя! — она тоже вскочила, возмущенно глядя ему вслед.

Выйдя из таверны, Астра прошла через опустевшую площадь и свернула к навесу. Лошаденку уже увел кто-то, и она устроилась на соломе, полулежа, подвязывая узелками разорванное платье, иногда поглядывая на ворота постоянного двора, где скрылся Брис.

— А магистр говорила, что ни один устоять не сможет — прошептала она, выбирая из волос длинные сухие стебли. Ее раздражало, что рейнджер проявлял столь показное пренебрежение к талантам мэги. Она уже не думала о деньгах, что могут заплатить за убийство твари, и которые так были нужны после выходки весса, — теперь ей просто хотелось доказать Голафу, что мастерство рейнджера, всякие изящные внешне фокусы с мечом ничто, по сравнению с искусством древней боевой магии.

Странно, но рейнджер даже не считал честью ее общество, и Астра пыталась понять почему. Ее воспитали в убеждении, что мэги — одна из самых почитаемых, редких профессий от Бурга, заснеженных поднебесных гор на севере, до сухих раскаленных пустынь юга Либии. Ведь даже короли произносят имена хранительниц магических искусств с уважением и тихим трепетом. Ведь были времена, когда мэги, такие же, как и она, владели судьбами тысяч, когда гибли армии, целые королевства и именно мэги решали великий вселенский спор здесь, в этом мире, под солнцем и луной.

— Почему так теперь? Прочему ты не все сказала мне, Изольда? — Астра посмотрела на звезды, представляя лицо магистра. В какой-то момент ей показалось, что длинный, голубой и прозрачный глаз подмигнул с высоты. Девушка зашарила по платью, нащупывая медальон. Конечно же, его не было. Сжимая бесполезное колечко, вдавливая его в палец, она снова переживала разговор с Брисом. Все, что ей сейчас хотелось, это убить трупника. Причем, убить красиво, эффектно, ткнув при этом рейнджера носом в неуклюжесть его военных штучек.

— Скотина Голаф, так унижить меня перед всеми! — вскинув голову, она вздохнула. Замысловатые линии созвездий где-то далеко рисовали сцены ее будущего торжества. Становилось прохладно, пальцы ветра шарили под разорванным платьем, кожа покрылась мелкими мурашками.

— Ну, где же ты, великий Голаф Брис? — в нетерпении прошептала она, вглядываясь в темноту улочки.

Возле таверны еще толклась жадная до выпивки пьянь, красномордая в свете факелов у входа, неуклюжая, зато горластая до ругательств и песен. В ворота въехала телега, громыхая порожними бочками, скрипя, как смерть на ржавых ногах, а потом появилась фигура Бриса — мэги сразу узнала его по уверенной упругой походке и плащу, оттопыренному мечом. Когда рейнджер скрылся за поворотом, Астра встала и тихонько пошла следом. До конца

улицы она не спешила, опасаясь выдать себя. За краем селения Голаф свернул на узкую дорожку и скоро исчез из виду — вокруг были кусты и темные силуэты деревьев. Мэги пошла быстрее, почти бегом. Тропа здесь была плотной, и шаги оставались беззвучны. Она почти нагнала его у кованых кладбищенских ворот, остановилась и, свернув ближе к зарослям задела платьем ветки. Услышав шорох, рейнджер оглянулся, настороженно вглядываясь в темноту. Астра замерла, выждав с минуту и, поднеся ладонь к губам, крикнула филином.

«Филин... И именно у ворот... Сучье вымя!» — выругался Брис. Конечно, это был дурной знак. Дурной и очень несвоевременный. Рейнджер вытащил из мешочка щепотку соли, освещенной жрецами Архора, бросил под ноги и, не оглядываясь, пошел к приоткрытым воротам. Железные черепа на решетке жутко скалились в темноте, виноградные лозы изгибались змеями.

Тихо Голаф поднялся к гробнице либийца, отмеченной округлой каменной плитой. Северная часть кладбища отсюда была, как на ладони. В лунном свете глиняные статуйки у изголовий могил, серые и уродливые, казались нестройным воинством архаэских гномов. Черный ночной ветер шевелил украдкой кусты, от подлеска, сходящего к реке, ползли бледные волокна тумана. Вонзив меч в землю, рейнджер присел на корточки. Разрытая могила зияла всего в десятке шагов. Трупник обязательно придет. Обязательно. Чтобы достать из гроба мертвеца, которого не успел вытащить вчера. Придет тихо, беззвучно, лишь скроется за горизонтом светлая Эта, и красное Око Маро взойдет на востоке.

Голаф расслабился, положив тяжелые ладони на рукоять меча и слушая, как сила земли текла по лезвию в его руки, а сердце толкало похожую на ртуть кровь. Когда он снова поднял веки, звезда злой богини уже появилась над аркой ворот. «Пора бы», — подумал он, вытащил меч, положил себе на колени. Крыло летучей мыши чиркнуло лунный диск, и сразу подул ветер от подлеска, скрывавшего глубокие ямы, норы, пополз по траве, по дорожкам между надгробий.

Тварь появилась неожиданно, будто из-под земли. Словно сама земля, одетая в бархатно-черный плащ смерти. Густой тенью скользнула меж статуэток-надгробий и остановилась у разрытой могилы. Лапы с длинными когтями углубились в грунт со сноровкой крота. Голаф не спешил — нужно было дождаться, когда трупник вскроет гроб, и вонь гниющей плоти опьянит его. Едва послышался хруст досок, рейнджер вскочил, перехватив по-вильсски меч — лезвием к локтю, быстро и бесшумно бросился вниз. Здесь было совсем темно — кусты столетника, нависавшие над крутым спуском, заслоняли луну. Брис ударил почти наугад — вспорол клинком воздух.

Трупник был справа, и рейнджер наткнулся на горку рыхлой земли. Красные глаза, как жуткое отражение Маро, светились в двух шагах. Приторно до тошноты смердело мертвечиной.

Голаф попятился, оскользясь на прелых останках гроба, перехватив меч лезвием вверх. Черные изогнутые когти мелькнули возле лица — он уклонился, отпрыгнул, чувствуя под пятками кисельную мякоть покойника. Откуда-то послышался хруст веток, и вдруг стало светлее. Тонкие тени червями шевельнулись на глине. Наверх! Скорее наверх! — плотком свежего воздуха, пришла мысль. Голаф полоснул мечом, срывая лоскут кожи с толстой черной шеи, и в два прыжка поднялся по скату. Над гробницей либийца повис светящийся

шар, похожий на каплю луны, рядом стояла Астри Пэй.

— Проваливай! Прочь отсюда! — вскричал он.

Трупник появился у края гранитной плиты. Утробно ворча, двинулся на Голафа, похожий на гигантского крота преисподней. Рейнджер поднял меч. Слева мучительным огнем слепила звезда Маро.

Какая ж безобразная гадина! Астри вскинула руки. Кончики пальцев дрожали, словно тонкие веточки в порыве ветра. Между ладоней гудели яркие извилистые нити. Слова заклинания вырвались, упали гулко, будто камни с горы, и тут же молния порвала черный воздух.

Сверкающий зигзаг ударил в клинок, рассыпался искрами. Голаф вскрикнул и упал на колени. Трупник бился рядом — синие разряды терзали его толстое тело, с шипением стекали в дымящую землю. Воняло гилью и горелым мясом.

— Господин Брис! — Астри подбежала к нему. — О, что ж ты так! Подвернулся, епть, собачий хвост... Держи скорее свою железку! — она мигом подняла брошенный меч, протянула ему.

— Идиотка! — он схватил оружие, рывком поднялся на ноги.

Трупник тоже очухался, щерясь и рыча, двинулся на него. Астри вытянула руки, отрывисто, громко призывая силы Первой Стихии.

— Не делай этого! — выкрикнул рейнджер, прыгнул вперед и вонзил клинок выше лопатки мерзкой твари. Вонзил, выхватил и отскочил к обломкам гранитной плиты. Визжа, как в агонии боров, трупник упал мордой в траву. Клыки вырывали пучки корней, и глаза сверкали осколками красной звезды.

Нужно было отрубить голову. Скорее! Брис знал, что для этой твари даже самая глубокая рана не станет смертельной — еще миг и чудовище бросится на него. Рейнджер подскочил сзади, размашистым ударом обрушил меч на толстую шею. Лезвие вошло наполовину, скрежет позвонков отозвался зудом в руке. Брызнула похожая на грязь кровь. И тут же трупник снова поднялся на ноги. Повернулся, свешивая надрубленную голову и щелкая острыми кремнями клыков. Голаф отскочил, перехватил меч и, вложив всю силу, ударил снизу вверх — тело покачнулось, упало мешковато, тяжелая голова отлетела к ногам мэги.

— Вот и все... — опустив клинок, Голаф Брис смотрел, как остывало красное пламя в выпученных глазищах.

— Он еще жив, — Астри прислушалась. Стало совсем тихо, даже ветер затаился в жухлой траве. Тихо, но мэги чувствовала, как сущность, подобная темному облаку с тонкими длинными нитями страха повисла над обезглавленным телом, поднялась выше и поплыла к разрытой могиле.

— Да?! Эй, вставай, гадина! — рейнджер пнул, неподвижное туловище.

— Я говорю — часть его жива!

- Все больше убеждаюсь, ты — идиотка. Я убил его. Убил, как жирную грязную крысу! Ясно?! — он вытер пот со щеки краем воротника. — А ты чуть не спалила меня!

— Многоуважаемый Голаф Брис, виной всему твой меч — железка притянула молнию. Извиняюсь, — Астри улыбнулась и присела в шутливом реверансе.

— Ты издеваешься!

— Да! А теперь... — она не договорила — из могилы, разрытой трупником, выросла тень, похожая на скрюченное деревце с ключьями козьей шерсти. Выросла, шагнула на

освещенную луной тропу. — В сторону, Голаф!

— Сама катись! Проваливай! И постарайся, дорогуша, больше не встречаться мне. Ни здесь, ни в Иальсе, — он стиснул рукоять меча и содрогнулся, словно мышцы вспомнили пронзивший разряд молнии.

— Боги! Да ты гусь напыщенный — назад оглянись! Отойди скорее! — Астра сплела пальцы рук, чувствуя бьющий иглами жар. Мертвяк был рядом с рейнджером, приближаясь беззвучным волочащимся шагом. В глазницах его проснулся красноватый отблеск взгляда той самой обезглавленной твари. Лишь теперь Брис услышал шорох гранитной крошки позади. Повернулся и едва устоял на ногах.

— Дерьмо ходячее! — он отскочил к ступеням.

— О-о-о! Плохой человек... топтался по моему праху... Ты наступил мне на горло! Еще и на руку! Плохой, плохой человек! — мертвец двинулся неожиданно быстро. Огненный шар, пущенный мэги, угодил в самшит — куст вспыхнул, шипя, корчась в пламени. Голаф едва успел увернуться от взметнувшихся к нему рук, ужасных, с кусками гниющей плоти. Замахнулся и ударил, целясь в голову. Череп треснул, прыснул черными каплями мозга. Это не остановило покойника — он рванулся навстречу, будто в его жалкие останки, прикрытые клочьями савана, поместилась вся чудовищная сила трупника. Вцепился в потерявшего равновесие рейнджера и отшвырнул его к надгробию.

Брис упал на острый выступ спиной. Звезды сверху метнулись навстречу, словно жала стрел. Он сцепил зубы, еще крепче взялся рукоять меча, пытаясь встать, оторвать от камня отвердевшее болью тело. Мертвяк шел на него.

— Авро-канья-фая-спелл! — слова заклятия, как лопнувшая жила спустили яркий, огромный сгусток огня. Астра выгнулась, ускоряя его полет, и выдохнула со вскриком. Пламя взорвалось, ослепительными языками охватывая фигуру в саване.

— О, Рена Милостивая! — прошептала мэги. Это был самый эффектный *фаерболл*. Пожалуй, таких не делала сама Изольда. Существо металось, объятые гудящим пламенем, вопило проклятья. Брис был уже на ногах. Она видела, как рейнджер бросился на тварь, атакуя широкими взмахами клинка, видела, как снес останки черепа, хотела помочь ему хотя бы легким шариком *спрея*, но уже не осталось сил.

Астра опустилась на край гробницы, трогая смятую траву, прижимая ладони к земле. Жар и тяжелое напряжение стекали вниз, в незримую пропасть, потоками астральной лавы, голова кружилась, и в глазах плясали багровые пятна, будто кровавые призраки. Мэги дышала глубоко, все замедляя дикий поначалу ритм, как учила Изольда, как было написано в мудрых книгах с позолотой на гладкой коже. Она вся потянулась мыслями к земле, растворилась в ее рыхлой, влажной плоти — словно умерла, и тут же ощутила себя крошечным проросшим зернышком, вспомнила о возрождении — силы жизни прохладными блаженными струями потекли по рукам.

Пламя еще догорало на разрубленных останках у тропы. Брис стоял рядом, похожий отчего-то на мальчишку битого в жестокой драке, но победившего. Одежда его была разодрана, по щеке текла кровь.

— Вот теперь он мертв, — Астра спустилась с холма и подошла к обуглившимся костям. Она прислушалась к течению токов эфира, витавших вокруг, и подтвердила: — Совсем мертв. Дух его отлетел в мрачный Некрон. Хотя канал открыт, и мне нечем его запечатать.

— Послушай, девочка... Дух трупника вселился в этого мертвяка? Такого не бывает, —

Голаф ковырнул останки кончиком меча и хрипло вздохнул. — Я не представляю, почему встало существо из гроба, но уж с трупниками имел дело не раз. Я-то знаю, что ему достаточно отрубить голову.

— Славный мастер меча, если ты не веришь очевидному, то процитирую самого Нумбуса, — Астра прикрыла глаза, вспоминая строки книги древнего либийца, — «...Эта тварь — одна из многих других, нашедших двери в наш мир из смрадных лабиринтов Некрона. Убить ее железом, огнем или всяким магическим способом не столь сложно. Но следует помнить, что вы убиваете лишь ее тело, часто выпуская ненасытный дух, готовый вселиться в другое тело — мертвое, и даже в живое, подчиняя его своим жутким помыслам». Так-то, Голаф, дух этого чудовища вполне мог войти в тебя. Я даже не уверена, что это не так.

— В меня?! — Брис оттянул воротник, обнажая маленький серебряный диск с зигзагом руны. — Спали свои пустые книги — их пишат умники вроде тебя, не знающие об этом мире ничего! — он рывком сдернул ленту, стягивавшую волосы — длинные мокрые пряди упали, прилипли к бледному лицу. — И ступай отсюда! Возвращайся в таверну.

— Как скажешь, Голаф Брис. Только не забудь — я тебя спасла дважды. От трупника, там, в могиле. И от этого господина, — она указала на черные кости у его ног. — Полагаю сорок сальдов из восьмидесяти — скромная, но все ж благодарностью с твоей стороны...

— Думай, что говоришь, Астра Пэй! Если бы ты не пугалась под ногами, я бы справился скорее! Проще! Клещи Архора тебе в язык!

— Ты самоуверенный хвостун! Без меня здесь только бы башмаки твои утром наши! Отдай мне причитающееся, и я постараюсь забыть о твоём позоре.

— Девочка! А вот сейчас я крепко тебя проучу! — выронив меч, рейнджер двинулся к ней.

— Что же ты со мной сделаешь?! — с вызовом мэги тоже шагнула навстречу. — На что ты способен, Брис?!

— Я тебя раздавлю, как маленькую ядовитую змею! — он схватил ее, грубо и сильно прижал к себе.

— Боги, как страшно! — Астра выгнулась, упираясь локтями в его твердую грудь, глядя с насмешкой в глаза, за которыми будто были мечущиеся искры звезд. — Тебе понравился мой удар молнии? Правда? Чувствую, ты до сих пор дрожишь.

— Ты это сделала намеренно... Ты целила в меня... — Брис сам не знал вопросом или утверждением были его слова. Он стиснул зубы и сжал ее крепче — порывистое дыхание мэги коснулось щеки.

— Может быть. И что из этого? — она чуть обмякла.

— Ничего. Вижу, тебе нравятся... Мои объятия...

— Да ты дурак! — Астра резко оттолкнула его и отошла к тропе. — Не вздумай идти следом! А если рано утром я не получу свои сорок сальдов, то моли своего бога, не встретиться мне в Иальсе!

*

*

*

Весь вечер Изольда чувствовала тревогу, странную, необъяснимую, кравшуюся откуда-то из дальних углов замка, а может быть из пределов, лежавших за много лиг от Вергины и

маленького королевства. Магистр не ложилась в постель допоздна, расхаживала по залу, пропахшему дымом от листьев мако, которые она курила последние дни слишком часто, расхаживала и думала, почему уже много лет ее мучило два противоречивых желания. Почему ей так не хотелось показывать Астру Варольду? Дважды, когда магистр приезжал к ней тайком на несколько дней, она отправляла девчонку под какими-то глупыми предложениями с прислугой в Вергину. Тогда было смутное и в тоже время сильное предчувствие, что, увидев мэтр Пламенных Чаш ее последнюю очаровательную ученицу — случится что-то, что-то могучее, разрушительное, как буря судьбы, однажды насылаемая Реной. И это предчувствие одолевало ее не раз, вот и сегодня в последний миг прощания Изольда срезала сумочку с рекомендательным письмом, словно такой пустой фокус действительно мог что-то изменить. Но бывало ее испытывали желания совсем противоположные: хотелось, чтобы Варольд Кроун снова оказался здесь и увидел своими глазами какую мэги она растит.

Изольда прошла вдоль длинной полки, глядя, как пламя свечей мерцает на бронзовых статуэтках и фигурках из хрусталя, остановилась возле фарфорового фиала и взяла бусы. Грубые кусочки бирюзы, покрытые крошечными рунами, лежали в ее ладони. Эти бусы... их привез Варольд из Ливии. Да, все началось с Ливии. Или еще раньше — сразу после Голорской войны. Началось, успокоилось вроде, успокоилось очень нехорошо. Теперь события тех непонятных, опасных, будто нож в темноте дней будто обещали вернуться — Изольда чувствовала это, но как и почему она не могла объяснить себе.

Магистр почти не спала всю ночь, а после рассвета, накинув на плечи синий шелковый пеплум, поднялась наверх башни, распахнула окно и шагнула из него в светлое, прохладное утро. Ветер подхватил ее, разметал волосы, словно огненно-рыжие крылья и понес от замка за видневшийся недалеко подлесок, мимо холмов, у которых паслись мохнатые стада коз, дальше вдоль дороги, тянувшейся серой лентой к Вергине. Изольда повернула к появившемуся на пригорке кладбищу. Магических сил едва хватило долететь до маленькой островерхой часовни, Изольда почувствовала, как земля тяжело тянет вниз, и, рискуя, не разбившись едва, отпустилась на мощеную растрескавшимся камнем дорожку. Здесь было тихо как обычно, лишь редкие птицы суетились в листве каштанов. Выходившее солнце красило плиты старых гробниц. Магистр пошла по тропе, поросшей местами травой, свернула за наклонившимся гранитным пестом с печальными чертами чьего-то лица и остановилась перед могилой Римли.

«Что же ты наделал», — прошептала беззвучно она. — «Сколько жизней сломала твоя пагубная страсть ко мне. Жизней дорогих мне людей. Многие из них мертвы уже. Другие страдают до сих пор от твоего чудовищного обмана. И тебе самому нет покоя — слишком большая сила в проклятии разгневанных магов». Изольда поднялась по кривым ступеням, став между изваяний черных василисков, и подумала, что если бы лжец тогда, семьдесят шесть лет назад придумал более простой способ избавиться от Варольда, Анексарда и многих других, то, может быть, не было все так горько. Но он тронул легенду... растревожил спящие во времени силы, и мысль о Черной Короне ливийской богини снова ослепила самых разумных. Магистр постояла немного, потом пошла по дорожке к трем могилам, покоившимся под большим скорченным деревом. В одной из них, обрамленной желтовато-розовым камнем, лежала мать Астры.

Снова переживая ту безумную трагедию, Изольда опустилась на скамью. К глазам подступили теплые слезы, и почудилось магистру, что все ушедшее с годами, ставшее для кого-то прахом, для кого-то подобной ветру печалью скоро вернется. Обязательно вернется.

Наверное, в это утро сама Держащая Судьбу Рена говорила с ней, обещая кому-то смерть, кому-то любовь и страдания, кому-то скитания, жаркие пески Либии и жгучий блеск короны южной богини.

— Астра, девочка моя, — прошептала магистр, разжала ладонь с медальоном своей ученицы. Ей захотелось вернуть Астру. И милого мэтра Варольда. Укрыть их в своем уютном замке, видеть их, только их возле себя, но она понимала, что это лишь слабость текущих минут, что в этом лишь бессмысленная попытка не отпускать, увы, не принадлежащее ей.

Глава вторая. Кошелек господина Бугета

Лошади торговцев, почуяв близкий приют и овес вдоволь, двинулись бодрой рысью — колеса повозок закрипели на спуске. Астра же остановилась, оглядывая стены Иальса, тянувшиеся от берега моря до широких полей вдоль сверкающей Росны.

— Мы поспешим, удачи вам, Астра, Голаф! — оглядываясь, крикнул Набруп. — Нужда будет, найдете нас на рынке.

— Удачи! — отозвался рейнджер, сойдя на обочину поросшую пучками сухой травы, он повернулся к спутнице. — В чем задержка? Ах, понимаю, ученица магистра никогда не видела городов более скромной Вергины.

— Да я смотрю просто... — мэги оторвала взгляд от высоченных башен храма на холме, и чуть покраснела, — смотрю. И не спешу я. Что мне за кобылами Набрупа вприпрыжку бежать?

— Ну, тогда пойдем просто. Иальс полезнее глядеть изнутри.

В северные ворота уже не тянулись длинные вереницы обозов и толпы шумного люду, как обычно с утра, — стражи даже заскучали, разморившись на солнце, отхлебнув изрядно эля из отнятого у какого-то торговца бочонка.

— Эй! — опомнился старший, когда Астра входила в ворота. — Постой-ка. Хорошая ты девка, только пошлину за вход платить надо.

Щурясь с пороссячим добродушием, он протянул крепкую задубевшую ладонь.

— Какая еще поштина? — мэги недоуменно посмотрела на стражника.

— Ты что, в лесу родилась? — воин в примятой кольчуге тоже шагнул к ней. — Городскую пошлину. Торговать или работать как будешь — у нас здесь первый сбор.

— Я не собираюсь торговать. Что за ерунда, Голаф? — она нетерпеливо оглянулась на рейнджера, задержавшегося некстати на мостке.

— Да так, — он пожал плечами. — Положено у них.

— Ну мож, конечно, не платить? — третий ратник с жиденькой бородкой, отбросив со стуком пустой бочонок, спрыгнул проворно с повозки. — Если с нами тут до вечера покараулишь. Даже очень заработать мож, — вдохновенно заключил он, изучая привлекательные прорехи в ее платье.

— С вами до вечера?! Да ты рехнулся, черепаха железная! Можу не платить, — передразнила она, сжала пальцы, чувствуя, как зудит, бьется возмущение и магическое тепло. — И не заплачу. Потому, что нет у меня ничего для вас.

— Вот за двоих, — Голаф сунул старшему сорок шилдов и быстрым шагом нагнал мэги. — Постой, Астра Пэй. Дерзкая ты. Нельзя быть такой со всеми.

— А ты слышал, на что эта свинья намекала?

— Всего лишь пьяная шутка. Такого ты услышишь здесь еще много... В любой харчевни, на каждом углу еще покрепче шалости будут случаться. Так что, в драку всякий раз лезть? Ладно. Проводить тебя к этому Варольду? — рейнджер снова ощупал кошелек у пояса, думая, что треть из оставшихся денег он может отдать ей и треть оставить для сестры.

— Ступай себе, франкиец, вместе со своими понятиями о чести. У меня другая дорога. Прощай, в общем, — она улыбнулась, глядя на него как-то бесцветно, не то с сожалением, не то даже удовольствием и пошла неторопливо к площади, шелестя оборкой располосованной

юбки.

— Если понадобится, то я еще дня три-четыре здесь. Напротив «Волшебного паруса» дом, — крикнул он вслед.

Иальс действительно был огромен. Не врали болтливые языки, утверждавшие, что если селения и города Олмии, со всеми дворцами, богатствами сложить вместе, то они не заполнят и половины славного города на берегу Росны. Миновав кварталы с двухэтажными домиками, большей частью облезлыми и неухоженными, пахнувшими кислой похлебкой и даже навозом, что тянулись от внешних стен, Астра вышла к набережной и там застыла от изумления, глядя на роскошные особняки с островерхими крышами, на высокие башни из красного камня по левому берегу реки и толпы народа, с гомоном заполнявшие площадь перед северным храмом Раи. Еще больше ее удивляло, что о салоне господина Варольда здесь слышал совсем не каждый. Лишь с шестой попытки мэги удалось выведать у хромого старичка о расположении дома магистра. Идти оказалось не близко. Астра спустилась к мосту, брусчатым панцирем перекинувшимся через один из рукавов Росны, и долго бродила по узким улочкам между сумасбродным орущим рынком и зубчатыми бастионами крепости, ставшей торговым складом и отчасти притоном. Заблудилась там, снова возвращалась сквозь людскую толчею к мосту, злилась на горожан, почему-то на Бриса, даже на себя, пока какой-то носильщик в рваной хламиде, не оказал ей милость — указал, наконец, верное направление. Уже за ажурными оградами школы танцев Сафо она увидела языкатый флаг над острием башни, ускорила шаг и вскоре вышла к салону магистра, затерявшемуся в треклятом Иальсе, как яблоня в глухом бору.

На фоне бледно-красных стен черные грифоны у входа выглядели эффектно. Позолоченные клювы приоткрыты в приветствии, глаза смотрели пронзительно и строго. Мэги прошла между кубических пьедесталов, взглянула на картуш с лентой-змеей и толкнула дверь. Внизу никто не встречал, и она поднялась неторопливо по широкой мраморной лестнице, подсвеченной льдистыми голубыми шарами, скользя взглядом по картинам на стене, изящным статуям и эклектически, вычурно вплетавшимся в это светское великолепие магическим знакам Го. Справа проход в анфиладу охраняли темнолицые либийцы в кожаной броне и с недлинными заостренными посохами, в которых, похоже, скрывался заряд неведомой магии. Дальше между колонн с малахитовыми капителями и ветвями цветущей магнолии толпились, негромко разговаривая, какие-то одетые богато люди.

— Как я могу встретиться с господином Варольдом? — Астра остановилась перед гномом-прислугой, впялившимся в нее выпученными терновыми глазами.

— Варольда? — казалось, рыжая щетина, густо торчавшая из ушей, делала его глуховатым.

— Ва-роль-да, — по слогам повторила мэги, в этот миг дверь в конце анфилады открылась, и она увидела человека в синем мундире рохесского покроя с темным от загара, чуть обветренным лицом.

— Магистр принимает только утром, — прошмякал лакей. — Нельзя сейчас, — его толстые пальцы, такие несуразные на гладкой, лоснящейся ткани теребили позолоченную пуговицу. — Если, конечно, вас не приглашали, — добавил он, шлепая крупными синеватыми губами.

— А меня приглашали. Извольте доложить: Астра Пэй.

— Хорошо звучит. Астра Пэй... — протянул незнакомец, приблизившись и разглядывая ее так, что Астра ощутила себя одной из голых мраморных статуй, стоявших в нишах по проходу.

— Пстой! — она щелкнула пальцем в сторону удалявшегося гнома. — Добавь, что я мэги. Это важно! Мэги, о которой скоро заговорят не только в Иальсе. Вот так! — изящно изогнув руку и оперев ее в бок, она повернулась к мужчине в мундире.

— Очень впечатляет. А я Давпер Хивс. Тоже здесь кое-как известен. Больше из-за старания склочных языков, — он сбросил темные сальные волосы со лба. — Так будем знакомы?

— Чего вы меня разглядываете так? Не нравится мое платье? Уж извините — пять дней назад выглядело весьма прилично, — мэги одернула край разорванной юбки. — Видите ли, слишком дорога в ваш Иальс извилистой оказалась. Неудачная дорога. Даже сразиться пришлось. С самим трупником.

— При чем здесь платье? Такая девушка может украсить любой наряд. Я подумал, что мог бы помочь вам чем-нибудь. Например... — он не договорил.

— Мэги Астра Пэй! — отдернув портьеру рытого бархата, огласил слуга, и Астра увидела, как открылась небольшая округлая зала с голубыми колоннами, позолотой поверху и до блеска полированным полом. Точнее говоря, пол был полирован до зеркального блеска, отражая девятиконечную звезду на своде и рельефную надпись по фризу.

«Зал Чистоты Помыслов. Да будет вошедший сюда...» — начала читать мэги.

— Прошу, госпожа! — поторопил гном.

Два воина-либийца расступились, почтительно склонив бритые головы и взяв посохи на плечо.

— Ступайте, Астра, я вас подожду, — наклонившись, вкрадчиво сообщил Давпер.

— Терпеть не могу такие вот полы! Ненавижу! — она вспомнила, как еще девчонкой поскользнулась перед самым принцем Олмии, и год назад опозорилась на том же месте, танцуя с гиленом Наргом Кавлом, так, что до сих пор в ушах стоял хохот придворной толпы. О, конечно, Нарг был сама любезность и ни разу не сказал и слова по поводу ее постыдного падения, только этот случай засел в ее памяти занозой, зудящей всякий раз, когда предстояло пройти по такому вот коварному полу.

— Ну, хорошо, иду, — Астра зачем-то улыбнулась провожавшему ее господину Хивсу. — Чистоты Помыслов... Надо же! — и ступила на шлифованный чьей-то глупостью камень. Она выдохнула, расставила ладони в стороны, пошла короткими семенящими шагами, словно девчонка по качающемуся мостку. Юбка, едва скрывавшая колени, подшитая кое-как сбоку, задиралась от чего-то или разлеталась предательски, а липкий взгляд Давпера неотрывно провожал ее, то упираясь в лопатки, то взирая бесстыже с зеркальной поверхности вниз.

— Давпер, что вы снова пялитесь на меня?! — не выдержала она, резко повернулась и шлепнулась на пол.

— Госпожа Астра! — гном проворно подбежал к ней, скрипя остроносыми маленькими сапогами. — Осторожнее же надо!

— О, мэги, что же вы так! — новый знакомый в рохесском мундире тоже был рядом. — На этом чудном зеркале... Вы, наверное, засмотрелись на саму себя, — не сдержав улыбку, он взял ее выше локтя.

— Вы еще смеетесь?! Руки, Давпер! Засуньте их себе куда подальше! — Астри возмущенно оттолкнула его. — И ты, коротышка!

— Я только хотел поправить платье, — пятясь, оправдался лакей, отбежал к входу в зал магистра и повторно объявил: — Мэги Астри Пэй!

— Я тебе бороду выщиплю, гаденьш!

— Фирит, так где она? — раздался голос из-за приоткрытой двери.

— Уже иду, — выругавшись теперь тише и судорожно отряхнув платье, Астри вошла.

— Что там с вами стряслось? — мужчина, шагнувший было навстречу, замер рядом с бронзовой подставкой под кристалл-усилитель, разглядывая Астри недоуменно и вытянув вперед шею.

— Да ничего не случилось. Грохнулась я на вашем скользком полу, шет бы его залим! Вы — господин Варольд? Или вы? — мэги повернулась к другому мужчине, в темно-фиолетовой мантии, сидевшего за широким столом черного дерева, и перебиравшему в пальцах гадальные костяные пластины.

— Я — Варольд Кроун, — отозвался сидящий, уронил со стуком пластины на столешницу и встал. — А господин перед вами — Канахор Хаерим, магистр Ордена Алой Звезды, ныне придворный маг и исключительно уважаем во дворце Альгена, — почтительно наклонив голову в сторону человека в синем плаще, представил Варольд. — Чем обязаны?

— Вы, если я не ослышался, назвались, как мэги? — подойдя ближе, Канахор скептически оглядел ее еще раз.

— У вас очень хорошо со слухом, многоуважаемый магистр, — Астри прошла по мягкому ковру на середину залы. — Я ученица госпожи Изольды Рут. Надеюсь, вам ее имя о чем-то говорит? — бросила она небрежно в сторону Канахора и с куда более доброй улыбкой повернулась к Варольду. — Представляете, я к вам еще пять дней назад отправилась. Через Дверь Измерений. Вместе с моей наставницей весса вызывали. Так по пути со мной такое приключилось! Вот на платье полюбуйтесь. И все из-за сволочного уродца. Жалею, что я уши вместе с мозгами ему не выдрала, — она вспомнила мохнатые лапы Херика, разорванный ремешок сумки за плечом, вопли, падение и все это пересказала хозяину салона, не забывая почаще клеймить весса дурным словом.

— Да... история... Так вас госпожа Изольда направила именно ко мне, — его беспокойные руки снова схватились за гадальные пластины, большие серые глаза отвлеченно блуждали по полкам с золочеными фолиантами и всякой всячиной. — Прислала, что бы я помог вам лучшим образом устроиться. Да... Ну, работы в Иальсе хватает. Тем более для мэги. А где само рекомендательное письмо?

— Я же сказала — Херик стащил, — глянув в шестигранное зеркало ментальной концентрации, она пригладила волосы.

— Гм, зачем вессу письмо? — усмехнулся Канахор, разглядывая бронзовое кольцо на пальце мэги. Через миг он утвердился, что это было его кольцо, которое он потерял лет двадцать назад недалеко от замка Изольды, когда сводил счета с наложницей Варольда. Воспоминания, неприятные, тревожные нахлынули разом, но Канахор Хаерим, не подавая вида, что его так разволновало это неприметное кольцо, продолжил: — Вессу письмо не нужно. Хотя... надо ожидать, что этот Херик появится скоро и будет тоже требовать от имени госпожи Изольды место теплее. Так, господин Варольд?

— Не говорите ерунду, — она поправила ворот платья и с недовольством повернулась к магу короля Альгена. — Весс-скотина, прихватил его случайно, вместе с моими деньгами и

вещичками крайне важными для меня.

— Вот только зачем вессу золото и прочие человеческие безделушки? — не унимался Хаерим, поглядывая украдкой то на кольцо со змейкой, то на лицо его юной хозяйки — оно было походит на лицо убитой им Арсии. Еще он вспомнил, что тогда, возле повозки остался грудной ребенок. Дитя это тоже хотелось убить — слишком раздражал его пронзительный плач.

— Если вы не осведомлены, господин придворный маг, то поясню: у вессов воровство в крови. Они крадут просто ради самого воровства, — мэги подошла к стеллажу перед столом господина Варольда и сняла, разглядывая, набор обсидиановых наконечников. — Пусть вещи им совсем бесполезные, важны им, как знак, что они кого-то обчистили. Особо приятно этим гаденышам заполучить личные вещи мэги, какого-нибудь известного мага, короля или принца на худой конец.

— Это сказки «Мериакона». Юная мэги обчиталась бесполезных книжек, — с покрасневшими белками глаз и разлохматившимися над висками волосами маг Алой Звезды сам походил на весса. — Зато на каждое возражение находится объяснение. Язычок ваш бойкий, надо признать.

— Вот что, Астра Пэй, я запрошу Изольду на днях, — решил Варольд Кроун. — Попробую связаться с ней ментально. Но не раньше, чем послезавтра — сразу как зайдет Око Маро... Все-таки нам небезразлична репутация человека, который будет рядом с нами, и которому мы вынуждены доверять весьма серьезные тайны. А вы осмотритесь пока в городе. Если вас действительно направила Изольда, то мы, конечно же, подыщем достойное место.

— Но, милостивый господин Варольд, мне нужна работа сейчас. После этих событий у меня нет ни шилда в кошельке. Вернее, нет самого кошелька, — от перспективы скитаться несколько дней нищенкой по незнакомым улицам Иальса Астра почувствовала, как у нее зудит в затылке.

— Но, — подняв палец с перстнем, прервал ее Канахор, — если окажется, что ты врешь и послана совсем не Изольдой, то весьма пожалеешь об этом. Магический салон магистра Варольда закрыт для всяких прохожих с улицы. Кстати, где твой именной медальон?

— Меня обокрал весс. Представьте, я — мэги без медальона! А то, что я ученица самой Изольды, могу доказать прямо сейчас. Лично вам, господин придворный маг, — с вызовом проговорила она, этот хлыщ в роскошном балахоне с лигурическими знаками по краю начинал ее тихо злить.

— Не стоит, Астра Пэй. Сейчас у нас нет на это времени, — вступился магистр Варольд.

— До встречи через три дня, — добавил Канахор и демонстративно отвернулся к окну.

— Вы выставляете меня за дверь? — Астра еще не могла поверить, что в салоне, откуда должна начать свой путь, как настоящая мэги, ей не удалось добиться ничего. Хуже того: оба магистра так гадко подозревают, будто она — бесстыжая обманщица! — Так? — нетерпеливо переспросила она.

— Просто зайдите позже. В другой день, — Варольд развернул первый попавшийся свиток на столе, давая понять, что прием окончен.

Астра вышла, порывистым шагом обойдя по краю зеркальный овал.

— Чего уставился? — бросила она гному, внимательным собачьим взглядом наблюдавшему из угла. Он не ответил, только тряхнул куцей бородой и снова схватился за золоченые пуговицы.

Давпер дожидался ее рядом с дверью, тоскливо глядя на мраморные изваяния в нишах.

— Так вы действительно одна из учениц Изольды? — спохватился он, когда мэги уже шагнула к лестнице.

— А вы человек, который любит подслушивать? Так, господин Хивс? Стояли, конечно, под дверью, приложив ладонь к уху. Ой, как интересно! Кто эта Астра Пэй, которая растянулась посреди зала, словно пьяная шляха?!

— Ну, что вы, Астра. Я услышал упоминание о магистре случайно. Голос Варольда слишком раскатист в родных стенах, — Давпер спускался по ступеням следом за мэги.

— В этом доме одни сволочи. Сво-ло-чи! — выскочив на улицу и пропустив Хивса, Астра с силой захлопнула дверь. — Через три дня! Через три дня пусть ищут другую дуру, которая согласится работать на них! А я уж найду место получше, епть их лачугу со всеми потрохами! Епть! Епть!

— Очень правильно.

— Что «очень правильно»?!

— Говорите очень правильно. В этом доме действительно дурно пахнет. Лично я зашел попросить об одной магической услуге. Довольно простой и не бесплатно, разумеется. Но... — Давпер замялся, посмотрев по сторонам, — похоже, эти люди заняты только собой. Послушайте, Астра Пэй, а вы не могли бы мне помочь? Для ученицы самой Изольды дело пустяковое, и плачу я пятьсот сальдов.

— Пятьсот сальдов? — мэги остановилась, старательно прогоняя волнение, пришедшее с частыми ударами сердца.

— Да, пятьсот звонким серебром.

— Что за дело, господин Давпер? Пятьсот, конечно, не большие деньги, но почему бы не помочь хорошему человеку, — Астра небрежно облокотилась о черномраморный пьедестал, блестящий на солнце, как ее волосы, и, одарив нового знакомого милой улыбкой, решила: — Я согласна. Вот почти уже согласна, — она доверчиво посмотрела в его глаза, зеленоватые, как болотная жижица и такие же липкие.

— Тогда завтра утром возле доков. В час Василиска. — Он поправил край воротника ее платья. — Там я все расскажу. На углу возле скобяной лавки, что напротив трактира «Красный краб». Я сам или мои люди встретят вас. Только, пожалуйста, не подведите.

— Клянусь, плетью Архора! — выпалила она, вскинув длинные ресницы и приподнявшись на носках.

— Вот и чудно. К сожалению, я спешу сейчас. Из-за этого прощельги Варольда потерял столько времени... — он сокрушенно качнул головой. — Но к счастью я встретил вас. До завтра, милейшая Астра.

Хивс быстро скрылся в переулке, а она стояла еще несколько минут, сожалея, что не отважилась попросить хотя бы пять-шесть сальдов авансом. Стыдно, конечно, выпрашивать что-то мэги, но теперь ей предстояло провести ночь на улице. Шет с ним, обедом или там, ужином, но на улице! Да еще и с немалой вероятностью, угодить в какую-нибудь не особо приятную историю — ведь, сколько рассказывали об Иальсе всякого.

Астра пошла вниз, по направлению к торговым рядам. Какой-то мальчишка, увязавшийся следом — попрошайка, а может такой же бездомный, как она, — сначала

раздражал навязчивым присутствием за спиной, но, спустившись к людным улицам близ старой крепости, мэги перестала его замечать. Шум Варгиева рынка слышался совсем близко. Разнообразные запахи, тянувшиеся от лотков, начинавшихся справа, щекотали ноздри, кружили голову. Особенно остро раздражал аромат жарящейся рыбы, наплывавший от навеса под тяжелой деревянной вывеской. Астра вспомнила, что очень давно не пробовала свежей рыбы, зарумяненной вот так на раскаленной решетке и шипящей на углях сладким соком. Черствые лепешки, размоченные молоком, которыми угощал господин Набруп вчера, растворились как-то незаметно, а утром она то ли из гордости, то ли по глупости отказалась завтракать вместе с Голафом, похваляясь, как девчонка, что в доме Варольда ее ждет пышный прием.

— Соус острый, обжигающий! — увещевал кто-то, склонившийся над дымящими мисками.

«Ох, заткнулся бы!» — хотела огрызнуться мэги, но пошла, не оглядываясь, дальше, к Варгиевой площади.

Недалеко от бочек с соленьями жонглер ловко управлялся с ножами, подбрасывая штук шесть или семь высоко, сам кувыркаясь и подхватывая сверкающие лезвия на лету. Рядом человек в шафраново-желтой чалме, с лицом, измазанным сажей, демонстрировал ловкость своих рук — шелковый цветастый шарф то исчезал, то чудом появлялся в проворных пальцах, извиваясь с шелестом змеи. Тут же он отхлебнул из чаши на треноге и изрыгнул вдруг длинный язык пламени.

— Тьфу! Яйца Маро! — Астра отпрыгнула непроизвольно в сторону, повернулась и уперлась в грудь великорослой толстухе, рассекавшей толпу, словно сорвавшаяся с якоря баржа.

— Смотри куда прешь, — рявкнула дебелая баба, глядя сверху вниз.

— Извините, вас-то я и не заметила, — притворным смущением опуская ресницы, Астра присела в дворцовом реверансе.

— Уткнувшись носом в гору, нельзя всю гору обозреть, — изрек человек в чалме, и вокруг раздались смешки.

— Что-то много стало в Иальсе деревенских оборванок! — наступала толстуха, качаясь тяжело в пышных волнах синего шелка. — Стража на воротах куда смотрит?! Стража!

— Это же жинка Парба — капитана гарнизончиков, — негромко заметил кто-то.

— Я тебе не девка деревенская и заплатила за вход! — Астра порывисто выпрямилась.

— Да ну? Лежа на спине?

— Не твое коровье дело! — в темных глазах мэги мелькнул быстрый мятежный огонь. — Уж на твоём вымени до рвоты любого укачает!

— Ах ты сука! — расставив широко руки и шурша шелками, капитанша двинулась в наступление. — Сейчас ты узнаешь, с кем дело имеешь!

Астра извернулась гибко и, оказавшись вмиг за ее спиной, рванула с силой за рыжий локон. Плетенка накладных волос слетела с головы, возвышавшейся башней над толпой, и народ, зрея бледные проплешины госпожи великанши, лопнул хохотом. Не задерживаясь ни мгновенья, мэги скользнула в проход между соседних лотков.

— Держи мерзавку! — еще слышался вопль, похожий на призыв боевой трубы, где-то там вздымались над толчеей ротозеев массивные ручища, и гнев сотрясал воздух. — Стража-а!

Астра едва сдерживала смех, пробираясь к центральному ряду. Уж чего-чего, а здесь не

было скучно, как на важных и сонных улочках Вергины. Хотя время утекло давно за полдень, огромная площадь шумела, радовалась чему-то, словно теплый водный поток, искрящийся среди камней. На помосте, украшенном пестрыми лентами музыканты играли мелодии, задорные, бесшабашные, ноги сами вздрагивали в звонком ритме. И было это совсем не похоже на звучание чопорных пьес в замке Изольды, что навевали тоску и сонливость. За корзинами полными спелых лоснящихся фруктов, стояли бочки с вином и торговец в мятой шапочке, надетой лихо набок, зазывал звучно:

— Ширдинское! В меру пьяное!

— Ширдинское! Е-е-е! — подтверждал напевно господин, похоже, снявший пробу не раз и устремлявший довольный взор куда-то к далеким просторам Ширдии.

Напротив теплым блеском мерцала бронзовая утварь, дальше стоял горбоносый аютанец в широких штанах, и ткани яркие, нежные струились в его пальцах, словно волшебные волны эфира.

Приблизившись к полосатой палатке, веревочное ограждение за которой обступало десятка три горожан, Астра прочитала на вывеске: «Убей Заговоренного! Всего 1 сальд! Всего! И выиграй 50!»

— Как же? — удивилась она, выиграть да еще такую огромную при ее нищенском положении сумму, было крайне заманчиво.

— А просто, милочка, — зазывала в потертой безрукавке легко подтолкнул ее пальцем. — Очень просто! Верно говорю, господин Бугет? — он моргнул невысокому грузному мужчине, выходявшему из палатки.

— Убей Заговоренного! Приз пятьдесят! Пятьдесят серебром! — вытянув шею, как гусь, голосил мальчишка, державший холщовую сумку с дротиками. — Звонким серебром, господа! Монеты поют лучше, чем бард в таверне! Всего один ничтожный сальд!

— Мне пять, — решил кто-то из собравшихся вблизи. — Только, щегол, ровные выбирай! И что б перо не повыдергано, — оглядев придирчиво дротики, он отсчитал монеты.

— Это же чистое разорение! За каждое попадание — приз пятьдесят?! — Астра прикинула расстояние до мишени, выведенной ярко краской на щите — здесь было чуть более десятка шагов.

— Напротив — чистая прибыль. Ведь коротыш неуязвим — заговоренный он. Я давно наблюдаю, — наклонившись, доверительно сообщил ей длинноволосый улыбчивый парень с китарой торчавшей косо за спиной. — Хотя попробовать можно. Возле вас мне бы и проигрыш согрел сердце, почище сладкого вина.

— Ерунда какая. Заговоренный, — мэги улыбнулась краешком губ и шагнула в сторону, пропуская его ближе к ограждению. — Я бы попала. Наверное, здесь криворукие все, — на ее глазах уже третий дротик вонзался в низ мишени, прямо в разинутую пасть василиска. Заговоренный коротыш, нарисованный в центре, будто издевался, корча кривую большеротую рожицу.

Мужчина, нервно подняв руку с легким оперенным снарядом, изготовился для броска, сам он покраснел, на лбу выступил жирный пот.

— Средь серых лиц, бесцветных глаз, цветок волшебный вырос, — прошептал парень с китарой, тихонько наклонившись к Астре. — О, да, принцесса, это я о вас.

— Обо мне? — она подняла бровь, повернувшись к нему в пол-оборота. Ей никто раньше не говорил так, и слова незнакомца были приятны, как и его взгляд с оттенком неба

и теплого ветра.

— Ну, да. Как тебя зовут? — спросил он и несмело отвел глаза.

Она чуть наклонила голову и прошептала:

— Астра Пэй...

— А меня — Леос. Если честно, я шел за тобой еще от павильона музыкантов. Шел и боялся, что ты растворишься в воздухе, словно Рая после весны. Останутся лишь капли росы и цветы, но зачем они тогда?!

— Обманщик. Ты же сказал, что давно наблюдаешь, как бросают дротики? — мэги прищурилась, наматывая на палец черный локон, лежавший на груди.

— Нет, я наблюдал за метателями с утра, а потом играл там, на помосте, — искренне заверил он. — Не хочешь попробовать выиграть эти пятьдесят сальдов?

— Я бы попала, Леос. Клянусь. Ерунда-то какая — с десяти шагов! Только денег нет при себе, — мэги вдруг вспомнила о своем колечке, которое думала заложить несколько дней назад, но раньше, чем она решилась снять украшение с пальца, Леос сказал:

— Зато я сегодня с монеткой. Три дротика! Мне и очаровательной подруге моей! — он бойко зазвенел медяками, разворачивая платок.

Взяв тростниковую стрелку с железным наконечником, Астра подошла к краю ограждения. Подняв руку, она снова оценила расстояние до мишени. Таким легким снарядом следовало целиться несколько ниже грифона, нарисованного над головой коротыша, но странно: выше тоже торчали разноцветные перья — следы многих неверных бросков.

— Приз готовьте, добрейший господин Бугет, — сказала мэги и несильным замахом метнула дротик.

— Щас, — усмехнулся хозяин, дразняще потрясая кошельком — пущенный снаряд угодил едва выше шипового гребня василиска.

— Ах! — сжав губы, Астра даже покраснела. Этого не могло быть! Ведь дротик летел точно. Точно над головой хохочущего уродца — она провожала взглядом крашенное перо до конца, только возле самой мишени какая-то незримая сила властно потянула его вниз.

— Госпожа Пэй, у тебя еще бросок, — Леос протянул вторую стрелку.

— А ты? — она коснулась его теплой раскрытой ладони.

— Забавы ради милой девы, ее улыбки, милых глаз, — он сжал ее пальцы. — Моя принцесса — это все для вас.

— Спасибо, Леос. Мы обязательно выиграем, — она подняла дротик, неторопливо взвешивая его в руке. — Не смейтесь, господин Бугет, — ваши пятьдесят сальдов нам будут очень кстати.

— Во дает! — воскликнул мужчина, державшийся у входа в палатку. — Забрать денжат у господина Бугета!

— А чего б и нет? — подначивал зазывала в безрукавке. — К смелым удача сама мостится! Ведь уже выигрывали, помню! Ага, сколько раз!

— Помолчите! — Бугет небрежно махнул широкой ладонью. — Не болтайте здесь попусту!

Астра подняла дротик. Целиться следовало выше. Выше грозного желто-черного грифона и, наверное, чуточку над щитом. За мишенью была некая хитрость, догадалась мэги, тут же почувствовала вибрации металла, похожего на магнетическое железо.

«Хорошо, господин мошенник», — мысленно проговорила она, — «я все равно проткну вашего Заговоренного», — и метнула дротик.

Мелькнув в воздухе желтым оперением, снаряд взлетел выше щита и воткнулся в хвост грифона.

— Это еще не все! — коротко взглянув на хозяина хитрого аттракциона, Астра выпрямилась. Теперь она знала, что в заговоренного попасть просто так нельзя. Леос молча протянул последний дротик.

— Бросай ты, — негромко сказала она.

— Не смогу, — он качнул головой. — Разве, чтобы тебя насмешить. Хочешь?

— Просто бросай, — настояла Астра и подтолкнула его к веревочному ограждению.

Едва Леос отвел для замаха руку, мэги быстро выдохнула заклятие и протянула дрожащие пальцы вслед красноперому снаряду, направляя тонкое и быстрое тело в цель. Дротик вонзился точно в живот заговоренного, сотрясая щит неожиданно сильным ударом.

— Пятьдесят сальдов, Бугет! — изящным жестом Астра протянула ладонь.

— Она использовала магию! — вытаращив глаза, заорал гном, стоявший под вывеской.

— И я слышал заклятие! — подтвердил зазывала, мигом возникший за спиной мэги.

— Это не по правилам, юная госпожа. Вы мошенничали со своим дружком. И ступайте отсюда! Ступайте! — раздраженно отмахнулся Бугет, подумав, что эта склочная гостья вполне может оказаться какой-нибудь сельской ведьмой или еще кем похуже. — Освободите место, иначе я передам вас стражникам!

— А по правилам прятать это?! — Астра перескочила ограждение и бросилась к мишени. — Это вот, господин обманщик! Магнетическое железо! — раньше, чем хозяин опомнился, она опрокинула щит, и все увидели приклеенные смолой блестяще-серые бруски.

— Дрянь! Ты разворотила мне здесь все! — Бугет двинулся к ней. Следом, перемахнув через ящики, поспешил гном и зазывала в тертой безрукавке, выхватывая из-за пояса кожаный жгут.

— Молодец девка! — выкрикнул кто-то.

— У-ги-ги! Бугета куснули!

Толпа, плотнее обступившая ограждение, громко шумела, некоторые, в предчувствии занятной развязки, перелезли через веревку.

— Подбирай слова, толстая задница! — сцепив ладони, тлеющие опасным огнем, Астра гневно смотрела в багровое лицо иальсца. — Пятьдесят! Или я спалю весь твой балаган!

— Извините, господин Бугет! — выставив узкое лезвие кинжала, Леос подскочил к хозяину аттракциона, быстрым движением коснулся его выпуклого живота и, как игривый котенок, отпрыгнул к мэги. — Извините, мы спешим!

— Гнида!.. — Бугет отпрянул было от мелькнувшего у горла лезвия и тут же почувствовал, что кошелька уже нет на ремне. — Кириш! Геншеб! Держите их!

— Бежим! — Леос схватил Астру за руку, и они бросились в расступавшуюся шумной волной толпу.

— Кириш! — Гном обернулся на возглас господина Бугета. — Девку живьем и за волосы! — сузив глаза, добавил он.

Уже за пределом Варгиевой площади прояснилось, что преследователи не отстали и, как ни странно, число их возросло. За долговязым зазывалой, названным Геншебом, и крепеньким плечистым гномом спешили еще трое или четверо из шайки местных воров. И справа у края соседнего ряда обозначилось неприятное оживление.

— Ох, и Астра Пэй! Надо же так всполошить рыночную братию! — не мешкая, Леос свернул к кожевенным мастерским, видневшимся остриями красных крыш над низкими

постройками товарных дворов. Китара жалобно звенела, била по спине, кошелек Бугета, стиснутый вспотевшей ладонью, казался обжигающе тяжелым, так и норовившим выскользнуть из его кулака.

— Нас быстрые ноги спасут! Должны спасти! — приговаривал он, шумно выдыхая.

— О, Рена Добрейшая! — Астра остановилась, едва не наскочив на вышедших из-за поворота стражей. — Нас ограбить хотят! — выпалила она прямо в лицо горбоносому капралу. — Вон те мерзавцы! — она указала в сторону людей Бугета, бывших уже в полусотне шагов.

— Держите их! — бледнея, вскричал Геншеб. — Они господина Бугета обчистили!

— Э-эх! — наклонившись, Леос юрко нырнул под выставленную пику. Астра тут же последовала за ним.

— Стоять! — расставив руки, пусто скомандовал капрал, но мэги и ее спутник быстро свернули в узкий проулок, спускавшийся к докам.

Не дожидаясь приказа начальника, опешившего и будто одеревеневшего, оба стража побежали за беглецами. Геншеб, кто-то из Варгиевых воров рванулись, опережая вояк и крепко потрясая уши прохожих бранью. Кирил и другие спешили наперерез беглецам по соседней улице, придерживая рукоятки ножей, болтавшихся на бегу и яростно проклиная чужаков, испортивших такой неплохой день.

Вдали показались длинные портовые склады, когда Астра почувствовала, что выбивается из сил. Леос бежал позади, спотыкаясь от усталости, хрипло и часто хватая воздух раскрытым ртом, волосы прилипли к щекам, с подбородка капал пот.

— Стар-инго-лайто-спелл! — произнесла мэги и, резко повернувшись, толкнула руками незримую волну.

В тоже мгновенье ослепительная вспышка родилась из пустоты. Геншеб отшатнулся назад, словно в лицо ему плеснули кипятком. Кто-то, сдавив ладонями глаза, наскочил на каменную стену, взвыл и рухнул на мостовую. Телега, случайно выехавшая из-за угла, накатилась на ступеньки и не опрокинулась чудом. Случайный прохожий бежал по улице, вскинув к небу руки и завывая однозвучной тягучей нотой.

— Су-ка! — взлетел и опал чей-то голос.

Из редевшего быстро тумана появился Кирил и трое стражников, измотанных долгой погоней и темных от злости.

— Стой так! — Астра чуть оттолкнула в сторону своего спутника, заклятие само сорвалось с губ — бледно-синяя извилистая молния с треском вошла в броню первого воителя, рассыпалась искрами и метнулась к другим, озаряя бликами перепуганные лица.

— Шет! Ты убила их?! — Леос смотрел, как стражи, грохоча металлом, повалились наземь, словно тренировочные жестяные мишени.

— Очухаются. Наверное, — добавила она, поглядывая за перевернутые ящики возле повозки и ошалело взиравшего на нее извозчика. — Мотаем отсюда!

Едва они двинулись к пристани, гном выскочил из укрытия с пращей наготове и пунцовым гневом в выпученных глазах. Слепленный Геншеб тоже вышел вперед — зрение возвращалось к нему, он все яснее различал тонкую порывистую фигурку обидчицы и ее дружка. Следом осмелели некоторые из уже не столь дружной Вагриевой шайки.

— Шале ва кин! — процедил Кирил по-архаэски, приседая на левую ногу и отпуская снаряд из пращи.

Леос упал, схватившись за затылок. Услышав стон его китары, стукнувшейся об

мостовую, мэги оглянулась и тут же ответила мощным *фаерболлом*. Сверкнув злобным отражением в окнах домов, в глазах редких ротозеев, сгусток пламени угодил немного выше головы Кирима, с шипением обжигая его всклокоченные волосы.

— Анро кора Маро! — завопил гном, птясь и ощупывая с ужасом дымящуюся проплешину.

— Леос! — она наклонилась, пытаясь поднять безвольное тело друга.

— Сама иди... — распахнув пепельно-синие глаза, прошептал он.

— Вставай, Леос! Вставай! — пальцы, запутавшиеся в длинных волосах, липли от крови.

— Ты иди, иди, — он приподнялся неуклюже. — Кошелек возьми и беги.

Пущенный пращой камень, просвистел немногим выше виска мэги. Геншеб и воры с опаской двинулись к ней, выхватив ножи. И Кирим снова заряжал снаряд в тугую кожаную лямку.

— Авро-канья-фая-спелл! Канья-фае-спелл! — содрогаясь всем телом, Астра впитывала из эфира последние доступные ей капли силы. Шар огня ударил рядом с гномом, отбрасывая его горячей, гудящей волной к телеге. Второй пламенный сгусток угодил между Геншебом и ворами — зажигая одежду на ком-то последнем, и тот упал, крича и катаясь припадочным на булыжниках мостовой.

— Идем же, Леос! — мэги потянула его за руку, и он встал, шатаясь, словно матрос после крепкого кабацкого плавания.

В этот момент в проход за их спинами вбежали люди в широких рубахах с косо повязанными банданами, и другие, в серых плащах, сжимая короткие абордажные мечи.

— Приплыли... Свирепый ветер, надгробьем темным скалы, вода и кровь им глотки заливала... — усмехнувшись, Леос опустил взгляд к лезвию своего маленького кинжала.

Астра молча отступила к стене и прикрыла глаза. У нее больше не осталось сил ни на бегство, ни на самое простое неможное заклинание.

— Кирим, какого шета вы здесь вытворяете?! — человек в темно-синей шляпе с пером вышел вперед, опираясь на костяную трость.

— Нас интересуют только эта парочка, уважаемый господин Морас. Впрочем, подозреваю, не только нас, но и городскую стражу, — гном кивнул коротко в сторону распростертого на мостовой капрала.

— Вот как? А не кажется ли вам, что ваши интересы зашли слишком далеко на нашу территорию? — Морас недобро прищурился, складка дугой пролегла от искривленного носа к щеке. — Проваливайте отсюда! Эта госпожа под нашей защитой! Проваливайте, пока мои люди не пустили вам кровь! Или вы забыли свежий урок на мосту Герма?!

— Хорошо. Хорошо, господин пират, мы уйдем. Только знайте — девка украла кошелек у господина Бугета. Его личный кошелек. Понимаете? Получается его денежки питхой накрылись. А это не может остаться просто вот так... — движением руки он изобразил, нечто-то похожее на реверанс и направился в сторону Варгиевой площади. Геншеб и воры потянулись за ним.

— Милостивая госпожа Пэй, Братство Пери приветствует вас! — человек с тростью поднял ладонь, нечаянно или намеренно показывая татуировку в виде трилистника. — Здесь вы в безопасности. Может, проводить вас к таверне или по каким нуждам?

Еще не веря в чудесное спасение, Астра качнула головой:

— Благодарю, нам и здесь очень хорошо.

— Ну как знаете, — махнув своим людям, Морас зашагал к черно-деревяннным

постройкам доков, за которыми покрякивали чайки и плескалось море. — Желая получить побольше удовольствия от денежек скотины Бугета, — оглянувшись, добавил он.

— Твои друзья? — Леос облизнул пересохшие губы. Он тоже до самого конца не мог поверить в такой вот неожиданный и счастливый исход. Он вообще не мог поверить, что все, произошедшее только что перед его глазами, было на самом деле, наяву, а не следом шальной полуобморочной попойки. И даже эта девушка, в порванном платье с растрепанными длинными волосами, с глазами, похожими на темные, пьяные капли эля, казалась ему существом из какого-то милого и опасного сна.

— Нет. Впервые их вижу. Голову свою пробитую покажи, — Астра оглядела рану на его затылке, шептала что-то, едва касаясь рыжих от крови, слипшихся косм. Он чувствовал, как отступает боль, и прохлада тихонько стекает ручейками по спине.

— Я думал, что нас на куски порежут, — признался Леос. — Страшно было. Сначала я за тебя испугался. Проклинал этот кошелек, Бугета, себя за такую глупость. А ты... — он не то улыбнулся, не то скривился от болезненного головокружения. — Как научилась такие фокусы делать? Огнем и прочее?

— Училась, Леос. Двенадцать лет или больше того. Я — мэги, промеж прочим, — шутя, Астра высунула кончик языка.

— Мэги?

— Мэги. Что тебя в этом смущает? — плечико платья сползло набок, но она не спешила поправить, почему-то не стыдясь стоять перед этим мальчишкой, словно обычная оборванка.

— Принцесса волшебства... Моя принцесса волшебства! — повторил он, опустившись на колени и прислонившись губами к ее тонким пальцам. — Я и подумать не мог, что вот так вот на рынке... мэги!.. Я только мечтал, что встречу настоящую мэги где-нибудь далеко за лесами Кардора, горами Архаэса. Что буду сжимать ее руку и петь ей серебряно, долго, как птица весне!

— О, Сестры Светлые! — Астра вскинула голову, ей было приятно, очень приятно и столько же неловко. — Встаньте, принц сладкоголосый! Скорее встаньте! На нас смотрят! — из окон на противоположной стороне улочки высовывались любопытные, и возле повозки столпились прохожие, поглядывая то на стражей, начинавших все яснее подавать признаки жизни, то на виновницу их нынешнего, неприятного положения.

— А я — бард, если вам интересно, — он снова припал к ее руке, целуя сухими горячими губами. — Просто одинокий странствующий бард — бродяга ни на что не способный.

— Встань, Леос! — Астра вырвала руку, поглядывая с беспокойством на толпу, собиравшуюся возле громко матерившегося капрала. — И пошли скорее отсюда!

Все трое стражников были уже на ногах. Извозчик что-то пояснял им и людям вокруг, эффектно подтверждая сказанное размахистыми жестами хлыста.

— Мы найдем тебя, колдовка! Очень скоро! — выкрикнул капрал, решившись сделать еще шаг в сторону мэги. Другие стояли хмуро, боязливо опустив пики.

— Поцелуй кобыле хвост! — бросила Астра, чувствуя, что часть сил уже вернулась к ней, потекла по телу струями тепла и, вместе с тем появилась уверенность, что, если потребуется, то она сможет преподнести железноголовым неплохой *тандерболт*.

— Хвост кобыле! — повторил Леос, кашлянув смехом.

— Чего потешаетесь, господин бард? Почти так позволяет сказать себе сама магистр Изольда, когда к ней цепляются всякие фаты. — Астре тоже стало смешно. — Но, шет

залим, у меня же должен быть свой почерк!

Дождавшись, когда гарнизонщики скрылись из виду, они направились к набережной, неторопливо, все еще оглядываясь назад и по сторонам.

— Может, отужинаем вместе, госпожа Пэй? — предложил бард, почувствовав аппетитные запахи близкой портовой харчевни. — К тому же нам следует разделить по чести то, что послал праведнейший Архор! — спохватился он, потрясая кошельком с яркой синей вышивкой.

— Отужинаем, господин бард. Признаться, я сегодня и хлебной крошки во рту не держала. А кошелек очень кстати. Я даже не смею подумать, что эти деньги краденые. Ведь, правда? — проговорила она с откровенной издевкой, наклонившись к его плечу. — После того, как эти рыночные шуты облапошили столько людей, можно считать, что денежки отобраны самым честным образом.

— Наичестнейшим! Мне очень нравится, как ты это говоришь, — он развязал шнурок и высыпал со звоном монеты на ладонь.

— Леос, больше полтораста сальдов серебром! — обрадовалась она, ожидая, что их добычей будет лишь горстка медяков.

— Так в харчевню? Лучшую в Иальсе!

— Лучшую? Ты считаешь, что я могу появиться в приличном заведении в таком виде? — Астра чуть поморщилась, отступая и оттягивая надорванный край юбки.

— Принцесса, как вы могли такое подумать?! Вы — редкий бриллиант, — он взял ее руку, поднося к губам для поцелуя. — Найти достойную оправу для вас непросто, но мы постараемся. Уж из того, что только пьют в этом городишке. Идем в лавку Винсчи!

От портовых кварталов они поднялись к муниципалитету, заметному высокими блестящими шпилями издалека. В лавке при мастерской модного портного Астра долго не могла подобрать что-нибудь достаточно красивое да практичное. Колокол пробил час Раковины, когда, наконец, она остановилась на темно-зеленом наряде с желтыми вставками и кружевом, спускавшимся от ворота к груди. Такая обновка обошлась почти в сто сальдов, мэги даже расстроилась слегка, только Леос помог быстро забыть о похудевшем кошельке, глядя на нее с восторгом и шепча слова, которые, наверное, не умели произносить самые известные волокиты Олмии.

Выйдя от Винсчи, они еще долго бродили по городу, держась в стороне от злопамятной площади Варгиева рынка и обходя на всякий случай патрули стражей. Лишь уже под вечер мэги облюбовала таверну близкую к садам дворца Ронхана, с виду небольшую, уютную, с фигурами Герма у входа и чеканной вывеской «Серебряный шлем». Астра сняла себе комнату на втором этаже, с балконом, увитым стеблями плюща, и чудесным видом на сад, полный цветущих магнолий и гранатовых деревьев; Росну и башни дворца, острые, красные в закате. Леос занял столик внизу, и когда его подруга спустилась, кабатчица, шурша синим фартуком, принесла блюда с морской форелью, жареной до хруста, овощи и горячий хлеб. Они пили вино, молодое, шипящее. Потом сладкое, южное. Бард, держа на коленях китару, играл ей, читал долго стихи, от которых кружилась голова, мысли становились легки, будто теплый туман. Народ, собравшийся здесь, веселый и хмельной, глядел на них то ли с почтением, то ли завистью, кабатчица приносила блюда еще, довольствуясь звоном монет и такими же щедрыми звучными похвалами. Они снова пробовали вино и потом другое, шутили, струны пели в пальцах барда, и огонь танцевал тихо в очаге. Уже около полуночи Леос проводил мэги наверх.

— Я останусь здесь, под дверью. Буду еще петь тебе, — сказал бард, пошатываясь и опираясь о стену.

— Ты с ума сошел. Будешь мешать соседям, и тебя выбросят на улицу, — она остановилась в проходе у мерцавшего бронзой светильника. — Я не хочу, чтобы тебя выбросили на улицу.

— Хорошо, я буду молчать... Ни звука, госпожа Пэй. Только думать о тебе буду. Это же здесь дозволено? Эй! Дозволено?! — он повернулся, обращаясь то ли к стенам, то ли к ушедшим за полог снов постояльцам.

— Не лучше ли тебе войти? Но только тихо, — Астра открыла дверь и взяла с полки светильник.

— Правда? Ты позволишь? — он скользнул следом, словно плутоватый кот. — Позволишь?! Я буду, как форель. Как мертвая жареная форель.

— Я уже позволила. Нет, ты как пьяная форель. И тише, господин бард. А главное — не вздумайте приставать ко мне, — она погрозила пальцем и отошла к окну, отдергивая шелковую штору, вдыхая теплый ночной воздух. — Я тоже пьяна, но не настолько, чтобы упасть в объятия человеку, которого знаю лишь один день.

— Разве это был плохой день?

— Очень хороший, Леос. Мне никогда не было так весело. Честное слово. И никогда я не была так пьяна.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — он в нерешительности положил китару на стол.

— Нравишься, — она почему-то вспомнила о Голафе, мысли путались, плыли кольцами тумана, вспомнила стоявшего на колене барда и его губы, касавшиеся руки. — Только это ничего не значит. Знаешь, как-то я чуть не сожгла одного наглеца, слишком назойливо пристававшего ко мне? — соврала она. — Да. А другого заморозила в большую печальную ледышку. В общем, это ничего не значит.

— Даже одного робкого поцелуя? — луна освещала его лицо, наклонившееся к ней, рука осторожно коснулась талии.

— Не знаю... — она тоже потянулась к нему, трогая его влажные губы своими.

— За это же не заморозишь? — он оторвался на миг, заглядывая в прикрытые длинными ресницами глаза, таившие манящий золотисто-темный свет.

— Нет, пока нет, господин бард. На тебя довольно трудно разозлиться, — добавила она, наматывая его светлый локон на палец.

— Я тебя люблю, Астра Пэй. Клянусь, без всяких винных паров. С первого мгновения как увидел там, на рынке.

Она легла, прикрывшись мохнатой шерстяной накидкой, он опустился на пол возле ее кровати.

*

*

*

Сойдя на палубу, Давпер остановился, держась за поручни и наклонившись над бортом «Нага». Размытое пятно луны плыло в черной воде, низкие волны облизывали крепкое тело когга с тихим плеском, отражая звезды и медные, покачивающиеся огни у кормы. Это была хорошая ночь, теплая, чуть пьяная, как большинство ночей Иальса. На площади за причалом, освещенной языками костра, еще продолжалось веселье, маячили фигуры матросов, жадных до вина и развлечений гуляк и избалованных портовых шлюх.

— А она настоящая мэги, — прервал его мысли Морас, спускаясь с кормовой надстройки. — Такой фейерверк устроить — талант иметь надо.

— Но теперь никуда ей не деться, — добавил следовавший за ним начальник абордажной команды. — Вместе с шутом остановились в «Серебряном шлеме». Чего б не позволить деревенской роскоши за денежки толстяка Бугета?

— Хорошо, Бот, — Давпер кивнул, слушая голоса и хохот, доносившийся с берега. — И завтра она придет. Мне нужны записи Керлока. Пусть наши люди следят за ней и перехватят возле дома старика. Ведь кто знает, что на уме у взбалмошной девки — может и принести книгу, а может и сбежать с ней. От шута там избавьтесь сразу.

— А если она не сможет вытащить книгу? Допустим, дверь не хватит ума взломать, или еще какая дрянь? — поинтересовался Бот

— Мы не можем ждать больше трех... ну пяти дней, — капитан запахнул плащ и присел на бочку, положив рядом трость. — Пока ветер попутствует, и море не штормит до акульих потрохов. Иначе не доберемся к Карбосу в срок.

— Подождем три дня, Морас. Не более. Потом эту мэги ко мне при любом исходе. Руки за спиной потуже скрутите, чтобы беды здесь не натворила. И уже завтра начинайте готовить корабль, — Хивс достал костяную коробочку, разглядывая серебряную инкрустацию, холодно и волшебно блестящую в луне, извлек несколько листьев мако. — Остается надеяться, что дела у магистра Канахора сложатся также хорошо. Пойдем-ка, посмотрим наш товар, господин Морас, — он усмехнулся и тут же поморщился от горьковатого вкуса зелья, щипнувшего язык.

Они спустились на нижнюю палубу, освещенную вдоль прохода масляными светильниками, тихонько качавшимися в бронзовых кольцах. Здесь было душно и сыро, из-за приоткрытой двери тянуло запахом луковой похлебки и рыбы.

— Господин Давпер... — прислуга, судя по кривоногой походке и сероватому цвету лица, полугном, — от неожиданности расплескал кружку эля. — Чем услужить, господин Давпер? — встрепенулся он, предано глядя выпученными глазенками — пролитый напиток стекал по рубахе и капал на пол.

— Птичек покажи, — Морас пригнулся, проходя под брусом. Хивс последовал за ним и шустрим, звенящим отмычками, ключником.

— Вот, пожалуйста, господин Морас, господин Давпер, — открыв дверь, прислуга поклонился, едва не уткнувшись в живот капитану.

— Арбея, Аснис, Авла, Апиода и Анита, — последней из молодых женщин, находившихся в каюте, усланной потрепанными циновками, Морас назвал высокую блондинку с худощавым лицом и синими, еще влажными от слез глазами.

— Хороши, — Давпер сплюнул на пол потерявший вкус мако, в голове плыл легкий приятный туман.

— Так выбирай на ночь, — Морас будто усмехнулся левой половиной лица, тронувшегося морщиной. — Как говорит Наод «вкуси плоды, пока их не съела мрачного

времени гниль». Выбери, чтобы было не жалко расстаться на Карбосе.

Давпер стоял некоторое время в раздумье, глядя на разных, довольно приятных женщин, прятая испуганные и уставшие глаза за опущенными ресницами.

— Не сегодня, капитан, — мне нужно выспаться, — решил он.

— А я, пожалуй, возьму... снова ее, — подойдя к Аните, капитан поднял подбородок девушки, второй рукой несильно стиснул грудь.

— Морас, для мэги подготовьте отдельное помещение. Лучше поближе ко мне, — распорядился Хивс и вышел в коридор.

Глава третья. Баллада порванных струн

Скобяной лавки, названной Давпером Хивсом как место встречи, они достигли вовремя — стрелка на часах башни только коснулась хвоста ящероподобного существа. Слева виднелись доки, длинные бревенчатые здания портовых складов и остов небольшого судна. Справа находился порт, тянувшийся до скалистого мыса, редко поросшего пиниями и травой, с темным пестом маяка в свежем утреннем небе. У причала терлись крепкими бортами корабли, разбуженные слабым тягуном, грузчики валили мешки с повозок на настил, рыбацкие лодки возвращались с уловом. Матросы тоже возвращались, большей частью после ночной попойки: кто, угрюмо переставляя непослушные ноги, щупая пустую мощну да саднящие побои на лице, кто, еще не расставшись с компанией, и горланя нескладно обрывки вчерашних разгульных песен.

— А вот и господин Хивс, — Астра узнала его издалека по быстрой походке и синему мундиру с белым воротником. С ним шли еще трое похожие на матросов или лихих парней, ставших известными, как братство Пери.

— Чудесное утро, мэги Астра, — остановившись на ступенях перед входом в лавку, Хивс отпустил легкий поклон.

— Великолепное! — Астра сплела пальцами рунным знаком Радости и с улыбкой смотрела то на Давпера, то на людей в банданах — их лица казались ей знакомыми.

— Очень приятно, что вы — человек слова, — заметил Хивс следом за ударом колокола, обозначившим час Василиска.

— Я всегда отношусь к делам очень серьезно, господин Давпер. Вернее, мы относимся. Познакомьтесь, мой ближайший друг и помощник — Леос, — не сводя глаз с Хивса, она потянула барда за рукав.

— Рад, безумно рад! — в приветствии гилен Пери прижал руку к груди, бледные губы над клином черной бородки сардонически изогнулись. — Вероятно, вы поэт или бард. Ваши глаза светятся стихами.

— Совершенно верно, — Леос сдержано поклонился. — Я рифмоплет, ценитель сладкой красоты, вина любитель, по жилам синим Эдоса ручей, но рядом с Астрой Пэй — я просто серый воробей.

— Ну что вы. Зачем так принижать себя, — с тенью презрения поморщился Хивс. — И в Иальсе вы, конечно, не так давно. Впрочем, это не имеет значения. К делу! — миглом потеряв интерес к барду, он обратился к Астре: — Госпожа Пэй, если выйти из юго-западных ворот и двигаться дорогой вдоль побережья, — он повернулся, указывая правее маяка, за утесы над которыми вились крошечные точки птиц, — то за час с небольшим вы доберетесь до имения Керлока. Его, кстати, неплохо видно с городских стен — двухэтажный домик, жалкий, с обвалившейся крышей. Скажу сразу: народ наш побаивается этого места. Не знаю, по каким таким серьезным причинам, но все объезжают его. Слышал только, что этот Керлок при жизни занимался алхимией, какой-то нечистой механикой, ну и не без магии все это.

— Был эклектиком, — обобщила Астра.

— Да, кажется, так эти дела называются. Так вот, со стороны сада в том доме есть вход в его мастерскую, и там должна быть старая книга — вот ее мне и нужно достать.

— Только и всего? — мэги все еще смотрела на юго-запад, за пепельно-серый палец маяка.

— И вы платите за это 500 сальдов? — в вопросе Леоса смешалось недоверие и разочарование. — Как-то странно, добрейший господин Давпер. Ведь если бы все так просто, вы бы могли забрать ее давно сам.

— Гм, ну, во-первых, не «давно». О книге старика я прослышал несколько дней назад. Поэтому и побежал за помощью к Варольду. А во-вторых, я не говорил, что все так просто. — Хивс неторопливо достал костяную коробочку, украшенную серебром, взял щепотку тертых листьев мако и положил зелье под язык. — Совсем не просто. Дверь в мастерскую закрыта изнутри, скорее всего на засов. Мои люди уже пытались открыть ее по-всякому — только топоры сломали. Видимо, колдун заклятия наложил. Одного из моих матросов убило там насмерть, отскочившим молотком. И другого вскорости покалечило. Напуганы были ребята. А ночью ужас такой пережили, что их теперь идти туда не заставишь. Но мэги-то всякие подземные звуки и голос старика, что, я думаю, только спяну послышаться может, не испугает?

— Голос старика? — рассмеялась Астра. — Господин Давпер, несколько дней назад я трупника превратила в горстку пепла. Шутя так. А как же получилось, что дверь в мастерскую заперта изнутри? Ведь в доме никто не живет?

— Не знаю. Может сам Керлок магией или какими-нибудь приспособлениями все это дело запечатал от посторонних глаз. А может, закрылся, да и помер там. Неважно это. Меня интересует только книга, — его глаза, вязкие, с мутным оттенком болотной жижи внимательно смотрели на нее. — Для мэги отодвинуть задвижку или разобраться с печатями труда не составит. Правда? Это, наверное, так же легко, как направить в цель дротик.

— Господин Давпер, неужели вы снова подглядывали за мной? — сказала Астра, на этот раз почти без раздражения.

— Глупости. На рынке о вашей уловке много разговоров было. Кстати, это мои люди, случайно оказавшись поблизости, остановили озорников Бугета. Тех самых, что бежали за вами, держа наготове ножи. Скажу вам по секрету, мошеннику Бугету подчиняется большинство воров рынка и прочий сброд округи. Да... А вы весьма обидели его, на глазах у всех отняв кошелек. Весьма! — Давпер шутливо погрозил пальцем и поглядел в сторону гавани, где стоял на рейде двухмачтовый когг с ярко-красной полосой под фальшбортом. — Вот почему я подумал, что господин бард в Иальсе недавно и плохо знаком с местным людом. Но сейчас вам опасность от варгиевой шайки не грозит — вы под моей защитой.

— Похоже, что вы здесь влиятельный человек, — Астра тоже повернулась к причалу. Возле повозок, на которые грузили толстых трепещущих рыбин, она увидела знакомую фигуру, и хотя глаза слепило утреннее солнце, мэги без труда узнала Голафа Бриса.

— В некоторых случаях не меньше, чем магистр Варольд, — не без удовольствия признал Хивс. — Но сейчас это не столь важно. Почему вы не спрашиваете, какая книга мне нужна? Ведь в мастерской старика может оказаться много книг.

— Этот пикантный вопрос я хотела оставить на закуску. Но раз уж вы об этом заговорили... — Астра хитро прищурилась. — Так какая, господин Давпер?

— Меня интересует книга голема. Всего лишь. Инструкция по его изготовлению, — Хивс отметил, что его слова мэги приняла почти безразлично, значит, она ничего не знала о некогда нашумевших опытах Керлока, пожалуй, это было ему на руку, и он добавил: — остальное добро можете забрать себе.

— Очень хорошо, я найду эту книгу, — с готовностью согласилась Астра. — Мы отправимся сегодня же, только запасемся кое-чем в дорогу.

— Тогда желаю удачи, госпожа Пэй, — Давпер небрежно поклонился и зашагал к трактиру, приметному парой пузатых бочонков, болтавшимися на цепях под вывеской «Красный краб».

— Где мы встретимся завтра? — крикнула вслед Астра.

— Я сам вас найду, — ответил он, не оборачиваясь.

Едва Давпер со своими спутниками скрылся из виду, Голаф пересек выходящую на пристань улочку и подошел к мэги.

— Прекрасно выглядишь, Астра Пэй! — искренне заметил он еще шагов с десяти, даже приостановился на миг, словно желая разглядеть ее лучше именно в таком ракурсе. Новое платье из темно-зеленого сукна с песочно-золотистыми бархатными вставками действительно подчеркивало грацию фигуры его недавней знакомой. Волосы, черные с рыжеватой искрой, теперь аккуратно уложенные, обрамляли лицо блестящими волнистыми линиями.

— Да? Мне об этом с утра говорили многие, — Астра шагнула ему на встречу, замечая красные прожилки в его глазах, усталое, изнуренное бессонницей или крепкой попойкой лицо, и следы плохо отчищенной грязи на камзоле. — А твои дела, похоже, не слишком хороши.

— Вот не надо язвить, дорогая. Бывало, конечно, получше, — франкиец коротко взглянул на барда и поправил плащ, свисавший с плеча. — Ты уже успела обзавестись сердечным поклонником. Так, Астра Пэй? Нет сомнений, твои женские чары не уступают талантам мэги.

— Здесь и не может быть сомнений, Голаф. Перед тобой известный всем бард Леос, — представила она, и Леос, довольный вниманием, прижал ладонь к груди. — Вчера мы славно провели время. Он даже сложил несколько песен обо мне. Наши приключения начались с Варгиева рынка. Не слышал?

— Нет, как-то не пришлось.

— Ха, об этом говорит весь город. Потом был изысканный, верно королевский, ужин, — продолжила она. — Напились до кровавых весов в глазках и спали в одной комнате. Так здорово!

— Надеюсь, не в одной постели? — почти безразлично спросил рейнджер.

— Какое тебе дело, Брис? Мы, кажется, вполне счастливо расстались еще три дня назад. Да будет тебе известно, Леос — мой друг. Настоящий друг. И может быть... — она не договорила, решив закончить последнюю фразу милой улыбкой.

— А тот, — Голаф небрежно кивнул в сторону, где скрылся Давпер, — тот, с которым вы здесь мило беседовали, тоже друг?

— Господин Хивс? У меня с ним дела. Довольно серьезные. На... — подняв взгляд к небу, она сладко добавила: — пятьсот сальдов.

— Пятьсот сальдов? Послушай, девочка, ты связалась с дурной компанией. Я не имею в виду тебя, Леос, — повернувшись к барду, заметил Брис, — тебя я просто не знаю, а если чего не знаю, то не буду зря трепать языком. А вот о тех людях, которые обсуждали что-то здесь с вами, мне довелось узнать кое-что. Не представляю, что обещал вам Давпер, но мой совет — держитесь от них подальше. В общем-то, из-за этого я к вам и подошел. Хочу предупредить: они не заплатят ни тертого шилда, а неприятностей вы хлебнете, уж верно больше, чем вчера вина.

— Великоумный господин рейнджер, не говорите чушь. Я не так глупа, чтобы кто-то

сумел меня с легкостью облапошить. По крайней мере, в этом деле я ничего не теряю, но верно приобрету книгу голема... — она на миг замялась, этого не нужно было говорить Брису, — ну, или что-нибудь стоящее... Тебе это как бы не нужно знать. Я же вижу, тебя корежит от зависти, хотя ты из башмаков выпрыгиваешь, разыгрывая роль этакого заботливого благочестивого паладина. Мне твои наставления ни к чему. Вот так. Пока. — Астра повернулась к товарной площади, собираясь уйти.

— Все же ты глупа, — с недовольством проговорил Брис.

— Господин Голаф, попрошу, не смей говорить так с мэги! — Леос вытянулся, строго глядя в хмурые глаза рейнджера.

— Еще раз повторяю, господин бард, я достаточно знаю о людях, с которыми вы имели неосторожность связаться. Я знаю о них такое, что волосы у вас вскочат дыбом и струны на вашей лютне мигом лопнут, — бросил раздраженно Голаф. — Астра, если ты откажешься от затеи с книгой, или что они там пообещали еще, я дам тебе пятнадцать сальдов — это все, что у меня есть. Дам прямо сейчас.

— Моя Рена! Какое великодушие! Ты должен мне сорок, франкиец! Со-рок! — внятно повторила она. — И без всяких условий. Кстати, я долги не прощаю. Это не жадность — это мой принцип. Я не позволю, чтобы из меня дуру делали. До встречи. — Астра отошла в сторону и, повернувшись, добавила: — Не вздумай ходить за мной следом. У меня хватает дыхателей без тебя!

— Парень, — негромко окликнул барда Голаф, в затянувшемся молчании они смотрели друг на друга. — Желаю тебе удачи, — выдавил Брис. — И еще осторожности. Постарайся видеть чуточку дальше собственного носа.

* * *

Дом Керлока стоял в лиге от, тянувшегося по побережью, старого тракта к Олмии и Нолду. Тропа к этой дороге, изгибавшаяся вдоль молодой ореховой рощицы, давно заросла, и им пришлось продирааться сквозь высокие сорняки. Лишь ближе к скалам, торчавшими кривыми зубьями над берегом моря, идти стало легче. Сокращая путь, они поднялись по каменистой осыпи. Ворота, повисшие косо на проржавевших петлях, были открыты. Брус, когда-то запиравший их, валялся поперек прохода, его оплетала тонкая трава, из которой кое-где выглядывали звездочки крохотных белых цветков. Астра ненадолго остановилась — внизу на берег набегали волны, сердито шумя и оставляя белые перья пены на блестящих базальтовых выступах. Солнечные лучи разбивались о беспокойную темную воду, и осколки их отлетали яркими бликами.

— Ты знаешь, Леос, когда-то у меня была раковина, которая шумела, как это море... — тихо сказала Астра. — Станный, чем-то волнующий голос. Его я могла слушать часами. Следом приходили фантазии, детские, смешные, наверное, теперь. А потом появлялась Изольда...

— И где же она сейчас? — Леос коснулся ее плеча своим и тоже посмотрел вниз.

— Изольда?

— Нет, твоя возлюбленная поющая раковина.

— Там же, где и детство. Разве ты не знаешь, что все когда-то теряется, — Астра повернулась к воротам. — Пошли, нечего тут больше разглядывать.

Дом оказался совсем пуст. Кто-то сжег мебель, и на полу валялись куски обгоревших досок. Местами на стенах чернели широкие языки сажи, доходившие до потолка, в проломы которого было видно небо. По углам забились прошлогодняя листва, нанесенная ветром через разбитые ставни, кое-где проросли белесые стебли, похожие на длинных жирных червей, и такие же бледные пучки травы.

— Глянь-ка, — сказала Астри, заметив возле сгнивших останков стола, округлые шляпки грибов. — Если бы я была ведьмой или какой-нибудь помешанной травницей, то обязательно собрала их побольше.

— Что в них такого? — ковырнув листву ногой, Леос брезгливо разглядывал толстого слизняка, шевельнувшегося на грибнице.

— Ну как сказать... Если их растолочь вместе с пометом летучей мыши, то получится весьма ценное снадобье, — Астри тихо хихикнула. — Ценное для мужчин. Нужно это все потом съесть, став за спиной желаемой девушки, и... все — она до могилы твоя.

— Правда? — бард наклонился над находкой с заметным интересом. — А если без помета?

— Можно и без. Только тогда подействует наполовину. Ты прихвати их, Леос. Думаю, мыши летучие тоже здесь должны быть в достатке, — Астри слышала, как звякнула, падая со спины, его гитара, и, посмеиваясь, направилась к ступеням вниз. Когда она оглянулась, Леос стоял за ней, торопливо разжевывая шляпку гриба.

— Леос, ты сумасшедший! Я же пошутила! — мэги всплеснула руками, и спутник ее, оцепенев на мгновение, принялся старательно выплевывать отвратную массу. — Я только хотела проверить соберешь ли их ты для меня!

— Шет залим, принцесса, я... — он еще раз сплюнул и вытер губы рукавом, — я тоже подумал, что ты шутишь. Но мало ли... Так ты не знаешь, что это за грибы? Может, действительно, до могилы... и быстро?

— Не знаю, наверное, навозники обыкновенные. Жив будешь, сладкоголосый, — она улыбнулась и погладила его шелковистые волосы. — Нет, ну я, правда, не думала, что ты их в рот сразу. Идем во двор.

Через низенькую дверь они вышли в сад. Странно, здесь росло много цветов, будто сама земля, почуяв волю от опеки мрачного старика, радовалась обилием садовых растений. Кусты нежно-желтых роз огораживали лужайку с соцветиями густо-синих флоксов. Над мощеной дорожкой, неразличимой уже в траве, изгибались сочные стебли лилий, и выше ветви персиковых деревьев оплетал мелколистный дичавший виноград. Гранитная статуя, склонившаяся над фонтаном, печально смотрела на круглые листья кувшинок и на водомерок, скользивших по зеленоватой воде.

— Хорошо здесь, — бард вздохнул, прислоняясь к замшелому стволу старого дерева, слушая щекой блаженную прохладу и покой. — Даже этот дом, похожий на ветхие кости, не портит великолепия сада. Я бы подумал, что Чистая Эта ступала здесь и отметила божественным прикосновением этот уголок.

— От стен веет холодом и тайной, словно от древнего саркофага. А сад, конечно, чуден. — Астри дотронулась до цветка, и с вырезанных причудливо лепестков скатились капли влаги.

— Когда состарюсь для странствий, я тоже найду себе дом где-нибудь подальше от города и даже дорог, непременно с таким же вольным, запущенным садом, — он все еще стоял, прижавшись щекой к мягкому мху и наблюдая за мэги, бросавшей широкие лепестки

ромашки в чашу фонтана.

— Мечтатель. Что же ты будешь делать там, в одиночестве?

— Вспоминать... Все так же сочинять баллады. Баллады о тебе, — он сорвал несколько соцветий с ветки, подошел, чтобы вплести их в ее растрепавшиеся волосы. — Ты очень красива, госпожа Пэй. Особенно здесь, среди нектара роз и тишины.

— Леос, пока подкрадется хромая старость, и поседеют твои золотые кудри, ты встретишь еще много красивых девушек. И влюбишься множество раз. — Астра усмехнулась, щурясь, то ли от солнца, то ли от похожих на сладкое притворство мыслей. — Говорят, нет на свете ничего более непостоянного, чем разгульное сердце барда. Слова его — песни, песни на ветру, и сам он — ветер.

— Только это неправда. Я докажу, что это не так, — он взял ее руку, тихонько притянув к себе.

— Чем? Еще скушаешь грибочков? — она чуть не рассмеялась, глядя на его беспокойные глаза. — Дай лучше свой кинжал.

— Зачем? — Леос потянулся губами к цветку в ее волосах.

— Будешь клясться на крови! — произнесла она, оттолкнув его. — Шучу, сладкоголосый, просто пора начать, то, зачем мы пришли.

Она перерезала гибкие стебли плюща, заслонявшие железную дверь. Теперь было видно, что взломщики весьма старательно поработали здесь — вмятины, глубокие борозды покрывали ее, словно щит воина после тяжелого побоища, но дверь, ничего, выстояла и, видимо, выдержала бы еще куда более сумасшедшие атаки.

— Керлок прятал здесь что-то очень ценное, иначе зачем ему такая прочная дверь, вдобавок с заклитием? — бард стоял сбоку, раздвигая оплетавшие стену стебли.

— Здесь нет заклития. Помощникам Давпера померещилось с перепугу. Или были пьяные, — Астра прижала ладони к холодной шероховатой поверхности двери и сосредоточилась. — А дверь просто заперта изнутри. На задвижку. Чувствую край железного стержня в петле.

Она напряглась, улавливая кончиками пальцев тончайшие вибрации железа, медленно потянула ладони в сторону. Запор не поддался. Капли пота выступили на лбу, собираясь над бровями и скатываясь по лицу. Медленно, с дрожью от растущего напряжения, Астра водила ладонями от базальтовых выступов к толстым кованым петлям, словно глядя огромную дикую кошку.

— Айро-квот-файс-спелл! — она попыталась призвать на помощь существо воздуха.

Внутри что-то скрипнуло, и дверь качнулась, но это усилие оказалось слишком немым, чтобы открыть ее. Мэги вытерла мокрый лоб, снова прижала ладони к покореженному металлу, злясь и вкладывая всю силу. Вторая попытка закончилась так же неудачно, засов даже не дрогнул. Встряхнув сердито волосами, Астра отошла и села на парапет фонтана.

— Ничего не выйдет, — признала она. — Эту штуку не просто было бы открыть даже с той стороны. Хоть зубами грызи! Заржавело все. Не знаю, что делать, Леос, но что-нибудь придумаю.

— Может быть, там, в подвале была печь? Должна быть, если это мастерская алхимика. Стоит поискать в доме дымоход. Я бы рискнул спуститься. Уже имею опыт, — пожеывая стебель цветка, вспомнил Леос. — Потешный, правда. Мы с приятелем так из замка возле Лузины удирали от взбесившегося олена.

— Ерунда это. У меня совсем нет желания мараться сажей, тем более впустую. И других полезных мыслей тоже, увы, нет. Мы можем застрять здесь не на один день и не добиться ничего. Когда-то жрецы Тода и некоторые близкие им маги умели проходить сквозь стены, но это было слишком давно... — Астра не договорила, у входа в мастерскую послышался скрежет.

— Ты слышала? — Леос взволнованно вскочил, нацелившись взглядом в нишу стены. — Нет, ты слышала, счастливая Астра Пэй?! Это тайной силой делаешь ты или нам сам Герм помогает?!

Астра обернулась. Дверь дрогнула, словно кто-то ударил по ней, дрогнула, и стало видно темную щель между ней и стеной. Они стояли молча, приоткрыв рты, прислушиваясь к странным звукам из недр подземелья и биениям своих сердец.

— Это не я и не знаю, боги ли... — прошептала мэги. — Ты же видел — этот проклятый засов даже не думал двигаться с места!

Леос шагнул вперед, нащупав в складках одежды твердую рукоять кинжала, остановился и осторожно толкнул дверь. Она поддалась со ржавым стоном, таким громким в тишине, что бард отшатнулся, взглянул на стоявшую рядом мэги — ее строгое и спокойное лицо будто вернуло ему каплю храбрости. Вместе они вошли в открывшуюся арку. Вниз вели ступени, изгибавшиеся полукругом. Запах старого тряпья и сырости полз змеей. Они спускались неторопливо, прислушиваясь к вновь наступившей тишине.

— Факел нужен. — Леос вглядывался вдоль хода, почти неразличимого в полосе бледного света сквозившего сверху. — Пожалуй, я вернусь в дом, подыщу что-нибудь.

— Ты забыл, что я кое-что умею, — спустившись с последней ступени, Астра прошептала заклятие, и легкий, светящийся голубым шарик всплыл с ее раскрытой ладони. Взмахом руки она направила светляка по проходу дальше.

Паутина свешивалась со стен, заслоняя глыбы камня, похожие на бугристые черепа морков. Какие-то ящики валялись грудой в углу, разбитая бочка ощерилась досками. Они вошли в большой зал. Сияющий шарик, созданный мэги, был слишком слаб, чтобы осветить огромное помещение целиком, они могли разглядеть лишь приоткрытые двери в темный коридор, полки вдоль стены и силуэт какой-то машины.

— Не это ли — старик Керлок? — Леос попятился. Рядом с перевернутым стулом, скорчившись, лежал скелет. Лохмотья, оставшиеся от некогда богатой одежды, едва прикрывали желтые кости.

— Я с ним не была знакома. Да и как определишь теперь по этому личику? — Астра глянула на мертвеца, длинные седые волосы которого, заслонявшие пустые глазницы, были чем-то похожи на клочья паутины, свисавшей во множестве повсюду. Рядом с трупом поблескивало тонкое стекло разбитой реторты.

На столе тускло светились колбы, соединенные трубками, по краю дубовой столешницы был густо рассыпан рыжий порошок. Выше подставки в виде птичьих лап стоял бронзовый диск, покрытый изящными рунными знаками. Непонятное сооружение из перекрученных медных пластин и труб, выходящих из жерла давно остывшей печи возвышалось надо всем, словно надгробье или памятник бредовым идеям погибшего бесславно мизантропа.

— Не знаю, чем он здесь занимался. Похоже чем-то на астральную ловушку, только сложнее, — сказала Астра, трогая пальцем железный остов. — Видимо, не прост был и сам Керлок.

Она наклонилась, рассматривая вытравленную на гладкой меди черную руну, тонкую и

совсем бессмысленную рядом с грудой этого мертвого металла

— Знак Модреда... надо же... — Астри повернула пластину, гладкую, как зеркало, заметив, как мелькнуло там ее отражение. Магический шар осветил подставку, позеленевшую патиной, на которой еще остались кусочки разбитого кристалла. Сплетения тонкой серебряной проволоки, охватывающей стержни, рисовали цветок, в каждом лепестке его покачивалась капля ртути, запечатанная в стекле.

Послышался шорох. Бард порывисто обернулся, ладонь, сжимавшая кинжал, вспотела. Астри направила светляка в угол — там была крыса, обычная серая крыса с маленькими злыми глазками и голым, как червь хвостом.

— Ты боишься, Леос? — Астри, шутя, поманила зверька пальцем. — Неужели можно испугаться такого прелестного создания? Хочешь, я поджарю ее для тебя?

— Крыску — нет, но кто знает, что спрятано в подземелье этого колдуна. Ведь люди Давпера слышали странные звуки. Конечно, я боюсь немного, но больше восторгаюсь твоей смелостью. Клянусь, мне будет, что вспомнить потом.

— А ты не думаешь, что те неудачники действительно могли слышать голос Керлока? Допустим, так, — она взяла со стола уцелевшую колбу и, прислоняя губы к пыльному горлышку, басовито проговорила: — Гнусные воришки! Хо-хо-хо! Вы пришли за моими сокровищами, но не получите ничего-го-го! Ваше тухлое мясо съедят крысы, ваши кости останутся гнить здесь-есть-есть!

— Именно так.

Астри повернулась на раздавшийся за спиной негромкий голос.

— О, Эта Светлая! — вскрикнул сдавленно бард и попятился.

— Гнусные воришки, от вас не останется даже косточек. В этом ты прозорлива, юная мэги.

— Офреть! Сам мастер Керлок, как я догадываюсь! — движением руки Астри направила светляка к явившемуся из тьмы существу. — Похоже, не мил был ты богам, если душу до сих пор не пускают в Эдос. И ты меня даже чуточку напугал — думала, здесь завелась большая говорящая крыса. Терпеть не могу крыс, — она распрямила пальцы и грызун, сидевший тихо в темном углу, взвизгнул, обожженный ослепительной искрой.

— Ты очень отважна, мэги. Очень. Или совсем безголова! Я действительно мастер Керлок. Я здесь хозяин. А твой друг, наверное, уже подмочил штаны.

— Отходи, Астри! Я задержу его! — бард стоял, широко расставив ноги и выставив перед собой нервно дрожащий кончик кинжала.

— Это ни к чему, дорогой, — она шагнула к призраку, сгустившемуся быстро из размытого облака в сгорбленную темную фигуру старика. — Может, решим все миром, Керлок? Нам нужна только книга. Книга голема. А побрякушки, — она провела пальцем по звонким склянкам на столе, — и всякое прочее пусть пылится здесь вечно, если угодно.

— Кто ты такая, что посмела спрашивать о моей книге?! — глаза его, взиравшие из-под низких косматых бровей, стали желтыми, поронзительными.

— Так ты уже мертв, тебе книга бесполезна. Отдай ее, а я похлопочу, чтобы твоя душа нашла дорогу в лучшие миры, — Астри опустила светляка ниже, поглядывая на захлапанные полки за столом.

— Нет! Я свободен в тысячу раз больше любого из вас! И знаю, где мне быть! Вы не получите ничего! — он вдруг оторвался от земли, и ветер толкнул мэги жесткой волной. Светляка швырнуло вверх, ударившись об каменный свод, он рассыпался роем пищащих

искр. Вмиг стало темно. Бестелесная и гневная сущность эклектика пронеслась где-то рядом с силой урагана.

— Беги, Астра! — вскрикнул бард, делая неуклюжие, бесполезные выпады кинжалом наугад. — К выходу!

Приоткрытая дверь далеко по проходу бросала на ступени сероватую полосу света, а тьма вокруг казалась густой, липкой, как паутина, — они были мухами, пойманными черным пауком.

— Спокойно, Леос! И выбрось свою железяку — меня сейчас проткнешь, — мэги кожей почувствовала надвигающуюся яростную атаку духа, пригнулась, едва не упав на колени, и, сотворив быстрые пасы ладонью, выпустила сразу три светящихся шара, воспаривших вверх. Леос был уже рядом с ней, отчаянно вспорол клинком воздух перед призраком.

— С-щенок! — Керлок хлестко ударил в лицо, и бард отлетел в сторону, рухнул, скорчившись от ужаса и электрической боли. Тут же Астра ответила фаерболом — шар огня со свистом прошел насквозь бесплотную фигуру и угодил в стол.

— У-хо-хо! Ты точно безголова! — кувыркнувшись, Керлок вознесся к потолку, глядя сверху желто и пронзительно, будто химера Некрона.

Стол горел. Голубым, ярким вспыхнул порошок. Лопнули склянки, потекли с клокотанием.

— Беги, Астра! — взмолился бард, сиюсь подняться на четвереньки.

— Сам беги, — она уклонилась от броска Керлока, лишь холодная волна пустоты разметала ее длинные волосы.

«Думай, мэги! Думай», — Астра отступала вдоль стены, уводя от беззащитного Леоса взбесившегося духа, — «Огонь, Вода, Земля... нет! Воздух!» — она сложила руки на груди и быстро прошептала заклятие. Едва Керлок метнулся к ней, мэги выбросила руки вперед, широко разводя пальцы. Воздушный щит развернулся оглушительным хлопком, отбрасывая призрака к выщербленной колонне, держащей свод.

— А ты, оказывается, кое-что умеешь, — хозяин подземелья взмыл к потолку, его серое костистое лицо смеялось. — Интересно, на сколько тебя хватит.

— Я тебе не лошадь, чтобы выносливость демонстрировать, — она снова сложила руки плотно на груди, стараясь дышать ровнее и вбирая незримую силу эфира. — Иди сюда. Закончим эту игру.

Щит лопнул, звонко разлетевшись клочками тумана. На столе вспыхнуло пламя, перебросилось на груды ящиков, и по подземелью поплыл удушливый дым.

— Ты можешь только защищаться, мэги. Но твоим силам есть предел, и он почти наступил. Смотри!

Астра успела заметить, как вдруг колба сорвалась с полки у стены и метнулась к ней. Мэги отскочила в сторону — сосуд разлетелся слева от ее головы, брызнув маслянистой бурой жидкостью. Призрак проворно повернулся, и тут же она едва смогла отклонить тяжелый молоток, брошенный в Леоса.

— Хватит, Керлок! — Астра подняла руки, выдохнув раздраженно заклинание. Воздушный щит возник прямо перед носом алхимика, изогнулся полусферой, сверкая, словно стеклянная пыль.

— Это и все? — призрак оскалился, роясь в складках одежды.

— Не все, оглянись, мастер! — она отпустила зудящую на кончиках пальцев тугую волну — со шлепком появился второй щит, уплотняясь, жадно всасывая силу эфира.

— Гринх мора! — выругался старик.

Оба щита соединились в непроницаемый пузырь.

— А вот это — все. Все! — мэги торжественно выступила вперед. — Ты как рыбка в склянке. Хочешь, водички налью? Иль что-нибудь из твоих мерзких снадобий?

— С-сучка! — он вертелся, действительно как пойманный пескарь, толкая кулаком радужные стенки.

Сфера лениво опускалась к пламени, полыхавшему над столом.

— Так, как, мастер Керлок?

— Я найду книгу, и бежим! — Леос окончательно пришел в себя и бросился к полкам у дальней стены, на которых виднелись свитки и пыльные корешки ветхих фолиантов.

— Эй, бард, там, — старик изогнул палец к обитой медью двери. — Сразу увидишь. В синем сафьяновом переплете. А ты возьми это, Астра Пэй.

— Что «это»? — Астра наклонилась, разглядывая останки прежнего тела эклектика.

— Кольцо. Видишь там, с полупрозрачным камешком? Вот возьми его. Оно силу имеет — многие за ним гонялись. В чем сила — не скажу. Ведь ты хорошая мэги — сама разберешься... когда-нибудь.

— Она лучшая мэги! Самая! — Леос вышел с книгой, глаза его блестели торжеством.

— Ну, так уж и самая... — закинув руки за голову, Керлок перевернулся на спину. — Впрочем, ты прав, бард. Люби ее всем сердцем. И ступайте отсюда, пока я не передумал. Ступайте! Здесь больше нет ничего вам полезного. Если, конечно, ты, мэги, не хочешь прихватить что-нибудь из довольно редких составов там, на полках.

— Спасибо, мастер, — Астра медлила. — Спасибо. Мы славно развлеклись. Ангро-воэта-диан-спелл! — прошептала она, плавно опуская ладони, из туманного облачка, закрутившегося под потолком, упали кали воды, зашипев в пламени над столом. Огонь сник и скоро погас совсем. — А это, — мэги обвела пальцем в воздухе круг, намекая на сотворенную собственной хитростью сферу, — скоро рассеется, — можешь пугать незваных гостей дальше.

От дома Керлока они бежали, не останавливаясь до самого берега моря. Тропа здесь была столь крутой, что быстрый спуск по ней казался полетом. Астра, прижав крепко книгу, бежала впереди. Ее волосы, разметавшиеся в стороны ветром, были подобны крыльям, черным с яркими рыжими отблесками солнца. Расставив руки, Леос ястребом стремился за ней, из груди его вырывался восторженный смех, небо блестело в глазах, мимо проносились скалы с перьями пышных трав, снизу набегало море, хохочущее хлопьями белой пены.

Радостные, как дети, они пронеслись по кромке воды к мысу, выступавшему серыми ноздреватыми скалами. Астра поскользнулась и едва не упала, путаясь в намокшем платье — преследователь был уже рядом, поднимая фонтаны звенящих брызг.

— Леос! Ты сумасшедший! — мэги фыркнула, вытирая лицо и отплевывая горькую воду. — Книга намокла! — она выскочила на берег и, пробежав с десятков шагов, упала в траву.

— Госпожа Пэй! Ты заработала пятьсот сальдов! Надо же, так отважно и хитро усмирить ужасного Керлока! — он повалился с ней рядом, подняв китару над головой и глядя в небо, которое кружилось в ослепительной синей круговерти. — Госпожа Пэй, это была славная победа! Я буду петь о ней громче, чем о деяниях древних героев!

— Да, господин бард, это была вторая моя победа. Сначала тебе придется сложить

балладу о трупнике и глупом рейнджере, — отбросив с лица волосы, она открыла книгу, разглядывая замысловатые знаки и такие же мудреные пояснения к ним, выделенные темно-зеленой и синей краской, со столбцами знаков Го и рисунками на полях.

— Теперь ты даже не хочешь на меня смотреть? — он подполз, прижимаясь подбородком к ее плечу. — Не хочешь...

— Я жду эпитафию трупнику, — взгляд ее был строгим, но на губах таилась улыбка, похоже, она снова шутила над ним и испытывала от этого удовольствие.

— Да, только мне нужно немного вдохновения. Всего один твой поцелуй, принцесса.

— Наверное, твое второе имя — Рыжий Лис. Нет уж, — она легонько оттолкнула его, — сначала стишки. Сначала стишки! Или ты думаешь так легко выпросить поцелуй у мэги?

— Ох, — отбросив китару в сторону, он вдруг схватился за живот, поморщился, будто от боли, и повалился на спину. — Знаешь, грибы те... кажется, действовать начинают. Коварные оказались... твои грибочки...

— Что, Леос? — Астра, озаботившись, наклонилась над ним, он уже не смотрел на нее — прикрыл глаза и, отвернувшись, скорчился. — Леос, живот скрутило тебе, что ли?

— Не знаю, сними, пожалуйста... рубашку... мокрая, липнет и тяжело от нее, — бард поднял руки, прижимаясь щекой к ее колену.

— Ты совсем раскис! — расстегнув быстро тугой ремень, она вытащила край рубашки и закатила, обнажая его вздымавшуюся часто грудь. — Не молчи, Леос!

— Ох и грибочки, действуют как... — он положил ее ладонь себе на живот и едва приподнял веки. — Лукавые крайне оказались. Принцесса, послушай... а сердце мое бьется?

— Ты точно сошел с ума! Как же оно может не биться?! — она все же склонилась над ним и приложила ухом к его груди. — Нет, ты ерунду говоришь.

Он обнял ее сильно и, прижав к себе, впился в губы поцелуем.

— Леос! — от неожиданности мэги рванулась, пытаясь освободиться.

— Госпожа, это все грибы виноваты, — бард держал ее нежно и властно, потом перевернул на спину.

— Лжец! Хитрый обманщик, — она обняла его, сначала легко, едва касаясь, глядя плечи и нехотя отвечая на поцелуй.

— Пошутил. Я только хотел проверить, — передразнил он, напоминая каверзу, разыгранную мэги с грибами, и опуская взгляд к ее груди, проступающей под влажной тканью.

— Что проверить? — упираясь локтями, Астра отодвинулась выше и опустила голову в траву. Запах цветов, плеск близкого шумящего моря и вкус поцелуя барда соединились в какое-то хмельное дразнящее ощущение, неведомое и приятное, которое хотелось продлить, продлить еще... и которое одновременно пугало ее неизвестностью, чувством какой-то постыдной девичьей слабости.

— Что проверить? — с вызовом повторила она.

— Снимешь ли ты рубашку, — опираясь на руку, Леос нависал над ней, глядя в глаза, похожие на золотисто-темные пьяные капли эля, — капли с его длинных мокрых волос стекли по щеке и упали ей на шею, на грудь, вздымавшуюся высоко, рвущуюся из разреза под золотистым кружевом. Он наклонился и выпил эти капли, расстегивая платье и опускаясь с нежными поцелуями ниже, втягивая в себя ее вздрагивающее тело.

— Леос... — Астра гладила пальцами светлые локоны и не знала, что сказать еще. Она почувствовала, как ладонь барда коснулась ее колена, сминая бархат, поднялась медленно и

осторожно выше. Воздух казался густым, сладким будто сок, мэги пила его частыми маленькими глотками, закрыв глаза. От ласки барда ей стало тепло, томно, откуда-то издалека приближалась, нарастала волна могучей, опасной стихии, которая грозила захватить и подчинить все ее существо.

— Леос... — повторила она, ощущая новый болезненный нажим страха за свою слабость, беспомощность, которой не испытывала никогда прежде. — Слышишь? Прекрати. — Астра взяла его голову ладонями, приблизила к своему лицу. — Здесь будто кто-то смотрит на нас. Чувствую я... Идем в Иальс. Пожалуйста.

— Но там не будет этих душистых трав, не будет моря, которое я так хочу с тебя пить, — задержав дыхание, бард отвел глаза.

— Там будет вино.

— И его пьяные капли на твоей груди?

— Да. Мы снимем комнату в самой лучшей таверне. Одну на двоих. Но здесь я не хочу, — она поджала губы в извиняющейся улыбке и потянула платье на свои обнаженные плечи.

— Астра, — он взял свою рубаху, стряхивая с нее крупички земли, и продолжил: — еще вчера я думал, что просто безумно люблю этот мир. Море вольное, оружие рынки, вино вечерами в трактирах, небо, поющее звездами, звуки медовые струн и стихи. А теперь я знаю, что весь этот мир — ничто без тебя.

— Спасибо, господин бард, я уже успела понять, что ты — очень хитрый лис, — рассмеявшись, она встала и увидела вдруг лодку со спущенным парусом, качавшуюся недалеко у оконечности мыса.

— Каждый день я буду стараться доказать, что значишь ты для меня, госпожа Пэй, — Леос теперь тоже видел странное суденышко, появившееся так некстати. Он поднял китару и пошел за подругой к расселине, заросшей кустарником по извилистым склонам, которая должна была вывести к дороге на Иальс.

Еще не доходя до поворота тропы, огибавшей черные каменные глыбы, мэги заподозрила неладное — сухая трава впереди шевельнулась, выдавая чье-то присутствие, и дальше у противоположного ската Астра заметила высунувшуюся на миг голову, покрытую синей банданой.

— Леос, назад! — бросила она, поворачиваясь.

Но было уже поздно. Отрезая путь из узкой лощины, сверху выскочило двое головорезов в широких морских рубахах, подняв изогнутые мечи.

— Авро-канья-фаэ!.. — призвала мэги, запрыгивая на камень и протягивая руки в сторону нападавших.

— Не дури, девка! — поднявшись над кустами, грозно прикрикнул третий, целясь в нее из тугого кардорского лука.

— ...спелл! — Астра отпустила заклинание в него. В тот момент что-то тяжело и сильно толкнуло ее в спину. Фаерболл рассыпался шипящими искрами, зажигая траву рядом с Леосом и бегущими к нему людьми, а сама она упала ничком, едва успев подставить локоть, чтобы не разбить лицо. Отплевывая комья земли, и, не то видя, не то чувствуя метнувшуюся к ней тень, мэги откатилась в сторону. Собраться с новым заклинанием она так и не успела, только распрямила пальцы, текущие бледным разрядом.

— Питху твою! — содрогаясь, выругался бородач, державший веревку, и рухнул на колени возле нее.

Другой, бросившийся сзади, прижал ее к земле, беспощадно заломив руки. В глаза ударил острый багровый свет, Астра вскрикнула от боли, и воздух выскочил из груди, словно рвотный ком. Она еще пыталась вывернуться, встать, различая через красный туман, железный гул в голове и слезы, как Леоса сбили с ног, как кто-то крикнул: «Кончай шута!», и человек в бандане, сдвинутой низко на лоб, вонзил меч в барда. Ей сунули в рот смятую мокрую тряпку и поволокли к лодке, уже подошедшей к берегу.

— Книгу взяли? — привстав, басовито спросил рулевой.

— Со мной. Вроде, самая та, — ответил хриплый голос из-за ее спины.

Еще Астра слышала хруст китары и жалобный стон умирающих струн. Леос лежал, скорчившись на камнях, с губ его текла кровь. От боли в заломленных руках, груди или может быть этой мимолетной, страшной картины — скрученного смертной судорогой тела барда, колени согнулись, она лишь почувствовала грубые руки под собой и касание холодной воды.

Открыв глаза, Астра еще некоторое время лежала неподвижно, сжимая зубами до скрипа раскисшую тряпку, что была во рту, слушая мучительный пульс боли в спине и отекавших руках. Где-то за щелистой, деревянной стеной тихо плескалось море, лодки постукивали о причал. Ночь, наверное, наступила давно — в оконце сквозь гнутые железные прутья светила луна и крупные мерцающие звезды. Сырым сквозняком приносило запах смолы, пеньковых веревок и кислого эля. Дверь за ящиками была приоткрыта, и, повернув голову, мэги увидела скорбно знакомого бородача, сидевшего возле светильника с кем-то за столом. Тут же вспомнилось о Леосе, кольнуло глубоко в грудь, и она выгнулась от этой мысли, упираясь затылком в пол. Бард был мертв. Убит жестоко и бессмысленно этими ублюдками, называвшими себя Братством Пери или еще как-то. Почему они заступились, тогда, возле доков, когда ее с Леосом преследовала шайка рыночных воришек? Им нужна была книга... Господин Давпер не собирался ничего платить! Книга! И еще зачем-то сама Астра Пэй... Она выгнулась снова, упираясь головой и пятками в прикрытый соломой пол — боль в стянутых запястьях стала столь острой, что огненные иглы сверкнули в глазах, но и в этой боли было лишь слабое избавление от терзавших сердце и ум мыслей.

Рыжебородый пират бормотал что-то, бросая игральные кости и ухмыляясь мокрыми пунцовыми губами. Его друг, булькая, пил из кружки.

«Шетовы выродки! Я отомщу за Леоса! Я убью вас всех!» — вспыхивало гневным пламенем в ее голове. — «И ты, Давпер, будешь корчиться и плевать кровью! Я убью вас! Клянусь, перед Архором! Клянусь под его Праведной Плетью! Я отомщу жестоко! Только бы мне освободиться! Только бы руки развязать!» — Астра перевернулась на бок, стараясь ослабить узел, но путы, завязанные умело и туго, лишь глубже врезались в запястья. «Сила мэги — в желании и руках», — вспомнила она слова Изольды, звучащие, как насмешка сейчас, выгнулась и попробовала произнести заклинание. Тряпка затыкала рот — вышло беззвучно, совсем не внятно.

— Авро-канья-фаэ! — повторяла она непослушным языком.

— Авро-канья-фаэ... — ладони бесполезно жгло магическим огнем.

— Авро-канья-фаэ-спелл... — от боли и отчаянья горло сдавил горький ком, из глаз текли слезы.

— Девка что-то завозилась, — бросая игральные кости, заметил охранник. — Пойду, погляжу.

Он поднялся из-за стола, за ним, вытирая жирные руки о край рубахи, вышел его приятель.

— Ожила? Вот то сиди тихо, — сказал он, открывая ногой дверь. — Будешь дергаться — у нас разговор короткий, но болезненный. Верно, Бот? — усмехнувшись, он покосился на рыжебородого.

Злость распирала грудь мэги, приподнявшись на локтях, она прорычала ругательства, неразборчиво из-за удушающего кляпа, но весьма грозно, глаза ее блестели, словно ядовитые огни Некрона.

— Молчи, сучка! Мало затычки? Так я гринхом твой рот приткну! — наклонившись, проговорил названный Ботом. — Поняла?

— А чего? Давай потешимся, пока Давпера нет? — подхватил второй. — Не только же ему. Хочешь, лапонька?

Вскинув голову, Астра с пронзающей ненавистью смотрела на него, вдруг ее глаза округлились — она увидела тень, скользнувшую в проходе и следом Голафа Бриса, появившегося бесшумно, как призрак.

— Эй! — окликнул он, держа наготове меч.

— Ох, ты ше!.. — пират не договорил — пошатнулся и упал на ящики, судорожно хватаясь за распоротый живот.

Бот успел выхватить кривой абордажный клинок и, по-бычьему взревев, бросился к рейнджеру. Уступая место дурной дикой силе, Брис увернулся, освобождая проход и, едва пират поравнялся с ним, ударил снизу вверх, рассекая крепкие мышцы его спины. Оба они выскочили в коридор. Еще несколько долгих мгновений слышались зудящее, нервное пение металла, рычание бородача и топот быстрых ног. Потом все прервалось тишиной.

— Сбежал, гнида, — Голаф остановился в проеме двери, все еще сжимая рукоять окровавленного оружия. — Подранил я его... но сбежал. А это плохо — может скоро дружков привести.

Он опустил голову, рядом с ней, осторожно перерезал веревки и выдернул кляп из ее рта.

— Голаф! — едва освободившись, мэги метнулась к нему. — Они Леоса убили! — она упала на его плечо и затряслась в рыданиях. — Я сожгу их логово, я жилы из них вытяну!.. Клянусь, все пеплом станут! И Давпер на самом медленном огне! Сейчас же, Голаф! — оттолкнув франкийца, она вскочила, красная от слез и гнева.

— Ну, ну, успокойся! Успокойся, Астра! — Брис тоже встал, несильно прижав ее к себе.

— Идем в «Краб» или ту таверну на углу! Или я пойду сама!

— Их слишком много, мэги, — он удержал ее, терпеливо вглядываясь в блестящие, мечущиеся глаза. — Я признаю — в тебе завидная сила, но их слишком много, опытных в кровавых склоках, беспощадных головорезов. Вот так, наскоком, в слепой ярости, мы ничего не сделаем, только себя погубим.

— Я не прощу этого, Голаф! За Леоса! — она тряхнула головой, роняя волосы на его плечи, всхлипнула совсем по-женски. — Я поклялась перед богом Праведным! Я отомщу!

— Нужно бы уходить отсюда. Я многое узнал за эти дни о господине Хивсе. Вот вторые сутки глаз не смыкаю, — Брис взял ее за руку, направляясь к выходу. — И то, зачем ты ему нужна, я понял, увы, слишком поздно. Давпер — редкий негодяй. Гилен пиратского братства. Теперь у меня с ним особые счета.

— Постой, — вырвав руку, Астра, подбежала к столу и сбросила на пол светильник — масло, брызнувшее на доски, быстро занялось пламенем.

— Зачем? — с недовольством произнес рейнджер.

— Так хочу!

Когда они добрались до темной улочки, ведущей к мосту Раи, над причалом полыхало зарево пожара.

Глава четвертая. Магия письма

Это была безумная ночь. Самая безумная за последний год или даже со времени высадки его команды на Сегель-Аль. Началось все с пожара на складе, который освещал южную часть города и гавань. В небо взвивались багровые струи огня, бочки с маслом лопались ослепительными пузырями, обжигаящими глаза, и вода в море казалась красной до самого дна. Вернувшись на борт «Нага», Давпер долго расхаживал по палубе, поглядывая на россыпи горячих углей, похожих на рану в черном теле ночи. Потом же, ближе к рассвету, пришла каравелла из Ланерии с совсем дурными вестями: какой-то склочный торговец опознал по клейму партию своих товаров, перехваченных в проливе весной, тут же всплыло дело о двадцати повешенных матросах «Чайки» и подделке имущественных документов на «Гедон». Это означало уже не скандал, а целую бурю на Рохесе вокруг важной персоны капитана Аерда и его самого. Требовалось срочно плыть к немилостивой, проклятой Ланерии, договариваться с чиновниками, гиленом Красмом или самим королем. Капитан готов был выйти в море хоть завтра, но невозможно было это сделать — Канахор до сих пор не решил вопрос со старым глупцом Варольдом, вцепившемся в свою часть свитка, словно голодный пес в кость.

Поспав часа полтора, Хивс наспех позавтракал и снова отбыл на берег, чтобы уже при свете дня видеть печальные результаты ударившего его больно пожара. На месте склада остался только фундамент и некоторые, сваленные беспорядочно, обуглившиеся бревна. Из рыхлого слоя пепла, еще курившегося едким дымком, торчали обода бочек, железные крючья и краснозубые осколки черепицы. Возле пожарных повозок по-прежнему толпилось много народа: десятка три докеров, матросы и люди Мораса, двое служащих из муниципалитета и несколько угрюмых стражников.

— Ох, и горело, господин Давпер, — восторженно признал рыжебородый гном в кожаной безрукавке, стирая сажу с шишковатого носа. — Пыхало, как...

— Как в шетовой заднице, — широко разводя руки, подсказал ему стоявший рядом страж.

— Точно так, — кивнул парень из команды Мораса. — Мы ничего поделывать не могли. Таскали воду, таскали... А когда бочки рваться начали, то масло... епть!.. Думал, мы сами тут дровами погорим, и никакое море не спасет!

— Еще, доложу вам, огонь умный будто был, — продолжил гном, шагнув на раскоряченных ногах навстречу господину Хивсу. — Будто его хораги развели. Ведь глядите, конюшни рядом и амбар всего в десяти шагах целехоньки стоят. Пламя, искры роем — все строго вверх уносило, словно в печную трубу невидимую. Ну, прямо умный огонь — ни влево, ни вправо!.. А ваше все питха съела.

— Идиот! Огонь умный?! — Давпер небрежно оттолкнул его с прохода. — Лучше бы здесь все сгорело в питху свинячью, а мой склад цел остался! Идиот! Григор! — поморщившись, он поманил боцмана пальцем. — И что ты мне скажешь? Где девка?! Твои дурни здесь пьяные шатались? Твои. И никто ничего не видел?

— А скажу, господин Давпер. Весьма полезное дело скажу, — Григор отошел к ступеням и, поглядывая на служащих муниципалитета, тише заговорил. — Удалось нам узнать кое-что. Дружок ее, который Бота порезал, некоторым ребятам знаком тут. Рейнджер он, не местный. С Вильса вроде или откуда-то с Франкии. Его еще вчера в порту заметили

— любопытный слишком был, большей частью до ваших дел. И вот еще что важно, господин Давпер, он будто бы брат той шлюшки, которая у нас на «Наге» заперта. Анита которую называют. Ну а дом ее за мостом Герма мы знаем. Прикажете наведаться вечером?

— Это уже интересно, Григор. Аниты брат, говоришь? — Давпер ковырнул золу носком сапога и поднял зеленоватый взгляд к боцману. — Все же вы сволочи... Не уследили. Вечера ждать не будем. Давай Бота и своих головорезов в таверну. И к дому тому кого-нибудь смышенного пошлите. Быстро, Григор! — приказал он и, отбросив ногой головешку, скорым шагом направился к «Красному крабу», мысленно уже опрокидывая кружку светлого эля — горло сушило, не то от горького дыма, не то от таких же горьких вестей с Рохеса.

* * *

Кто-то негромко всхлипывал. От этих всхлипов начинали противно ныть зубы, и Астри застонала.

— Заткнись, — сказала она невидимому плакальщику.

Звуки утихли. Мэги повернулась, приоткрывая глаза, пытаясь увидеть того, кто разбудил ее. В комнате, залитой солнечными лучами, никого не было. Влажная подушка неприятно льнула к щеке. Астри провела ладонью по лицу и невесело усмехнулась.

Плакала она сама, во сне.

— Тем более, заткнись, — прошептала она.

Мэги села на постели, пытаясь привести в порядок мысли. Тяжелый осадок сна растворился, оставляя недоумение. Обрывки его мелькали, не складываясь в целое. Давпер, со скрученными за спиной руками, и острие кинжала, омытое алой кровью, качающееся у его горла; Леос, лежащий среди яркой зелени трав, поворачивающий голову, и лицо его — белая маска, как те, что делают жрецы Иссеи для заклятий мертвых; белый парус посреди неба, сияющего, как аютанский сапфир, — Астри мотнула головой, рассеивая видения.

— И это — знаки Рены? — спросила она неведомо у кого. — В таком случае, предсказания могли быть и более ясными.

В тонкостенной стеклянной вазочке стояла лилия, белая с розоватыми прожилками. Астри посмотрела на роскошный цветок, от его сладкого запаха кружилась голова, и он же мог быть источником смутных видений богини сна.

— Интересно, а для кого Голаф тебя купил? — она тронула плотный лепесток. — И, кстати, где он сам?

Рейнджера не было. Кувшин с молоком глянцево поблескивал округлым боком на солнце, рядом стояла тарелка с двумя лепешками, прикрытыми тряпицей.

Она прошлась по комнате, жуя лепешку, дотрагиваясь до мебели, проводя пальцами по гладкой столешнице. Заколка из кости береса, лежащая на столе, светилась теплым розовым цветом, отражаясь в небольшом бронзовом зеркале, обрамленном переплетениями серебристых цветов. Тонкая вязь букв вдоль оправы сложилась в слово.

— Анита, — прочла мэги, подняв зеркальце к глазам и вспоминая рассказ Голафа о похищенных девушках. Безумная мысль о том, что связано с этими именами, вошла холодом в грудь.

— Девушки с именем на «А», — сказала Астри, поглаживая надпись на зеркале.

Мэги почувствовала, как возвращаются ночные кошмары, вертясь туманом в полированной бронзе. Опять по лицу Леоса текла кровь, пламя разбрасывало рыжие лепестки, а руки заныли, словно стянутые грубой веревкой. Она тянула ворот платья, чувствуя, как опасный жар начинает тлеть в ладонях.

— Шет! — выругалась Астра, роняя зеркальце на стол.

Она глотнула молоко, смывая привкус видений, и вышла из комнаты.

Город встретил ее солнечным маревом, дрожащим над верхушками тонких башен у берегов Росны, или это была причуда горьковатого сна, еще не отпустившего ее совсем. Астра провела ладонью по лицу, смахивая возвращающиеся видения, и спустилась по растрескавшимся ступеням серовато-желтого песчаника на мостовую.

Люди вокруг торопились куда-то, разноцветные одежды смешивались пестрыми потоками, текущими к святилищу Герма, торговым рядам или левобережью. Смуглолицый аютанец, выскочивший из «Волшебного паруса», налетел на Астру, цепляя ее плечом, и оранжевый шелк платка, покрывавшего его бритую голову, слетел, словно объятый пламенем феникс.

— Урод слепоглазый! — сердито бросила мэги.

— Хорошая девушка! Чего злая? — он стал в двух шагах, шаря по ней горячим взглядом, даже забыв о валявшемся в пыли платке.

Она не ответила, пошла через переулок к площади, по краю которой расположились лотки с фруктами и всякой всячиной. Во рту сохло от жары, упавшей тяжело с утра, или черствой лепешки, пожертвованной сбежавшим франкийцем. Заплатив на углу за сочную, соблазнительную кисть винограда, Астра остановилась возле навеса, откуда доносились полупьяная болтовня и стук тяжелых глиняных кружек. И здесь она неожиданно услышала имя Хивса.

— ...того самого Давпера. Сгорел до самой земли. И земля пеплом стала. Вот такие дела, — вещал мужичок в рыбацкой куртке с обтрепанным воротом. — Полыхало знатно. Давно такого пожара не видали.

— Горело там магическим огнем. Крепко горело и аккуратно, — добавил его краснолицый сосед. — Это все колдовка устроила, что от господина Хивса сбежала. Отомстить хотела, что от нее в квартал Нейзы развлекаться ходил. Ревнивая и злая сучка. Теперь за ее поимку кучу денег обещают.

— Сколько обещают? — поинтересовалась Астра, подступив ближе.

— Десять шгаров. Сам слышал, — окинув незнакомку осоловелым взглядом, с удовольствием соврал краснолицый.

— Хорошие деньги. Мне б кстати были, — Астра надкусила ягоду, брызнувшую кисло-сладким соком на язык. — И как же та злая госпожа выглядит? Приметы хоть известны?

— А как может выглядеть баба Хивса? Молодая, как дева моря красивая. Во! — он поднял и уронил красноречивым жестом руки.

— Как я что ли? — мэги насмешливо вздернула бровь.

— Хо-хо-хо! Тощая ты сильно! Ишь, размечталась! — взвизгнула с хохотом рябая толстуха, сидевшая за ближним столом с гномами и молодой девицей с крашеными губами.

— Да нет у нее примет, — ответил Астре рыбак, макая деловито в кружке сухарь. — Колдовка она. Вернее, ведьма-обращенка. Сегодня, может, как ты образом, а завтра в жабу превратится или волчицей на ночной дороге выскочит.

— А вот вчерашней же ночью за Мельничьим холмом мертвые хаживали. Прямо по

улице. Ровно шесть человек в истлевшем до трухи тряпье, — заметил гном сприлипшими к усам клочьями элевой пены. — Они же в соседнем храме Сафо похозяйничали, приобцив к себе двух тамошних жриц — замучили насмерть.

— Врешь! — отозвался матрос, поднимая голову над столом, и тут же икнул.

— Вру или нет, а родовой склеп Вюрогов утром открытым нашли. Собственными глазами видел — мы там рядом могилку копали, — рука гнома тихонько потянулась под юбку девицы с крашеными губами, от чего ее голубые глазки побледнели и округлились. — Боюсь, что в городе некроманты хозяйничать начинают. И если вернутся времена Темного Хоргана, то все эти пожары и амфитриты возле маяка, коих вы по глупости боитесь, будто акул зубатых, полной ерундой покажутся. Вот то пейте, пока пьется, гуляйте, пока солнышко светлым светит, — он решительней двинул свою пятерню по оголившейся девичьей ноге. Девица взвизгнула, краснея лицом и шеей, и попыталась вскочить, но подхваченная ловкими руками, рухнула гному на колени.

— Ах, хороша! — сказал он, повернув ее круто к себе и шлепнув вздрагивающие ягодицы. Пьяная компания разразилась хохотом.

— Ерунду вы говорите. Брехня, и скучно это. — Подперев пухлую щеку кулаком, решила толстая баба. — Вот вчера жинка Карса в кабаке до блевоты напилась и валялась под лавкой — вот это история! И пара стражников ее там... епть! Стражники — жинку своего начальника! Как в «Подкове» тебя, дуру пьяную, на днях. Ме-е, — высунув язык, она повернулась к истязаемой гномом подруге.

О пожаре и Давпере более не говорили, и Астра, потеряв интерес к пьяной болтовне, пошла дальше, через площадь к мосту. Сплетни о ночном происшествии на складах немного развеселили ее. «Это только начало, господин Хивс», — думала она, поглядывая на красные крыши портового ведомства. — «Все твоё добро сгорит в огне! И ты сам тысячу раз проклянешь день, когда меня встретил!».

Река уводила ее дальше, поблескивая пойманным волнами отражением солнца, игрой ярких бликов на гранитных плитах. Астра почти не замечала прохожих, спешащих по набережной, собиравшихся у лавок и муниципальных контор.

— Сви́лг вернулся! Сви-и-илг! — пронзительно крикнул кто-то.

Толпа заволновалась, послышался свист, чьи-то возгласы, многие остановились, задрав головы и тыча пальцами в небо. Под редкими белыми облаками, похожими на растрепанный пух чаек, величественно плыл корабль, сверкая золоченым клювом-ростром. Паруса его были приспущены, крылья, раскинутые от обитых полосками меди бортов, неподвижны. Сам он казался огромной волшебной птицей, неторопливо парящей над людской толчеей. Астра даже приоткрыла рот — никогда она не видела ничего похожего. Мэги лишь вспомнила, что многие тысячи лет назад, еще до того, как появились первые города Либии, а славная Атрия еще не исчезла в водах Океана, древние люди умели строить лодки, летающие по воздуху. Но это знание исчезло, вместе с гибелью острова атрийцев.

— Что это? — Астра ухватила за ворот разносчика фруктов, пялившегося вверх и едва не наступившего ей на ногу.

— Это корабль, госпожа! «Песнь Раи» называется — парнишка пританцовывал, радостно скаля зубы, несколько лиловых слив свалились с лотка и тут же были втоптаны в пыль. — Да вы что, не знаете? Корабль Сви́лга. Он уже второй раз к нам прилетает. Строили его на Рохесе. Все говорили, не полетит, мол, глупость козлиная. А он — вон он!

Мальчишка засвистел залиvisto, помахая рукой. Корабль будто опустился ниже и

летел куда-то к северному храму Раи или кварталам Бушенпита.

— Кто такой Свилг? — мэги теребила парнишку за плечо, стараясь вытряхнуть ответ.

— Да механик это. Мастер большой, — пояснил разносчик, поправляя ремень на плече. — На Рохесе его мастерская. Я еще не родился, а он уже там жил, машины всякие строил. А когда он в прошлом году первый раз сюда прилетел, знаете, что было? Весь Иальс вверх тормашками! Городской совет хотел в тюрьму его, за нарушение порядка. Только потом передумали. Еще б — Свилг обещал им такой же корабль построить. И торговцам самым богатейшим нашим обещал. Деньги ему даже на постройку сдавали. Еще машины здесь всякие полезные Свилг скоро возведет.

— Машины, говоришь? — уточнила Астра.

— Ну да. Которые воду поднимают для бань и военные для муниципалитета. Да... будет такое оружие, с которым никому не справиться. Свилг — великий мастер, — в голосе парнишки звякнуло почти божественное восхищение.

Проплыв над набережной реки, корабль снизился еще. На какой-то момент показалось, что днище его зацепится за высокую часовую башню. Зеваки побежали в ту же сторону, выкликая имя Свилга и приветственно взмахивая руками. Толпа, собравшаяся поглазеть на корабль, потихоньку рассеивалась.

Астра еще прошла по площади, прислушиваясь к разговорам вокруг, и остановилась у моста Герма. Отсюда кое-как была видна желтая лестница, ведущая к квартирке Аниты, и там должен же был, наконец, появиться Голаф Брис. Мимо проходили иальсцы, приезжие, судя по вильсскому шипящему акценту с северной Франкии. Было здесь много крикливых южан, одетых в богатые шелка и даривших ее теплыми и жадными взглядами. Вода в реке отражала бойкое движение по мосту и солнце, пляшущее жемчужными бликами на полированных плитах камня. Астра засмотрелась на остроносые лодки, безмятежно качавшиеся возле ступеней, и вздрогнула от чьего-то теплого прикосновения к спине.

— Голаф! Что за манера, подкрадываться так! — привычка рейнджера появляться бесшумно и неожиданно раздражала ее еще с начала путешествия к Иальсу. — И ты сбежал с утра. Сбежал, не сказав ничего. Разве мы никуда не собирались?

— Ты сладко спала на рассвете. Не решил будить, — он улыбнулся, трогая трехдневную, колючую щетину рукой, и, став вдруг серьезным, продолжил: — Сам ходил в ту изложину. Надо признать, мерзавцы умело устроили вам западню. Там, ежели сверху, да из-за камней, то даже неумеха-лучник из опытного паладина ежа сделает. Место это я отыскал сразу: увидел дом Керлока возле скал и прикинул, какой проход удобнее. Место отыскал, только нет там тела твоего дружка. Да, госпожа Пэй, — подтвердил он, заметив недоумение на ее лице. — Как я догадался, его к морю оттащили зачем-то, и пропало оно то ли на дне где-то, то ли... не смею даже предположить. В следах я понимаю не хуже, чем ты в магии. Пятна крови на камнях и траве ведут к берегу. Его лютня там валяется в щепки разбитая. А уж что море с ним сделало, догадаться не могу.

— Не лютня, а китара, — мэги нахмурилась, поглядывая то на франкийца, рассказавшего что-то слишком странное, то на стражей, появившихся от винного погреба и неприятно напомнивших позавчерашний день.

— Щепки там, а не китара. И друга твоего нет. Либо его пираты в море бросили, только ума не приложу зачем, — услышав выкрики возницы и скрип колес, он взял Астру за руку и отошел к парапету, начинавшему край моста над Росной. — Либо амфитриты вечером вышли и в пучину его забрали. А море красное было.

— От крови? — Астра нервно впила ногти в ладонь.

— Рассвет был с кровинкой — Архор, похоже, сердится. И амфитриты у скалы сидели, пели негромко, одна меня все пальцем настойчиво манила.

— Послушай, франкиец, — она подняла голову, в упор, глядя на него. — А не врешь ли ты?

— Дорогая, а зачем мне врать? — с удивлением ответил он.

— Амфитриты... ты все шутишь. Вчера, только вчера убили моего друга на моих же глазах! И я тебе не дорогая! — мэги сердито вырвала руку и отступила, едва не столкнувшись спиной с девчонкой, несущей корзину курчавой зелени.

— Нет — дорогая. Ты слишком дорого обходишься для моих нервов. С самого первого дня... — рейнджер провел ладонью по лицу, будто снимая налипшую паутиной усталость. — Я был на том месте. Круг сгоревшей травы — след твоих штучек, щепки китары, кровь, но тела барда там нет. Вот, кстати, в камнях валялся, — он вытащил из складок плаща кошелек с синей вышивкой и протянул ей. — Можешь пересчитать.

— Кошелек Бугета? — Астра развязала шнурок и высыпала монеты — здесь оставалось около пятидесяти сальдов. — Благодарю. Мне очень нужны эти деньги. А Леос... — она замолчала, опустив глаза. — Леоса уже не вернешь. Деньги помогут отомстить за него... И все равно, Голаф, это очень странно. Я думала утром... Вспоминала и думала. Почему ты оказался в доках тогда именно возле скобяной лавки? Ты следил за мной? Почему тебя заинтересовал Давпер? Иальс очень большой город, по которому можно бродить многие дни, и не встретить знакомое лицо, а ты все время оказываешься где-то здесь, рядом! Какое тебе было дело до меня, Давпера и всего братства Пери? И, наконец, откуда ты узнал об этих несчастных женщинах, которых якобы похитили и держат в неволе на корабле с красной полосой? Все их имена начинаются на букву «А»? — рейнджер не отвечал, глядя на девушек, собравшихся на ступенях швейной мастерской, смеющихся и щебечущих, будто беззаботные птахи, мальчишек, задержавшихся рядом, и Астра продолжила: — Их отвезут на далекий Карбос? Продадут жрецам в храм для целей очень мрачных? Надо же, какая таинственная, берущая за душу история! Даже если она правдива, зачем в нее потребовалось вникать тебе — человеку, который остановился в Иальсе лишь на несколько дней, так, мимоходом?

— Человеку, который заглянул сюда лишь для того, чтобы навестить сестру, — будто продолжая ее мысли, произнес рейнджер. — Мою родную сестру, которую я люблю и, которую не видел долгие два года. Ее имя — Анита. Эту ночь ты спала в ее постели. Пустой потому, что моя сестра находится в руках все того же Давпера, известного кровавыми преступлениями далеко за Иальсом. Я узнал это в первый же день, в первый же час, едва переступил порог той маленькой комнаты, откуда ты недавно вышла. Пилета — служанка соседей сказала мне кое-что, остальное я узнал сам, проведя бессонную ночь в порту. Слушал разговоры пьяных пиратов и пил сам, смотрел на когг, качавшийся далеко среди черных волн, и плакал, госпожа Пэй, как когда-то в забытом детстве.

— Прости, Голаф. Я не знала, — мэги все еще держала глупо кошелек, стиснув его в ладони перед собой, слушая печальную исповедь Бриса. — Видела заколку из кости береса, и на столике зеркало. «Анита» написано на нем. Я хотела спросить тебя...

— В шкафу висят ее платья. А вчера я нашел на гребне ее волосок, похожий на солнечный луч. Тонкий такой, свернувшийся кольцами, будто от боли и страха, — он замолчал, смяв плащ на выступавшей над ремнем рукояти меча.

Астра почему-то вспомнила Леоса, его быстрые длинные пальцы на струнах и песни в

таверне, потешное и чуть напуганное его лицо, при упоминании о «приворотных» грибах, его поцелуи и светлые, как солнце волосы на камне, залитом кровью, — вспомнила, и рукам стало горячо от тока пробудившегося вдруг свирепого пламени.

— Что будем делать, Голаф? Мы обязаны наказать этого скота. Всех, кто был с ним!

— К стражам или в муниципалитет обращаться бесполезно, — я достаточно хорошо знаю Иальс. Из многих влиятельных господ нам бы мог помочь только Аворт, может быть начальник гарнизона Карс или кто-нибудь из семейства Ронхана, но прежде чем они что-либо предпримут, Давпер поймет, откуда исходит угроза, и сразу снимется с якоря. У господина пирата здесь везде глаза и уши, — заметил он, понизив голос и глядя на нее внимательно, словно испытывая сказанным. — Ты сама в опасности, Астра Пэй. Не нужно было выходить из комнаты — в любой момент тебя могут выследить его люди.

— О чем ты говоришь, франкиец?! Я не собираюсь прятаться, как серая мышь. И у меня в мыслях нет, надеяться на какого-то Аерта и прочих заевшихся господ! Но у меня есть план, — мэги на миг задумалась, глядя на гранитную набережную и воды Росны, льющие блики утреннего солнца. — Нам нужна лодка. Просто лодка. Когда стемнеет, подплывем к их кораблю, я подожгу его двумя-тремя фаерболлами. И гринх пополам, они смогут его потушить! Я спалю его! Не смотри так тупо! Я тебе верно говорю — это хороший план. Корабль начнет гореть, и все побегут, как тараканы. Конечно же, и пленниц за собой поволокут. А мы их будем уже ждать на берегу! Мы освободим их и рассчитаемся сполна с Давпером!

— Да чем ты думаешь, Астра Пэй?! Там моя сестра! Нет! Нет! Это совсем глупая затея, — решительно отверг Брис, качая головой, поправил ленту, стягивавшую волосы на лбу и сказал: — У меня есть мысли получше. Нам не потребуется лодка — только бумага и перо.

— Ты хочешь написать прошение толстобрюхому вельможе?

— Я хочу написать письмо самому Хивсу, — он усмехнулся. — От имени твоего знакомого — Варольда. Вряд ли пирату известна подпись магистра. Во всяком случае, можно попробовать. Мы пригласим Давпера на встречу в салон. Своих головорезов он, конечно, в большом числе не возьмет. И мы нападём на него по дороге, где-нибудь в малолюдном месте. Нападём, после чего Давпер станет заложником. Я выменяю на него Аниту и, при возможности, других девушек, и уже тогда ты можешь сжечь их «Нага» к рыбьим потрохам.

— Пожалуй, в этом есть смысл. Да, господин Брис, вы не совсем дурак, — она улыбнулась, шутя подтолкнув рейнджера пальцем. — Я напишу это письмо!

Ближайшая почтовая контора, где можно было достать бумагу и сургуч для печати, находилась немного выше бань Парисны, известных и посещаемых прежде господами с денежным достатком, а теперь вышедшим из моды. И все же здесь было много народа: паломников в храм Сафо Юной, возвышавшимся светло-голубыми стенами над садом персиковых деревьев; люда, следующего через мост с правобережья или на дешевый здесь овощной рынок, выделявшийся шапками разноцветных лотков, многоголосым гомоном, свежими ароматами базилика и пряных трав. Миновав посыльный двор, Голаф и Астра подошли к двухъярусной башенке со стрельчатыми окнами под куполом и длинными фиолетово-желтыми флагами, нависавшими низко над входом.

— Конторка муниципальная, без подвоха, — заметил рейнджер и, поднявшись по ступеням, толкнул обшарпанную дверь.

Служащий в строгом сером камзоле и бронзовой бляхой, прицепленной на груди, стоял в скорбном ожидании за столом, делившим помещение пополам. В углу на очаге дымилась плочка с густым таинственным варевом, пахло воском, чернилами и немного хитрой алхимией.

— Нам письмо написать, — опираясь на стол, сказал Брис. — Вернее, сами напишем. Лист бумаги и перо, пожалуйста.

— Не надо перо и бумагу. Напишем мы на... пергамент хороший дайте. Ну, для основательности, — подмигнув Голафу, пояснила мэги. — Я плачу.

— Очень хороший, тонкий и выбеленный. Тридцать пять шилдов, — повеселев, конторщик протянул лист и тут же спохватился: — А без пера как же? Пять шилдов. Не носом же писать, — мягкие губы его растянулись в улыбке.

— Не носом, конечно. Но пальцем, — Астра разгладила аккуратно лист на столешнице и сосредоточилась, вытянув указательный палец. Вдруг с ее ногтя сорвалась бледная искра, и от куска распластанной на столе кожи потянулась тонкая струйка дыма. «Уважаемый господин Хивс», — проступили выжженные на пергаменте слова, — «к сожалению позавчера, из-за неожиданного вмешательства магистра Канахора, я не смог найти время для решения вашего вопроса, примите мои извинения. Теперь я свободен и готов рассмотреть вашу просьбу внимательнее. Кроме того, у меня появилось крайне важное и неотложное дело лично к вам. Если у вас есть такая возможность, то, пожалуйста, посетите мой салон. Я буду ждать вас завтра к часу Лилии. Еще раз подчеркну, что это крайне важное дело, о сути которого мне бы не хотелось сообщать письмом. Магистр Варольд Кроун.» Все это она закончила замысловатой подписью, похожей на старший знак Го.

— Великолепно! — искренне восхитился рейнджер. — С такими талантами ты могла бы работать в дорогой конторе и огребать немалые деньги!

— С таким же успехом, ты со своим мечом мог бы огороды копать! — она быстро скрутила послание в трубку и указала служащему на плочку горячего сургуча.

— Да я только хотел сказать, что здорово ты это умеешь и почерк у тебя красивый.

— Ага. Мой личный почерк, Изольда здесь и рядом не стоит. Ляпайте вот сюда, господин почтовик, — она указала на прижатый плотно шов свитка.

— А печать какую? Нашей конторы или... — вытянувшись и наклонившись над столом, он доверительно сообщил: — или подобрать... Есть у нас кое-что.

— Вы ляпайте, а печать у меня с собой. — Астра прикрыла глаза, вспоминая в деталях вид картуша со змейкой, украшавшего дом Варольда, и тут же, распрямив ладонь, перенесла его на густую каплю сургуча, скрепившего свиток.

— Здорово! — воскликнул конторщик. — Никогда такого не видел!

— Чтоб ты знал, мэги я, — показав ему кончик языка, она повернулась к выходу.

— А... может отправить вам куда письмо? Доставим очень быстро, — опомнился вдруг служащий, понимая, что теряет с уходом клиентов как минимум сальд.

— Сами доставим. Вот сейчас в голубков обратимся и доставим. Пока, — довольная своей работой и эффектом, произведенным на мужчин, она вышла на улицу.

— Ваше Волшебное Высочество, — сойдя со ступенек конторы, Голаф остановился, щурясь яркого солнца, щетина на его подбородке казалась золотисто-рыжей. — Любишь ты покрасоваться. Скоро каждая собака в Иальсе будет знать о мэги Пэй. Глупо это. Я уже сказал: у Давпера здесь повсюду глаза и уши, и ты ему только помогаешь скорее отыскать себя. Да и шайка с Варгиева рынка тоже, конечно же, не упустит возможности свести с

тобой счеты.

— А еще на меня точат нож стражники и жинка какого-то капитана Парба. Только я тоже сказала, что не собираюсь прятаться в угол, будто перепуганная мышь, — она вскинула голову, сдувая локон, упавший на лоб.

— Стой так, — рейнджер широко шагнул со ступеней, и стал напротив, заслоняя ее от стражей, появившихся со стороны сада. — Не поворачивайся и не удивляйся, — он обнял ее ниже талии и наклонился, целуя в изогнувшуюся назад шею.

— Голаф! — тихо и возмущенно произнесла она, упираясь в его грудь.

— Так надо. Целуй меня, — не дожидаясь ответа, франкиец впился в губы мэги и крепко прижал ее к себе. — Смелее.

Она вздрогнула от прикосновения его языка к своему, изогнулась, став на цыпочки и положив руки на его крепкие плечи. Короткие и жесткие волоски на его щеке, кололи ее нежное лицо.

— Кто там, Голаф? — прошептала Астра, вдыхая неровно и глубоко.

— Не знаю. Проходили какие-то стражники, — рейнджер, по-прежнему тесно прижимая ее, с насмешкой смотрел в расширившиеся вдруг зрачки.

— Скотина! Ты!.. — покраснев, она с силой оттолкнула его. — Ты разыграл это все?!

— Что вы, Ваша Волшебная Святость... Просто так, на всякий случай. Вед проходившие вояки вполне могли оказаться из числа твоих злопыхателей, — будто бы озабочено глядя в спину удалявшимся стражникам, франкиец шагнул на другую сторону тротуара.

— Больше не делай так никогда! Слышал?! — потрясая свитком и все еще румяная от негодования, Астра двинулась за ним.

— Не смею ослушаться, госпожа, — он остановился на перекрестке перед розово-каменным зданием бань.

У входа, обрамленного синими изразцами и позолотой, собралась компания местных хлыщей, разодетых богато и шумных, как рыночные торговки. Возле крытой повозки о чем-то оживленно рассуждали аютанцы, указывая размашистыми жестами то на известное заведение Парисны, то на двери соседнего притона.

— Эй, мальчик, пойдй сюда, — Голаф поманил пальцем сорванца, крутившегося возле почтовых лошадей. — Хочешь заработать десять шилдов?

— Ну? — мальчишка с вялым интересом поднял веснушчатое лицо.

— Доки ты, конечно, знаешь, — юнец кивнул и рейнджер продолжил. — Письмо нужно доставить. Отыщешь возле «Красного краба» или на пристани кого-нибудь из братцев Пери и пусть они тебе подскажут, как разыскать Давпера Хивса. Усек? Его там все знают. Вот и вручишь ему это послание, — он взял свиток из рук мэги, помахивая им у носа мальчишки. — Господин Давпер должен обязательно ответ составить. Когда принесешь ответ, получишь свои десять шилдов.

— Сальд, милостивый господин, — мальчик с хамоватой улыбкой глянул на Бриса и отвел глаза к Астре. — За это все хорошие господа платят сальд. Уж не первый раз.

— Да ты рехнулся! За сальд некоторые руки в мозоли трут целый день! — Голаф раздраженно убрал послание за спину.

— Хорошо, сальд, — согласилась мэги. — Я плачу. Только сделай это быстро.

— Слушаюсь! — мальчишка притопнул на месте и с готовностью схватил письмо. — Здесь ждать будете?

— Постой. Обязательно скажи, что это письмо тебе передал слуга господина Варольда. Обязательно! — Голаф пригрозил пальцем. — Выполни все в точности! А ждать мы будем тебя у моста Герма, — он подтолкнул посыльного, тот мигом скрылся за зелеными шпалерами храмовой дороги.

* * *

Давпер все еще не мог прийти в себя после случившегося в эту ночь. Конечно, он выглядел посмешищем перед своими людьми и перед всем бесчисленным морским братством. Не было сомнений, что весть о проклятом пожаре в порту, начатая сплетнями и постыдными домыслами, разнесется далеко и быстро, не хуже чем пламя в том сухом смолистом сарае. Это он, Давпер, прежде поджигал склады, устраняя конкурентов на черном рынке Хельг-Амо, это он пускал на дно корабли неугодных, и он всегда сам выбирал, кто станет его следующей мишенью. А теперь сам оказался жертвой какой-то взбалмошной девчонки, которая уже была в его руках.

— Удвойте охрану второго склада, — приказал Хивс, беспокожно расхаживая по зале. — И возле «Нага» пусть несет вахту шлюпка. Вооружите матросов в ней арбалетами. О. Архор! Архор Праведный! Шестьдесят бочек с рохесским маслом, шерсть из Франкии и кожи!

— И пять тюков с перцем, — глядя в окно на пристань, напомнил боцман. — В море даже рыба чихала.

— Заткнись! Эти тюки я отобрал у вооруженных до зубов гостей с юга, заплатив жизнями моих двух ребят! Морас, ты отправил людей на поиски нашей знакомой и ее дружка?! — оттолкнув табурет, он повернулся к капитану.

— Их видели возле моста Герма. Вечером накроем.

— Господин Хивс, к вам Пинт со срочным письмом, — приоткрыв дверь, сообщил слуга.

— Каким еще письмом? — Давпер рывком расстегнул воротник, мотнув взмокшей шеей. — Гони его!

— С письмом от какого-то магистра...

— Варольда, — подсказал ему мальчишеский голос из-за спины.

— Магистра Варольда. Да, который ожидает ответа, — не решаясь переступить порог, вещал узкоплечий человечек, выряженный в шерстяную матросскую куртку.

— Варольда Кроуна?.. Что за глупости? У меня нет дел с этим плешивым фокусником. Хотя... — Давпер на миг задумался — ведь послание могло исходить от Канахора или как-то касаться мага Ордена, и тогда дело запахло бы совсем иначе. — Зовите, — решил он.

Мальчишка вошел, постукивая каблуками, тряхнув рыжей головой, поклонился Морасу и боцману и, уже подойдя к Хивсу, не без удовольствия протянул скрепленный печатью свиток.

— Бежал от самых бань Парисны, возле кузнечной собаки чуть не погрызли, — проговорил он, вытирая рукавом вспотевший, грязный лоб. — Ответ им требуется очень срочный.

— Кому «им»? — взяв пострела за подбородок, Давпер прищурился.

— А ведь не Кроун мне письмецо передал, — Пинт тоже прищурился, морща нос, рябой

и задранный. — Не дурак же я, чтоб магистра не знать. А... сальд обещали, когда с ответом вернусь.

— А кто же, Пинт? Кто по таким пустякам денежками сорит? — Давпер осторожно сорвал печать и развернул свиток.

— И не прислуга магистра, хотя так велели сказать... — посыльный медлил еще с минуту, а потом выпалил: — Госпожа, за которой вы мне велели следить прошлый раз, господин Хивс. Я ее очень хорошо запомнил: такая — с длинными черными волосами, что погром у Бугета устроила. Да, — он кивнул, видя, как смутно-зеленые глаза пирата округлились и покраснели. — И гринх какой-то с ней был, под плащом длинный меч. Вообще-то, он это письмо мне дал.

— Вот как? — Давпер сплюнул жеваный лист мако и занялся чтением подложного послания. — «Я буду ждать вас завтра к часу Лилии. Еще раз подчеркну, что это крайне важное дело, о сути которого мне бы не хотелось сообщать письмом. Магистр Варольд Кроун», — повторил он вслух последние строки. Неужели эта девчонка посмела начать хитрую игру с ним?! Неужели она, не удовлетворившись столь счастливым для себя исходом, надеется заманить в ловушку его — самого Давпера?! Эта мысль развеселила, словно неожиданная проделка рыночного шута, и Хивс, покосившись на капитана, медленно произнес:

— Очень хорошо, м-м... магистр... Варольд... Очень. Перо и чернила сюда! — бросил он замершему у двери слуге.

Когда письменные принадлежности были доставлены, Давпер развернул лист желтоватой бумаги и написал: «Дражайший магистр, искренне восхищен вашим умом и проницательностью! Вы написали как раз вовремя — проблема, затронутая мной в нашей прошлой беседе, стоит все так же остро. Крайне благодарен за оказанное внимание и надеюсь на взаимную полезность нашей предстоящей встречи. Ожидайте меня в назначенный вами час в салоне. С бесконечным уважением, Давпер Хивс.»

Черкнув небрежную подпись, он зачитал свой ответ вслух, поглядывая с усмешкой на капитана Мораса и, свернув послание в тугую трубку, добавил:

— Чудесно как. Верни-ка наших проказников. Сегодня ничего не нужно предпринимать в отношении этой особы и ее беспокойного дружка. Вот честное слово — не хочу ломать их планы. А завтра... Завтра, капитан, к часу Лилии будьте готовы. Лично отбери самых опытных бойцов. Тот парень, слышал я, рейнджер из западной Франкии. Перестраховаться не мешает. И завтра же мы должны отплыть к Рохесу. Вот так — это последний срок, Морас, независимо от того, как решатся дела Канахора. Ах, да, — он спохватился, протягивая послание мальчишке. — Отнеси-ка, дружище Пинт, это тем, кто обещал денежку. И от меня еще по возвращению получишь. На словах можешь передать, что я очень обрадовался возможности встречи с магистром, но лишнего ничего не болтай. Понял?

— Чего ж не понять, — схватив письмо, Пинт подмигнул господину Давперу и мигом выскочил на улицу.

Добежав до начала моста Герма, посыльный без труда разыскал ожидавшего ответа рейнджера и его приметную спутницу.

— Передал все, как велели, — выпалил он, не спеша расстаться со свитком. — Господин Давпер был очень доволен вниманием магистра и ответ сразу при мне сочинил.

— Давай сюда, — Астра вложила в его ладонь маленький серебряный кругляшек и развернула послание. — Здорово, Голаф. Великолепно! Этот обожаемый нами Хивс — сама

любезность, — воскликнула она, дочитав строки, неровно набросанные пиратом. — «... Ожидайте меня в назначенный вами час в салоне. С бесконечным уважением, Давпер Хивс.» Надо же! Спасибо, малыш, — в довесок к монете мэги одарила его почти золотой улыбкой и сунула свиток Брису.

— Что он сказал еще? — поймав край рукава сорванца, Голаф притянул его к себе и, глядя строго, проговорил: — Смотри, парень, если ты нас в чем-то обманул, то этот сальд тебе станет дороже, чем ты можешь представить. Так говорил он что-нибудь еще?

— Ничего, милостивый господин. Ничегошеньки! Он обрадовался очень. Прямо сильно обрадовался. Выпил при мне две кружки эля, рыгнул, как следует, и сразу за ответ взялся. Надо понимать, все, что вы там написали, ему самому позарез требуется. Пустите, — Пинт вырвался из цепких пальцев рейнджера и, зажав в кулачке сальд, побежал, припрыгивая, в сторону скорняжных цехов.

Пробежав до развилки улиц, он постоял немного, огляделся и направился напрямик на Варгиев рынок.

— Господин Бугет! — протиснувшись к ограждению возле полосатой палатки, Пинт помахал рукой толстяку. — Господин Бугет, есть для вас кое-что, — он нырнул под веревку с флажками, и вместе с Бугетом они отошли в сторону.

— Помните та девка, что вам перевернула здесь все и кошелек еще стащила? — начал мальчишка. — Могу рассказать про нее кое-что.

— Тридцать шилдов, — покровитель варгиевой шайки с готовностью зазвенел монетами.

— И еще о письме господина Давпера. Я его только для той девки доставил, — переводя взгляд с кошелька на оживившееся еще больше лицо его обладателя, посыльный нахально улыбнулся. — Сальд?

— Уговорил, душегрыз — облизнув губы, Бугет отсчитал медяки и тут же шепот Пинта поведал ему свежую и весьма любопытную историю.

* * *

— Нам остается немного подождать. Всего до завтра, — вкрадчиво и сладко произнесла мэги, когда мальчишка скрылся из вида.

— Нам нужно все это продумать. Раз десять продумать. Пойдем, прогуляемся в сторону крепостных складов и поглядим местечко, подходящее для засады, — предложил Брис.

— Потом поглядим, сначала проводи меня... — Астра снова вспомнила о кошельке Бугета, звякавшем и приятно оттягивавшем пояс, — к лавке, где магическими штучками торгуют. Ну? Ты же хорошо знаешь Иальс.

— Да, госпожа. Только такого вида лавки мне всегда были без надобности. Дорого там все, да и для меня малополезно. Как-то я плащ с заклятием скользкой тени хотел прикупить, так с меня семьсот сальдов потребовали, но я уж, извините, не дурак. Вот так прекрасно обхожусь, — Голаф потряс край своей выцветшей, истрепанной порядком накидки. — А ты, вижу, едва деньги завелись, решила их быстренько спустить. Зря это. И не знаю, где здесь такие лавки.

— Я тебе тоже что-нибудь куплю, господин скряга. И вообще, это мои деньги. Мои и

Леоса. Он бы никогда не спорил со мной, как их потратить. Эй, милейший! — окрикнула она жреца Герма, подходившего к мосту. — Не подскажите, где поблизости торгуют магическими вещицами? Особо меня кристаллы добротные интересуют.

Жрец указал ей на пристройку возле храма, красная крыша, которого светилась над Росной, словно вершина кровавой пирамиды, потом упомянул о нескольких лавках между дворцом Ронхана и началом Архаэсской дороги. Говорил еще о торговцах зельями на рынке и братстве тайных копателей, но мэги решила, что для начала вполне хватит обойти близлежащие заведения и хотя бы посмотреть насколько богат Иальс изделиями, исполненными магической хитростью.

— Так проводишь меня? — спросила она Голафа, когда словоохотливый жрец их покинул.

— Куда ж мне теперь без тебя. Идем, я приблизительно понял, где и что следует искать, — подобрав спадавшие на глаза волосы, он перевязал ленточку и неторопливо направился к храму Герма. — Зачем тебе этот Лучевой камень? Наверное, безделушка красивая?

— Кристалл Лучистой Сферы, — поправила его значительно мэги. — Это не безделушка тебе, а вещь необходимая, чтобы вызвать весса. Как только я схвачу за уши вороватого гаденьша, так сразу верну свою сумочку, именной амулет и деньги, не малые меж прочим. А ты видел когда-нибудь весса?

— На картинках видел. Обычная мохнатая обезьяна, большая только. Сюда идем, — он свернул в проулок, узкий и темный после залитой солнцем набережной. — Сначала в гномью лавку заглянем, приценимся, а потом уже к Герму.

Колокольчики, отгоняющие недобрых духов, тонко звякнули, когда Астра толкнула обитую медными пластинами дверь. Внутри было прохладно, и полумрак скрадывал комнату, размывая углы, тая странные предметы на длинных полках вдоль деревянных стен.

— Госпожа желает приобрести что-то? — гном в зеленом примятом колпаке, вынырнувший из-за портьеры, почтительно поклонился Астре. По Голафу же лишь провел равнодушным взглядом, приняв его за обычного телохранителя.

— Сначала осмотреться, — мэги прошла вдоль шкафов, рассматривая тонкогорлые реторты для алхимических опытов, связки трав, заполняющие воздух сухой пылью, каменные фигурки, каждая из которых была наделена своей, скрытой внутри силой.

— Амулет? — гном подошел ближе. — У меня лучшие амулеты во всем Иальсе, госпожа. Желаете — можно подобрать такой, что принесет удачу и кучу денег. Я вам клянусь — очень выгодное вложение. Один мой клиент озолотился так, что дом в квартале Эвериса желает купить. А вот... — он вытянул из складок одежды серебряный цветок с крошечным аютанским сапфиром, блеснувшим манящей синей искрой, — ежели приворожить возлюбленного, то лучше не найти. К тому же, очень вам к лицу будет, госпожа.

— Забавно, — Астра оглядела коротко украшение. — Только безделушки меня не интересуют. Кристалл Лучистой Сферы мне нужен.

— Конечно, госпожа! — гном заулыбался. — У меня прекрасный выбор кристаллов. Какой вам угодно? Хотите аметист Тшувы? Недавно получен из Либии, изумительной чистоты камни. Такой кристалл приносит мудрость обладателю. Или цитрин? Есть с заклятием Нсиа. Его добывают в горах Анраса, госпожа. Солнечный камень...

— Нет, гном, — мэги, наконец, удалось прервать торговца. — Мне нужен кристалл

Лучистой Сферы. Который из горного хрусталя. Шарик такой, ограненный специально, знаешь?

— Есть у меня и такие. Сейчас я покажу то, что вам наверняка понравится.

Гном снял с полки небольшой шар, переливающийся перламутром, на подставке в виде львиных лап.

— Вот, посмотрите. Прекрасно подходит для украшения спальни дамы.

— Послушай, почтенный, — Астра прищурилась. — Я же внятно сказала, что мне нужен магический кристалл. Магический, а вовсе не эти игрушки, которые ты пытаешься всучить.

— Есть у меня один, — торговец кряхтя полез под прилавок. — Принадлежал когда-то одному магу, госпожа. Да вот, оказался у меня, оставленный в залог в незапамятное время. Если вам нужен, то могу продать.

Он выбрался, отдуваясь, держа в руках шар, укутанный паутинным шелком.

— Вот! — гном сдернул ткань, демонстрируя кристалл.

Мэги наклонилась, вглядываясь в глубину шара, засветившуюся рыжими лепестками пламени от горящей рядом свечи.

— А это зачем? — она кивнула на тонкую золотую спираль, усеянную крохотными шариками, обвивавшуюся вокруг шара.

— О! — торговец потер пальцем верхушку спирали, и шарики зашевелились, разворачиваясь маленькими цветочными бутонами. — Заклинание Полевых Цветов, госпожа. А если постучать по подставке, то будет играть музыка.

— Нда... — Астра скептически осмотрела конструкцию. — Это, конечно, симпатично, но я хочу купить только кристалл.

— Без музыки и цветов? — удивился гном.

— Именно так. Сколько?

Гном зашевелил губами, что-то подсчитывая, его лохматые брови поднимались и опускались ритмично, будто слышал он волшебную музыку звонких монет.

— Двести пятьдесят сальдов, госпожа. И еще, — он со значением выпрямил вверх толстый палец, — я дам коробку, в которой вы сможете унести эту прелестную вещь.

Голаф кашлянул. Мэги быстро взглянула на него и нахмурилась.

— Мне нужно посмотреть на кристалл поближе, — сказала она.

— Конечно, конечно, — засуетился торговец.

Астра провела руками над шаром, пытаясь нащупать нити эфира. Она двинула пальцами, словно навивая вокруг хрустального шарика невидимую пряжу. Прохлада лизнула ладони, и мэги отпрянула.

— Этот кристалл мертв, — сказала она. — Это не магический кристалл, гном. Вся магия, что тут есть, это деревенский заговор цветочков, и только.

Она быстро сняла шар с подставки, рассматривая внимательно.

— Вот! — серебристый луч сорвался с ладони, высвечивая крошечный скол. — Ты хотел обмануть меня!

— Никоим образом, — обиделся торговец. — Ведь я не просил с вас цену, которую стоит работающий кристалл. И вы же не спрашивали, есть ли в нем магия сейчас.

Губы Астры дрогнули, заклинание рвалось из нее. И она его произнесла с шипением атакующей змеи. Рука дернулась, сотворив замысловатое движение. Тут же нос гнома, и без того не малый, начал расти, вытягиваться, и обвис, превратившись в более интимный орган.

— Гринх залим! — восхищенно произнес Голаф и подавился смехом.

— Вот так, коротыш, — сказала мэги с удовлетворением. — Теперь поспеши показаться жене — она будет очень довольна!

— Госпожа! Госпожа! Умоляю, госпожа-а-а! — орал хозяин лавки, ощупывая с ужасом неприличный отросток, но мэги, схватив за рукав своего спутника, спешно выскочила за дверь.

— Ох, и опасная ты шалунья, — все еще посмеиваясь, признал Брис. — И со мной бы могла так?

— Запросто. Вот никогда не зли меня! — она, уперев руку в бок, стала напротив него. — Помнишь, как ты поцеловал меня возле почтовой конторы? Тогда ты очень рисковал, господин рейнджер.

— И, тем не менее, я бы это с удовольствием повторил, — он легко обнял ее за талию, в такие минуты она особо дразнила его гибкими линиями тела, вызывающим и золотистым блеском в глазах. — Ты же не посмеешь превратить в уродца человека за такую приятную мелочь?

— Еще как посмею, — она чуть выгнулась назад, повисая в его сильной руке. — Лучше не испытывай меня здесь.

— Хорошо. Здесь нет, мэги. Я вообще намерен неторопливо добиваться расположения вашего Волшебного Высочества, — он медленно отпустил ее. — Может, вернешь коротышу нормальный нос?

— Не стоит — это только иллюзия, она сама скоро развеется. Идем в другую лавку.

Брис увлек ее по улице, слушая неясные ему рассуждения о каких-то плотных иллюзиях и вспоминая сладкий вкус ее губ.

От фонтана они поднялись по ступеням к храму Герма. Высокие бронзовые фигуры мудрого бога сверкали на солнце с четырех сторон. На площади и под колоннадой из розоватого камня толпилось много людей одетых богато и просто, были здесь и нищие, но их привлекало правое крыло святилища, где в полдень раздавали кое-какую подать. Слева же начинался сад миндальных деревьев и длинный ряд храмовых пристроек. Голаф двинулся дальнему зданию, с белым альбатросом на вывеске.

— Прошу, — рейнджер толкнул дверь, украшенную изящной резьбой. — Только цены здесь будут!..

Они вошли в зал, разделенный колоннами на две части. На стойках начинавшихся справа тускло поблескивали доспехи, стальные и из прочной черной бронзы, украшенные серебряными рисунками и гладкие, грозные даже в мирном покое.

— Вижу, что звездное железо, — сказал рослый человек в камзоле из черной тафты. — Только с чего вы взяли, что он под заклятием кованы? Рунами, братец, меня не сильно удивишь.

— А у нас здесь нет простых вещей, — с достоинством ответил хозяин. — Фетри покажи, — он щелкнул пальцем помощнику, стоявшему у прилавка.

— Пожалуйста, смотрите, господин Лаоренс, — взяв меч из рук покупателя, Фетри поставил на каменный постамент толстый железный стержень и, несильно взмахнув клинком, рассек его надвое, словно кусок грязи. На миг показалось, будто воздух пронзила синяя искра.

— Да... — с восхищением протянул мужчина в замшевой безрукавке. — Ну а с твоей львиной силой любую броню, как жестянку — шмяк. А?

— Не люблю, — возразил хозяин. — Броня у нас тоже есть знатная. Так берете?

Лаоренс еще раз взвесил меч в руке и заключил:

— Легковат для меня и слишком тонкий. Платье для Сюрэн отложите. А это... обойдусь, — он вернул меч и, отсчитав насколько золотых монет, направился к выходу.

— Хорошая, — на миг он задержался возле Астры, проведя пальцем по ее плечу и отпустив Голафу презрительную усмешку, открыл дверь.

Рейнджер подошел к прилавку, разглядывая оружие, висевшее на стене, потом взял с бархатного ложа меч оставленный Лаоренсем. Лезвие было на удивление острым и звонким, анрасские руны покрывали сталь, отливавшую льдисто-голубоватым светом.

— Синий Зигзаг ему имя, — заметил хозяин. — Такой меч только один. Паладину не подошел, а для рейнджера в самый раз — тонкий и быстрый, как молния.

— И, конечно, тяжелый, для кошелька, — добавил Брис. Торговец, сразу угадавший в нем рейнджера, да столь разборчивый в оружии, вызывал уважение.

— Тяжеловат. Двадцать четыре штара. Для вас, — подчеркнул он. — Тому черному воителю я предлагал за двадцать пять.

— Когда-нибудь я куплю его, — Голаф осторожно опустил меч на ложе, и Фетри убрал дорогое оружие в дальний угол.

Астру больше заинтересовали амулеты с яркими мергидскими камнями в форме пауков и золотых пчел. Дальше в строгом порядке стояли жезлы Стихий и посохи с тонкой гаммой магических настроек искусной работы, украшенные костью береса, самоцветами и серебром. Ничего подобного она не видела ни в одном из городов Олмии, и, разглядывая роскошные вещи, которые занимали огромный простенок, длинные полки между колонн и часть прилавка, забыла даже о необходимом ей кристалле.

— Палочки некромантов? — поинтересовалась мэги, указывая на костяные жезлы с клыками трупника вокруг мутного топазового глаза.

— Все понемногу продаем, — торговец подошел к ней ближе. — Странно, на это добро спрос весьма вырос. Позавчера заезжая ведьма купила два. И кое-кто из горожан интересуется.

— А на старом кладбище могилы разрыты, — заметил Фетри, поигрывая нефритовой статуэткой Герма. — И слухи о том, что творится там о!.. чернее ночи! Не чтит народ заповеди Эты и слов нашего бога совсем не помнит!

— Да, но эти жезлы — хорошая защита и от некроновых существ, — сказал хозяин, с укоризной глянув на помощника, и тут же обратил внимание мэги на другие товары: — Вот кольцо прекрасное. Если вы магию практикуете, то увеличит вашу силу на шесть пунктов по шкале Некомарха. А вот вчера из Гервы доставили Плащ Обольщения, — он провел ладонью по искрящейся розовыми звездочками легкой накидке, отороченной нежно-голубым мехом ларсы. При вашей то красоте, госпожа, эта одежда вряд ли необходима, но кому не хочется стать лучше самой себя. И вот еще свежее, — он взял с соседней полки хрустальную палочку с ограненным шариком на конце. — Этот жезл и ряд других, лучший набор для мастера иллюзий. Фетри вам сейчас покажет. А ну-ка, — торговец протянул ему палочку, и паренек, прикрыв глаза, сосредоточившись, вычертил в воздухе старший знак Го.

С шипением, отдающим по коже зудом, появился огромный наг. Он вырос в нескольких шагах от Астры, глядя злобно и красно, вытянув четыре когтистых лапы к мэги.

— Собачий хвост! — рейнджер мгновенно выхватил меч и прыгнул между мэги и опасным чудовищем.

— Господин Брис, — Астра схватила его за рукав. — Спокойно, господин Брис. Иллюзии опасны лишь для тех, кто в них слишком верит. — Она подошла и коснулась морды змеетелого существа, видение тут же исчезло. — Великолепно! Но лично я к подобным фокусам прохладно отношусь. Сейчас меня интересуют магические кристаллы.

— Пожалуйста, — торговец указал на ящички, расставленные в строгом порядке на средних полках. — У нас почти полный набор. Все самого высокого качества. Есть и с огранкой мастеров Ордена Алой Звезды, имеются даже изысканные работы магистрата и особо специальные от Ордена Тени. «Сырых» камешков тоже хороший выбор.

— А как насчет Лучистой Сферы? — поинтересовалась мэги.

— Это совсем просто, — хозяин открыл поднесенный Фетри ящичек, и Астра увидела несколько хрустальных шаров, сверкающих чистыми, глубокими гранями.

— Шестьсот сальдов, — негромко сказал хозяин, когда блеск лучей в восхищенных глазах покупательницы стал особо ярким.

— Шестьсот... — Астра разочаровано качнула головой. — А вот это, милостивый господин, вы за сколько возьмете? — она спешно сняла с пальца бронзовое колечко.

— Хорошее кольцо, — он разглядывал его внимательно, повернувшись к окну. — Руны анрасские вижу. Защита от укусов змей. Хорошее кольцо. Сто двадцать сальдов. Сто пятьдесят, благодаря вашей красоте, — он улыбнулся вялыми губами. — Не могу больше.

— А если это вдобавок? — Астра извлекла из кошелька кольцо Керлока и протянула ему.

— Это... — торговец посмотрел на маленький мутно-голубоватый топаз, оправленный в серебро. Блеклая инталия где-то в глубине камня сплеталась в руну или тройственный символ Го, но разобрать столь тонкие знаки без хорошей линзы было нельзя. — Триста за два, — решил он. — Если устроит.

Астра с Голафом обошли еще несколько лавок вблизи. Ходили к кварталу Нейзы, поднимались даже до храма Рены Милостивой, но необходимого кристалла дешевле, чем за пятьсот сальдов им никто не предложил. Устав от поисков, становившихся бессмысленными, Голаф предложил отправиться к старой цитадели и осмотреть, наконец, место засады. Астра согласилась, надеясь, что после удачной охоты на пирата у нее все же появятся некоторые деньги еще. В противном случае ей придется просить помощи у магистрата Варольда, который обошелся с ней, увы, так нехорошо.

Глава пятая. Визит к магистру Варольду

— Астра Пэй к господину Ва-роль-ду, — вкрадчиво и с насмешкой произнесла она. — Извольте, быстренько доложить, любезный Фирит, пока здесь что-нибудь не испортило мне настроение.

— Мэги Астра Пэй? — переспросил гном то ли в шутку, то ли из предосторожности, дорожа своей клочковатой огненной бородой.

— Истинно так, — она повернулась к анфиладе с рядом статуй, холодно стоявших в нишах. У дальней двери, откуда вышел прошлый раз Давпер, столпились посетители салона. Жрецов Архора и служительниц богини грез она узнала по длинным серебристым одеждам, пыталась расслышать их речи, но Фирит появился удивительно быстро и пригласил:

— Прошу, госпожа, — магистр ждет!

Он, скрипя остроносыми сапожками, провел мэги мимо либийцев-стражей в зал с полированным до блеска, таким предательским полом и остановился у колонны, косо и хитро поглядывая на гостью.

— Хочешь позабавиться, коротыш? Не выйдет, — дернув его легонько за бороду, Астра обошла круг блестящего камня по краю и, величественно ступив на мягкий ковер, прошествовала в зал приемов.

Увидев мэги, Варольд Кроун встал из-за стола, удивительно проворно для старика и своего положения.

— Рад видеть, госпожа Пэй, — он взял ее руку и, наклонившись, поднес к сухоньким губам. — Очень рад! И примите мои извинения. За первую не очень приятную вам встречу. Мне стыдно, признаться...

— Принимаю, магистр. Хотя не стоит так расшаркиваться передо мной, — она улыбнулась без насмешки, вздохнув, убрала волосы назад. — Я тоже очень рада... что вы сегодня один — без этого тошного Канахора. Вы связывались с госпожой Изольдой?

— Да. Вернее, она сама связалась со мной в тот же день, — не отпуская руки мэги, он подвел ее к мягким кожаным креслам в углу. — Вечером я смотрел в хрустальное зеркало Рены и увидел ее. Все такую же молодую, красивую и, наверное, счастливую. Изольда... Беспокоилась за вас. Позвольте, я перейду на «ты»? Думаю, мы можем стать друзьями без всяких условностей, которые надоели, честное слово. С утра надоели, — Астра кивнула, удивляясь его какой-то восторженной, почти детской болтливости, и он продолжил: — А сегодня ушла еще одна моя помощница. Не знаю даже почему. Просто сказала, что ей нечего больше делать здесь.

— Наверное, она — та, белокурая мэги, с которой я столкнулась у входа, — Астра присела, поглаживая шелковистый подлокотник и разглядывая гадальные пластины, разбросанные без порядка на столе.

— Да, мэги Верда. Не представляю, что наговорил ей Канахор, но между нами стало что-то не так. Что-то будто поломалось. Знаешь, как бывает — открываешься теплу эфира, и вдруг тебя обжигает холод Маро. Но пусть уходит — не хочу я об этом, — он замолчал, смяв в руке край балахона.

— Как там Изольда? — спросила Астра, опуская голову на мягкую кожу. — Прошло несколько дней, а кажется, я не виделась с ней очень давно. Будто в другой жизни.

— Изольда... Я налью нам немного легкого аютанского. И орехи в меду будут очень

кстати, — он взял узкогорлый кувшин и чашечки с красно-синим орнаментом, осторожно наполняя их темной пряной жидкостью. — Она все так же молода и безумно красива. Она всегда следила за собой. Любила себя. Астра, ведь я всего на двенадцать лет старше ее, а успел превратиться в старика. Конечно, в этом она не виновата. Она рассказывала тебе нашу историю?

— Изольда упоминала вас. Часто. Говорила, что вы — ее друг и поклонник чуть-чуть, — мэги пригубила напиток, ощущая сладкое тепло на языке.

— Чуть-чуть... — он с горечью улыбнулся. — Когда-то я любил ее больше жизни. Канахор своим появлением напомнил мне часть тех событий, и теперь я потерял покой... чуть-чуть. Я встретился с ней сразу после Голорской войны. Семьдесят шесть лет назад. Была победа и столько радости — мы плясали на руинах Зарды, которые еще дымились от ударов баллист и мощи сокрушающих заклятий. Остатки войска болотников бежали после дерзкой атаки наших союзников. Скоро все кончилось, появился король олмийцев со свитой, рыцари Луча и члены магистрата. И я увидел ее верхом на серебристо-сером жеребце, с летящим позади шлейфом волос, похожих на дикий рассвет. Увидел, и эта безумная долгая война, эта сладкая победа стали для меня совсем тихой, остывающей нотой — другая музыка разом наполнила сердце.

Астра нетерпеливо шевельнулась в кресле, украдкой поглядывая в зеркало, оправленное ярким лазуритом и нитями бронзы. Образ Изольды во славе, величии несущейся на коне перед высокородными олмийцами и героями той легендарной войны, отчего-то взволновал ее, словно звук трубы Крона, который она слышала в храме Лузины и всегда замирала, чувствуя при этом, как озноб крадется по спине, а в груди становится беспокойно и тесно. Мэги подумала, что когда-нибудь, может через сто лет, какой-нибудь магистр или стареющий король будет говорить и о ней так.

— Все мы: великий Паддий, Римли, Анексард Нех и, конечно, я, многие другие приняли приглашение олмийцев и отправились в столицу на празднества, — продолжил Варольд, охватив пальцами чашку с вином. — Отправился, потому что там была Она. Целый год мы гостили в Лузине — самый счастливый и несчастный год моей жизни потому, что я каждый день видел ее, проводил с ней вечера, даже ночи, и сходил с ума, когда видел ее с Анексардом, принцем Луацином или красавцем Паддием. Не знаю, что было между нами... между нами всеми, но так долго продолжаться не могло. Ее красота и свобода, ее необъяснимое волшебство становились вином и ядом, который убивал не только меня. Нечто похожее чувствовал наш славный паладин Нех, а Римли однажды сказал, что она сама должна рассудить с кем ей остаться. Он пошел к ней с этим больным, наверно, глупым вопросом, а на следующее утро сказал, что мэги Изольда выберет того, кто добудет для нее Черную Корону Иссеи. В тот же день я, даже не попрощавшись, отбыл в Либии, совсем не представляя, что ждет меня в мертвой теперь, дикой стране.

— Корону Иссеи? — удивилась Астра, отставляя пустую чашечку. — Изольда ведь могла и пошутить. Она любит шутить, особенно над мужчинами.

— Уж это я знаю, — Варольд поднял кувшин, встряхнув его, разлил остаток напитка. — Только это не было ее шуткой. Прибыв в маленький порт на либийском побережье, я отправился вместе с караваном торговцев в Намфрет и оттуда шел много дней с несколькими паломниками к главному храму Иссеи. Я пришел, упал к ногам жрецов, поцеловал алтарь богини и скоро стал неофитом, яростно прославляя Дающую Жизнь, оставаясь без пищи и воды в долгих бдениях с молитвами на губах, искренними почти до

боли, но только затаенная часть моей души знала, что мне действительно нужно. Черной короны не было в храме, и я это знал с самого начала, только это святилище было единственным местом во всем мире, где можно было разузнать о ее местонахождении и хоть как-то проследить последний, путаный путь короны. Я пробыл там почти два года и в своих утомительных поисках почти не приблизился к цели, собрав лишь нескольких древних свидетельств, переписав их тщательно на куски пергамента. Уже тогда я начал понимать, что Изольда, скорее всего, потеряна для меня навсегда — какая разумная женщина, находясь в столь блестящем и заботливом окружении, станет ждать годы?

Астра покачала ногой, рассматривая носок туфельки и расправляя складки платья. Время уходило, а Варольд все тянул свою историю, неизвестно зачем. Мэги засобиралась бы, сославшись на дела, но мысль о кристалле держала ее в салоне магистра. Она упрямо поджала губы, решив во что бы то ни стало досидеть до конца рассказа, не сорваться с места, тем более, нужно было еще подумать, куда идти. О Голафе не хотелось даже вспоминать.

Варольд молчание мэги на свой, в общем-то не к ней обращенный вопрос, понял иначе и с еще большим увлечением продолжил:

— Однажды я и трое младших жрецов отправились за солью к высохшим озерам. Мы набрали несколько заплечных сумок, когда налетела песчаная буря. Песчаные бури в тех местах бывали злые и долгие, но эта, наверное, превзошла все лютой силой. Шесть дней ревел горячий, сбивающий с ног ветер, небо было темно-багровым от туч песка. Песок был везде: обжигаящими струями проникал под наши одежды, хрустел на зубах, забивался в уши, сыпался в пересохшее горло. У нас почти не осталось воды, мы брели, обессилив, ползли наугад, потеряв всякие ориентиры в изменившейся от безумства песчаных волн пустыне. Когда буря закончилось, наше положение не стало лучше — мы поняли, что совсем заблудились. Ночью мы еще делали немощные попытки двигаться на юг. Скоро один из нас умер. Не знаю, почему не я — ведь я был слабее и не так вынослив, как эти сухие темнокожие либийцы. Нить моей жизни держало лишь страстное желание хотя бы когда-нибудь снова увидеть Изольду, может прикоснуться к ней, и уже потом бы можно было умереть. Я проклинал себя за то, что посвятил свой талант лишь атакующим приемам магии Огня — удары сжигающей Стихией были освоены мною в совершенстве, но огонь и так был повсюду: в песке, в дрожащем мареве неба, в моей, обращающейся в пепел, душе. Вспоминая читанные когда-то книги и наставления учителя, я подносил к лицу покрытые волдырями ладони, шептал невнятно заклятия — у меня лишь хватало сил извлечь несколько капель драгоценной влаги, которая мигом исчезала в песке. Иссея будто смеялась надо мной или мстила за тайную, недобрую затею. Через день умер Фрахив, мы даже не смогли похоронить его — ползли дальше всю ночь, а к утру впереди показались желтые скалы и редкие перья пальм. Где-то недалеко была вода — я чувствовал это, и мой несчастный спутник Тотег тоже чувствовал обостренным чутьем пустытника. Мы двинулись к скалам, но скоро совсем лишились сил. С рассветом я услышал шипение, думал, что так шуршит песок, и снова поднимается ветер, приподнял голову и увидел нагов. Их было шесть или семь — четвероруких тварей с янтарно-желтыми глазами, ползущих к нам из-за выступов рыхлых камней. Тотег они убили в тот же миг — разорвали когтями худое беспомощное тело, а меня перевернули на спину и лили в рот его загустевшую кровь, текущую из раны на шее. Потом они поволокли меня по камням, и я потерял сознание.

— Вы даже не пытались драться? Сжечь хотя бы одного из них? — Астра откинула ворот платья. Солнце светило меж шелковых штор, и становилось жарко, словно далекая

пустыня, о которой рассказывал старик, вдруг глянула в окно злобным желтым глазом.

— У меня не осталось сил извлечь даже бледную искру, — ответил Кроун. — Я был не живее мумии из забытых гробниц. Очнулся я в их городе, связанным кожаными ремнями и брошенным в яму, словно дикий зверь. В плену у нагов мне довелось пробыть почти сорок лет. Да, да, сорок! Многие умирали там всего за несколько дней или сходили с ума не выдерживая змеиных взглядов, самого вида этих существ. Не знаю, где добывали они столько людей-рабов, ведь вокруг была мертвая пустыня на много дней пути. И еще не знаю, почему выжил я. Возможно, они обращались со мной лучше, чем с либийцами — мои светлые волосы и кожа, представлялись им чем-то необычным, экзотическим, а когда я выучил их язык, меня передали в храм чистить выгребные ямы, в которые они сваливали внутренности животных и людей после своих жутких обрядов. Заклятиями боевой магии, искусство которой я оттачивал долгими ночами, пожалуй, я мог бы уничтожить сотню четвероруких тварей, но это было бессмысленно. Даже освободившись от многочисленных стражей и выйдя из города, я бы не смог найти дорогу к либийцам через огромную безводную пустыню. Я никогда не показывал им свое искусство, которое обратило в руины стены Зарды, стало ужасом для армии болотников. Я старался быть тихим и покорным в слепой надежде, что когда-нибудь мне представится случай отомстить за себя, за растерзанного Тотега, за множество людей, умиравших, словно истерзанные животные, на моих глазах. Мучительно медленно шли годы. Мне часто снилась Изольда, но образ ее становился расплывчат и тускл, будто холодный туман вставал между нами.

— Даже искренне любящий мужчина за долгих сорок лет может забыть женщину, по которой он так страдал. Конечно, время сильнее любви, — печально заметила Астра, вспоминая волновавшие ее романтические поэмы Ювия.

— Выходит так. Видя лишь желтовато-чешуйчатых отвратительных нагов и угрюмые лица темных рабов, я стал забывать, как выглядят люди родного мне мира, — будто оправдываясь, сказал магистр. — Иногда меня запирали на ночь в святилище мыть пол и стены, и это было истинным счастьем. Храм четвероруких был построен на месте святилища либийцев — внизу остались нестертыми фрески и надписи на стенах, смысл которых я старался постичь, и в этом постепенно стал добиваться успеха. Читая и размышляя над их смыслом, я начал догадываться, что в этом храме были залы, находящиеся под землей и, вероятно, имелся длинный ход, ведущий к какому-то другому зданию, может, к еще одному храму. Я искал эту дверь полтора года, исследуя каждую трещину в стене, снова вникая в старые тексты и прислушиваясь к речам змееподобных жрецов. Однажды вечером, когда меня снова привели мыть полы и залитый кровью алтарь под надзором двух стражей, я услышал, как что-то заскрежетало в глубинах святилища, и потом из прохода, сходящего вниз, появилось несколько воинов-нагов, ведущих на привязи четверых мужчин и молодую женщину. В одно мгновение я понял, что вышли они из того тайного хода, который так долго и безуспешно искал я. Это был мой шанс — погибнуть в схватке со змеетельными тварями или, может быть, обрести свободу.

Мэги прерывисто вздохнула и сжала пальцы на подлокотниках кресла. История захватила ее, изгнав воспоминания о Голафе. Она даже почти забыла, зачем пришла к Варольду, только жадно вслушивалась в его слова.

— Повернувшись к стражам, беспечно стоявшим позади, я вскричал заклятье фаерволл, и в следующий миг они корчились в пламени, которое так давно просилось с моих рук, — выдохнул Варольд, в его глазах появился блеск, будто он снова видел случившееся когда-

то. — Воины, опустив копья, бросились на меня, но их остановила огненная сфера — змеиные тела обратились в рыхлый пепел. Жрецы, оставшиеся внизу, взревели от страха и ярости, им ответили голоса за воротами храма и на площади. Я же, освободив от пут ближнего из либийцев, тоже дрожащего от страха, призвал элементала. У нас было мало времени: огненный заслон, сдерживавший толпу нагов у входа, догорал, а моя магическая сила была не беспредельна. Нам требовалось скорее прорваться в подземелье и бежать тем самым тайным ходом, в существовании которого я теперь не сомневался. Существо огня, вызванное мною из пламенных глубин, подчинилось почти сразу, что было большой удачей, и бросилось вниз на жрецов и нескольких воинов, замыкавших отряд появившийся снизу. Глупцы — они пытались атаковать его копьями, но бесполезное оружие сразу превратилось в пылающие угли. Следом жертвой огня стали их шипящие гадко тела. Жрецы оказались чуть умнее — призывали в защиту своих богов и заклятья воды, только прежде чем они одолели элементала, он сжег четверых из них, двоих оставшихся проткнули дротиками пленники, освобожденные мной. Уже беспрепятственно мы спустились вниз в огромную, богато убранную залу с гранитными колоссами древних богов. Мое внимание привлекла та дверь, которую пытались заслонить жрецы. Сгусток ослепительного пламени быстро расплавил бронзовый замок, я взломал его поднятым с пола кинжалом и отворил дверь. Похоже, там находилась сокровищница святилища: на полке стояло множество посуды из серебра и золота, в шкатулках лежали украшения с рубинами, изумрудами, ярчайшими сапфирами, переливавшимися столь безумным цветом, что мы забыли об опасности грозящей — огненный заслон, сдерживавший нагов, уже потух. Либийцы собрали все ценные вещи в кожаные сумки, я прихватил старые пергаментные свитки, которые могли оказаться для мага не менее полезными, чем украшенное редкими камнями золото.

— А корона? Там была корона Иссеи? — нетерпеливо переспросила Астра.

— Нет. Ее там и не могло быть. Хотя наги причастны к ее исчезновению. Но слушай дальше, — он наклонился, положив руки на колени. — Едва мы направились к темному зеву туннеля, четверорукие стражи выползли на лестницу. Я снова пустил огненные сферы. Три или четыре — больше у меня не осталось сил, а врагов было слишком много. Мы побежали в темноту, уже там, в бесконечном рукаве подземелья я сделал светляка, который освещал нам путь. Мы шли много дней. Наги, поначалу бросившиеся в погоню, больше не досаждали нам: то ли они потеряли наш след и повернули назад, то ли их всех убил элементал огня, которого я пустил им навстречу. По пути нам часто встречались подземные озера, даже небольшие реки с ленивой черной водой. В них водилась склизкая слепая рыба и существа, похожие на больших лягушек. Я жарил их, разводя огонь, и мы могли утолить голод. Не знаю, сколько дней мы шли. Блуждая во мраке мертвой подземной страны, не видя ни солнца над головой, ни звезд мы совсем потеряли счет времени. Либийцы рассказали, что наги появились неожиданно и захватили их караван возле маленького торгового городка, и потом их путь подземельем был не более четырех-пяти дней. А мы все шли, не ведая, где выход из этого глухого темного царства и есть ли он для нас вообще. Однажды я услышал странные звуки над головой — свод тихонько содрогался, и с него сыпались комья земли. Неожиданно мне пришла мысль, что эти звуки очень похожи на топот множества ног лошадей или стада антилоп, и тогда же пришла безумная и спасительная идея. Я произнес заклятие мощнейшего фаерболла и направил огненный сгусток вверх. Сколько было у меня сил, я жег и жег свод проклятого подземелья, задыхаясь от едкого дыма и ярости. А потом, все мы увидели вдруг синее, невозможно синее небо над головой и расплакались, обнявшись от

радости. На следующий день мы выбрались на поверхность и через день пути на север достигли Хатиора — родного города Селлы — либийки, которая после стольких испытаний мне стала близка как жена. В городе мы разделили сокровища, захваченные у нагов. Ценность их оказалась столь высока, что каждый из нас стал обеспеченным на всю жизнь. Вскоре я, вместе с Селлой отбыл на корабле в Лузину. Я знал, что Изольда меня не ждет, да и зачем был нужен я через столько лет, не найдя Черной Короны, потеряв молодость и, пожалуй, собственное имя. Мне просто очень хотелось увидеть прекрасную мэги, из-за безумной любви к которой я претерпел столько бед.

— А вы с Селлой уже стали любовниками? — облизнув блестящие от меда губы, спросила Астра.

— Да, еще с тех ужасных дней скитания по подземелью. Конечно, эта любовь не была та, сжигающая огнем дотла душу, но чувство было зрелым и очень прочным, — ответил магистр, поглаживая редкую седую бородку и тускло глядя на чашу допитого вина. — Изольду я встретил в первый же день во дворце. За сорок лет она не изменилась совсем, была также молода, весела и беспечна. И меня сразу узнала. Очень удивилась, когда я сказал ей, что не смог найти корону Иссеи. Потом, как выяснилось, мэги понятия не имела о том, что я отправился на поиски магической легендарной вещи для нее. Все это оказалось затеей Римли, старавшегося избавиться от соперников даже такой коварной, низкой ложью.

— Так получается, что вас просто хитро обманули?! И во всех ваших странствиях, бедах, мучениях был виновен Римли?! — изумилась Астра. — Я видела его могилу. Когда я была девочкой, Изольда пугала меня его неприкаянным духом, появлявшимся по ночам возле склепа.

— Да, во всем был виновен только он, — Варольд сжал кулаки и лицо его стало серым. — Я бы убил мерзавца в тот же день, вышел бы с ним один на один и сжег его, но он уже нашел смерть от руки справедливого Анексарда. В Олмии вместе с Селлой я прожил два года. Мы часто виделись с Изольдой во дворце, в Магистрате, просто случайно. Виделись, и давно остывшее чувство начало захватывать меня снова. Наверное, поэтому, опасаясь своего слишком чувственного к ее красоте сердца, я переехал в Иальс. Хотя здесь замешана еще и другая история, — он замолчал, встал и подошел к полке с либийскими статуэтками.

— Где же теперь Селла, — поинтересовалась мэги, заведя в его руках деревянную фигурку женщины с темным печальным лицом.

— Она умерла. Ее убил либиец, которому она была когда-то предназначена в жены. Не хочу вспоминать это... — он уронил статуэтку на полку, качнув седой головой. — Я еле вынес два года одиночества. Потом у меня появилась другая женщина. Ее имя было Арсия... Но и она оставила меня восемнадцать лет назад. Она была так похожа на тебя, мэги Астра, — Варольд повернулся, с бледной старческой улыбкой, будто в первый раз рассматривая гостью, потом опустил взгляд к бронзовому колечку с руной на ее правой руке.

— Магистр, вообще-то, я пришла к вам по делу, — Астра тоже встала, остановившись возле диковинных безделушек, расставленных на полках вдоль стены.

— Я все помню. Я обещал тебе достойную работу и уже позаботился об этом...

— Нет, — прервала она его. — Извините, но сейчас мне работа не нужна. Некоторые обстоятельства... — Астра решила пока ничего не говорить о столкновении с Давпером. — Вы не могли бы мне просто продать кристалл Лучистой Сферы?

— Просто продать кристалл? — морщины на его лбу изогнулись. — Тебе нужен всего лишь кристалл? Так...

Кроун хотел сказать что-то о прекрасном выборе подобных вещей в лавке рядом с храмом Герма, но Астра, легко коснувшись его руки, продолжила:

— Да, я могу заплатить десять сальдов, господин Варольд. Мне очень нужно. Понимаю, что к вам обращаться с таким вопросом не очень уместно, но уже пришла... А в лавках, торгующих магическими предметами была еще вчера, но так и не нашла ничего подходящего. Мне нужен очень хороший кристалл — все-таки Дверью Измерений баловаться при неустойчивом концентраторе рискованно.

— Да, конечно. Но ведь возле храма Герма...

— Магистр, — снова перебила она его, — если вы не можете продать за эту сумму, то дайте мне в аренду хотя бы на несколько дней. Пожалуйста. Вы же знаете, какая неприятная история произошла между мной и вессом, когда я к вам добиралась.

— Мэги Астра, — в голосе Варольда послышались трагические нотки, — к сожалению, я не могу продать кристалл вам за эту сумму. Десять сальдов... м-да...

— А за пятнадцать? — глядя с надеждой, Астра тихонько теребила его худенькую ладонь.

— И за пятнадцать — нет, — он улыбнулся, крепко сжав ее пальцы. Она так напоминала ему Арсию, что сердце кольнуло длинной и теплой иглой. Ведь у них могла, должна была родиться дочь, именно такая. Ему почему-то захотелось обнять юную мэги и расцеловать, как маленькую наивную девочку. — Нет, мэги Астра — ни за пятнадцать, ни за двадцать. Я не такой дурак, чтобы не знать, сколько стоит настоящий кристалл Лучистой Сферы. И вообще, где это видано, чтобы покупатель назначал цену?! Я продам его тебе только за один сальд.

— Вы шутите, магистр? Издеваетесь, да?

— Ни в коем случае. Давай-ка сюда сальд, — Варольд взял монетку, которую она недоверчиво достала из кошелька Бугета, снова внимательно посмотрел на колечко на ее среднем пальце и, не отпуская тонкой руки мэги, увлек ее за собой. — Ты сама выберешь подходящий шарик. У меня их много. И уж такого добра для ученицы Изольды не жалко. А сальд, это как бы обмен любезностями, — сказал он, направляясь к двери задрапированной красным бархатом.

Они вошли в помещение с зарешеченными окнами. На стеллажах, стоявших в шесть рядов, было столько всего, что и хранилище в замке Изольды, которое миглом вспомнила Астра, уже не казалось непревзойденно богатым. Полки в начале занимали свитки, перевязанные атласными лентами с бронзовыми табличками. Дальше аккуратными квадратами стояли склянки с всякими веществами и холщовые мешочки, распространявшие травяной запах. Внизу покоилась громоздкая астральная машина с множеством серебряных стержней и толстых выпуклых линз. Амулеты и костяные анфирийские обереги висели справа, удивляя разнообразием видов и форм.

— Прощу, — Кроун остановился перед широкой коробкой и снял крышку — на черном бархате сверкали пять ограненных тонко шаров из чистейшего арнасского хрусталя.

Астра взяла ближний, прикрыв глаза и щупая кончиками пальцев другой руки, плотность сегментов эфира — Лучистая Сфера была идеальна.

— Ты могла бы вызвать весы и у меня, — заметил Варольд. — Все необходимое для приманки здесь тоже есть. Вот, — он указал на завернутую в пергамент смесь сандалового угля, тертых корней белены и сонной травы.

— Это тоже стоит сальд? — лукаво спросила она.

— Это мой подарок.

— А вы, магистр, тоже балуетесь путешествиями через Дверь? — Астра насыпала на ладонь немного приманки, осторожно нюхая ее.

— Храни меня Эта! — он даже побледнел слегка. — Никогда не пробовал. Вессы расположены только к женщинам. Нет-нет, я не выношу этих шетовых детенышей. Зато Изольда, помню, очень любила их общество.

— В таком случае, я постучу в Дверь где-нибудь в другом месте. Все-таки разговор с Хериком у меня очень личный. И еще, раз вы уж так расщедрились для бедненькой мэги, нельзя ли сюда добавить немного розового масла? — она протянула пакетик с порошком.

— Но зачем? Это же готовая приманка, сделанная по всем правилам в мастерской Ордена.

— Так нужно, магистр. Интуиция мне подсказывает, — она вспомнила визг Херика, наступившего на шипы иллюзорных роз, и утвердилась: — Определенно нужно. Даже позарез.

— Ах, интуиция... — покопавшись среди склянок, Кроун нашел нужный пузырек. — Прошу. Но не заигрывай слишком с шетятами подобными вещами. Я слышал много дурных историй, начинавшихся так же с весса и Двери Измерений, а кончавшиеся вряд ли приятнее, чем мое путешествие в Либию... плоды которого я вкушаю до сих пор. Кстати, Астра Пэй, — он отошел к другому стеллажу в конце комнаты. — Я знаю теперь, где находится Черная Корона Иссеи. По твоим глазам я догадался, что история эта тебе совсем небезразлична. К сожалению, она небезразлична и некоторым другим людям. Например, магистру Канахору. Я сразу не сообразил, что нужно хитрецу от меня. Хотя, это не важно сейчас. Важно то, что в короне часть силы Иссеи, очень большой божественной силы, ведь именно из-за этой короны погибла сказочно богатая Либия, города ее обратились в развалины, а сады в пустыню. Возьми еще этот свиток — здесь записана старая, но вполне достоверная история, — он положил в ее руку толстый желтый пергамент и добавил: — А потом, когда ты следующий раз зайдешь навестить старика, я расскажу еще кое-что. Кстати, ты раньше не была знакома с Канахором?

Глава шестая. Великое яйцо карака

Выйдя из салона, Астра спустилась к дворцу Ронхана, все еще размышляя над рассказом магистра, историей похожей на сказку, от которой было печально и трепетно. Она с детства любила либийские истории, слышала не раз о Черной Короне Иссеи, но то, что поведал Кроун, тронуло необъяснимо, вошло и осталось где-то неуловимым, саднящим чувством, словно песня барда. Может, в этом был виноват тихий, страдающий голос старика, совсем непохожего на пересыщенного тошным вниманием знати, преуспевающего держателя салона, которым Варольд изначально представлялся. А может, молодую мэги так взволновала история его несчастной любви к Изольде, безумной, смертельной вначале и непонятной, странной потом, похожей на осень в Вергине, когда дождь, слякоть и жаркое солнце случаются в один день. Еще ей не терпелось распечатать и прочитать старый свиток пожелтевшего пергамента, где по заверению магистра сказано что-то важное о таинственной магической вещи, ради обладания которой было пролито много крови, за которой охотятся смельчаки и безумцы уже не один век, и из-за которой сам магистр отдал сорок лет своей жизни. Только чтение пергамента можно было отложить до вечера. Сейчас, когда она имела увесистый сверток полезных подарков от Варольда, а главное — кристалл. Давнее зудящее желание — скорее вцепиться в мохнатые уши Херика — возникло и захватило мэги с новой силой. «Серебряный шлем», где она вместе Леосом снимала комнатку, находился невдалеке через улицу. Там было уютно, не слишком шумно и чисто, и все же таверна представлялась не тем местом, где можно без опаски открыть Дверь Измерений. Такой магический опыт считался небезопасным — ведь не редки случаи, когда вместо призванного весса капризный портал выпускал существей очень нежелательных. Буйных настолько, что граница охранного круга не выдерживала, и явившееся из чужих пределов чудовище вырвалось на свободу, оставив возле кристалла раздавленное тело мага. Случалось, что портал открывался не в пустой рукав хода, а в нутро какого-нибудь недоброго мира, и тогда стены рушил сокрушающий ветер, или дикое пламя сжигало все вокруг. Говорят, именно так сгорел замок великого Мовиа, сгорел за одну ночь, и его твердейшие базальтовые башни оплавились, будто воск. Опасным было еще то, что в комнату таверны мог случайно войти кто-нибудь непрошенный, войти в самый неподходящий момент — тогда Дверь Измерений наделала бы бед, последствия которых трудно предсказать. Еще немного поразмышляв, мэги решила пойти к Брису. Рейнджер, конечно, был подлецом, смевающим ощупывать ее, словно трактирную девку, — при воспоминании о тех прикосновениях Астру до сих пор трогала дрожь, — но если он пообещает не делать этого впредь, то его можно постараться простить.

От «Серебряного шлема» она свернула в сторону реки и направилась к мосту Герма. Теперь лишь оставалось надеяться, что Голаф будет в квартире сестры, и Астре не придется ждать, сидя на ступеньках до вечера или поздней ночи. Мэги могла бы попробовать открыть нехитрый замок на двери заклятием, но это бы выглядело неприлично и слишком бесцеремонно, за такое пришлось бы извиняться, а она не хотела быть даже крошечку виноватой перед наглецом-рейнджером.

Солнце клонилось к острым башням Раи, и полуденный зной понемногу спадал. На набережной появлялось все больше народа. В сизой воде реки отражались повозки, следующие к правобережью из порта, носильщики с корзинами, толпы прохожих. Иногда от

изгиба улицы, ведущей к муниципалитету, выплывал редкий паланкин знатного вельможи, яркий, с позолотой, перед которым следовал сердитый крик «Дорогу господину!.. Дорогу!».

Перейдя через мост, Астра повернула в проулок, начинавшийся за углом «Волшебного паруса» — уже отсюда было видно, что дверь в квартирку Аниты распахнута, а значит, Брис был там. Мэги взбежала по лестнице и остановилась на пороге, перед вышедшим навстречу рейнджером.

— Голаф, — Астра глянула на разбросанные возле шифоньера платья и робко шагнула в комнату. — Знаешь, я подумала немножко... Совсем чуть подумала, что ты — все же не такая скотина, — она слабо улыбнулась, повернувшись к нему, — даже при всех твоих скверных манерах. Вот... и решила простить тебя на всякий случай.

— Это было бы очень милосердно, ваша Святость, — он коснулся ее плеча, снимая рыжевато-черный волос с платья. — Ваши слова мне, как вино утром пьянице.

— Ты издеваешься? — она сердито оттолкнула его руку, на которой еще краснели глубокие следы от ее зубов.

— Самую малость. Мне приятно, что ты вернулась. Если честно, то я собирался в «Серебряный шлем». Искать тебя там и по тавернам в округе. Видишь... — он повернулся, указывая на тряпье, разбросанное возле шифоньера и отодвинутую от стены кровать.

— Это еще не все, невоспитанный франкиец, — прервала его Астра. — Ты должен пообещать, что никогда, больше никогда не будешь поступать со мной так. Лезть под юбку можешь к девицам на улице, а я — мэги! Понимаешь? Я другая!

— Понимаю, госпожа Пэй. Давай, скорее закрепим наш мир. А? Госпожа Пэй, — взял из рук Астры сверток, он обнял ее и прижался к румяным губам с поцелуем.

— Нет, ты все-таки сволочь! — она часто дышала, запрокинув голову, уже не стараясь освободиться.

— Я очень рад, что ты вернулась, — его темные, как ночной лес, глаза на миг посветлели, в них стало больше синевы и еще чего-то, похожего на блаженство. — Мне очень нравится целовать мэги. Даже под угрозой сожжения.

— Хватит, Голаф! Вообще-то я пришла по делу. Собиралась снять комнату в таверне, но по некоторым причинам пришла к тебе. Осторожней с моими вещами! — она перехватила его руку, готовую небрежно бросить сверток на кровать. — Там кристалл Лучистой сферы. А это что?! — Астра замерла, шагнув к столу. На красной от крови тряпке лежали две обезглавленные крысы, связанные хвостами.

— Это? Крысы. Вернее, это я и ты. Если я правильно понимаю этакий многозначительный язык морского братства. Здесь побывали люди Давпера. Видишь, перевернули все, — он кивнул на сундук и разбросанные по комнате вещи. — Думали застать нас здесь, заодно и поживиться каким добром. Я их поздно заметил, едва успел выскочить в окно. Они еще вернутся. Ночью или на рассвете. Будут охотиться за нами. Поэтому лучше не оставаться здесь, а снять комнату в таверне. Какой-нибудь неприметной. «Серебряный шлем» — слишком видное место.

— Я их не боюсь. И ты прежде как будто не был так труслив, — дернув безразлично за кончик тряпки, Астра сбросила изуродованных крыс на пол. — Если тебе так хочется, подыщем таверну. Только вот... сначала ты не мог бы оставить меня одну? Всего на час. Я кристалл достала. И хочу вызвать весса. Постороннему, тому, кто не знаком с правилами портала, лучше побыть где-нибудь в стороне.

— Понимаю, госпожа. Ты пришла, чтобы выставить меня за дверь из квартиры моей

сестры?

— Это единственное место, где я могу спокойно вызвать весса. А будет весс — будут деньги. Вернется мой кошелек с очень приличной суммой. Мой медальон, мои важные и дорогие вещи. Ну, пожалуйста, Голаф, — она мягко провела пальцем по маленькой ямочке на его подбородке. — Уйдешь на часик. Можешь даже опрокинуть кружку эля в кабачке ну углу. Я дам тебе тридцать шилдов.

— Если я пью, то за свои деньги. И только при сильном желании. Ты пришла потому, что здесь удобное место для явления твоего чудища? — он опустил голову, возле глаз обозначились мелкие красноватые морщины. — Так, госпожа Пэй?

— Мне нужно вызвать весса, — упрямо ответила она. — Конечно, я могла бы это сделать в таверне, уйти, спрятаться где-нибудь, но я пришла к тебе... — Астра замолчала, рейнджер испытывающее смотрел на нее. — Что ты хочешь услышать, Голаф? Что весс именно здесь и сейчас не так уж важно? Что в Иальсе нет для меня близких людей, кроме тебя? Так я могла бы остаться в роскошном салоне господина Варольда. Но пришла к тебе... Видишь, к тебе!

— Я очень хочу думать, что мы вместе, не только из-за щекотливого дела к Давперу, в котором у нас оказались случаем общие цели. Если тебе надо побыть одной, я, конечно, уйду. Насколько нужно. Хоть до утра. Только мне сделать это будет в сто раз приятнее, если я буду знать, что ты пришла ко мне.

— Пусть тебе будет приятно, Голаф. Я же сказала — к тебе. Послушай, а оставь мне эту штуку, — мэги расстегнула ворот его рубахи, и потянула за шнурок с исчерченным рунами серебряным листком.

— Если мэги понимает, это очень дорогая штука — знак Тихого Слова. Чистое полновесное серебро. Его мне подарила жрица Эты. Что ты хочешь с ним сделать? — рейнджер неохотно снял амулет.

— Мне нужно магически чистое серебро — требуется рядом с кристаллом класть. Целый будет, не волнуйся. Вот, спасибо, и проваливай, — улыбнувшись, она подтолкнула его к двери.

Когда франкиец вышел, Астра задернула шторы и разожгла свечи по углам комнаты. Кристалл, установленный напротив зеркала Аниты, тихо поедал их золотистый свет. Мэги чувствовала, как растет напряжение в его гранях, как в сердце сферы рождается невидимый пронзительный луч, и где-то рядом эфир становится зыбким, расступается, открывая путь в немую бесконечность. Едва у стены наметилось мерцавшее пятно портала, Астра рассыпала приманку и, глубоко сосредоточившись, зачитала строки из «Эдоса».

— Идиш-портал-спелл! — вскинув правую руку, выкрикнула она, завершая заклятие. Пламя свечей дрогнуло, зашипело. Бледное пятно возле стены обернулось воронкой фиолетовых струй, и огненный зигзаг, словно удар волшебного меча, рассек пространство — Дверь Измерений открылась. Лишь тонкий пограничный слой разделял маленькую комнатку и бездну чужих миров.

Астра бросила щепотку приманки в пламя. Порошок вспыхнул, превратившись в облако густого сладковатого дыма. Теперь должен был появиться весс. Он не мог противиться искусно выполненному ритуалу и могучим заклятиям. Мэги вглядывалась в мерцающую мглу и шептала:

— Давай же, Херик! Ступай сюда! Очень вкусная приманка. Меня уже тошнит от этого запаха. Иди, скотина, или я тебя наизнанку выверну!

Долгие, застывшие мгновенья дразнили и мучили ее. Шипение свечей казалось угрожающе громким. Когда мэги решила бросить порцию приманки еще, где-то за воронкой портала мелькнула тень, быстро двинулась к пограничному слою, и тут же из Двери вывалилось существо, похожее на большую лохматую обезьяну. Это был не Херик — шерсть незнакомого веса имела желтовато-зеленый оттенок, рожки-шишечки между оттопыренных назад ушей казались крупнее и морда его с приплюснутым крепко носом, толстыми губами, едва скрывавшими длинные клыки, скорее походила на воплощение горя и страха.

— Епть! Дрянь какая! — от неожиданности Астра отступила назад, пальцы потянулись к серебряному амулету Голафа.

Весс, чихнув трижды, пополз на четвереньках, жадно вынюхивая порошок, рассыпанный на полу. Он сопел от удовольствия, словно пес, дразненный мясистой костью. Сопел, похрюкивал и полз вперед, пока не уткнулся в щиколотки Астры.

— Это кто ж ты такой? — она поймала его вздрагивающий хвост и для надежности намотала на руку. — Только не смей врать мне! Говори, кто ты и почему здесь!

— Ах, пахнет! Пахнет! Ох! — мокро мазнув языком по ее ноге, весс сел на пол. — Клянусь, мэги Верда такого делать не умеет! Ни в жизнь! Надо ж как! Я вас люблю, госпожа Пэй! Весь и целиком! Хотите, дергайте меня за хвост! Хоть за уши, как бедного Херика! Но я вас! Членгрин — я. Херик тоже вас любит, но боится. Дурак! Он там, за Дверью.

— Членгрин? Ты весс мэги Верды и околачивался здесь поблизости? — Астра отодвинула амулет дальше к кристаллу. Мордочка мохнатого зеленого существа уже не казалась столь отвратительной, а слова его были забавны.

— Ни в коем случае! Я — ваш весс! Дайте облизать сладкую ладошку! — не дожидаясь одобрения, он привстал и потянулся языком к пальцам, пахнувшим обворожительной приманкой.

— Фу, гадость! — мэги отдернула руку, будто от прикосновения жабы. — Мне вполне хватает Херика. И вызывала я его.

— Госпожа Пей, но чем хуже два веса? Доложу вам, ни одной мэги не служат более одного. К тому же Херика нет. Нету его! Он трус и глупыш. Херик! Херик! Где ты? — Членгрин снова сел на пол, повернув голову, заросшую зеленовато-коричневыми лохмами к portalу.

— Два веса не служат одной мэги потому, что и с одним хлопот через край! Хотя, если ты от той бледноволосой ведьмы... — Астра снова увидела тень, скользнувшую к пограничному слою Двери. Поверхность пошла кругами, словно вода, отражавшая яркое неземное небо, потревоженная тяжелым камнем. Через мгновенье оттуда появился Херик — спрыгнул на циновку и, настороженно принюхиваясь, двинулся к хозяйке заклятий.

— Ну, иди, иди сюда, мой долгожданный... выродок шетов! — отпустив хвост Членгрин, Астра шагнула навстречу. — Где моя сумка?! Где мои вещи?! Деньги и медальон?! — она вцепилась в его рыже-бурую шерсть на холке и рывком притянула к себе. — Где все это?! Ты помнишь, как бросил меня на середине пути?! Бросил прямо в грязную лужу?! Ты знаешь, как дорого мне стало это путешествие?!

— Пощади, госпожа! — весс заскулил, мотая головой и притворно подкатив свекольного цвета глаза. — Виноват я. Но самую малость. Ты же... Ты сама начала отрывать мои уши. Больно было! Невтерпеж! Вот мы и свалились. И потерялось все. Все-все потерялось! Летает где-то в междумирье! И денежки твои, и вещи... А сумки у тебя не было. Клянусь, чем пожелаешь — один ремешок болтался.

— Сумка была, гаденыш! Думаешь, я совсем свихнулась, чтобы верить клятвам весса?! Я оторву твои безобразные уши — доделаю начатое! Ну? — она с силой повернула его к себе. — Или немедленно вези меня туда, где ты все спрятал!

— Госпожа Пэй, Херик не врет. Я сам видел, как он страдал, что не смог обокрасть вас. А хотите, я не буду воровать у вас почти ничего? Только с вашего позволения это вот утащу, — Членгрин поднял одно из платьев Аниты, выпавших из шифоньера, глаза его полыхнули восторгом. — Все будут завидовать, что я вас раздел! Еще это, — волоча платье, он подбежал к столу, схватил заколку из кости береса. — И это, — зеленошерстый потянулся к амулету Голафа.

— Мерзавец! — отпустив Херика, Астра застыла, сраженная столь хамоватой выходкой.

Когда мэги бросилась к воришке, он вертко нырнул под стол, вылез с противоположной стороны, едва не перевернув кристалл и, царапая когтистыми лапами пол, прыгнул к Двери Измерений.

— Я вас люблю, мэги Астра! Увидимся обязательно! — обернувшись и выпучив на прощанье глаза, Членгрин кувыркнулся в воронку портала.

— Херик! Чего стоишь?! — Астра сердито пнула весса. — Скорее за ним!

— Но...

— Без «но»! Я сказала — за ним! — Астра вскочила на него верхом, сдавив безжалостно бока, направила к порталу.

Лиловые с отвратительно-желтыми прожилками стены туннеля проносились мимо с безумной быстротой. От падения в бездну, дикого вращения шла кругом голова, и сильно тошнило.

«Я должна! Должна привыкнуть к этому! — уговаривала себя Астра, прижавшись к горячему телу Херика — единственно близкому, понятному существу на тысячи, тысячи лиг вокруг. — Это придется делать еще много раз. Я должна. Просто... как учиться плавать».

Она старалась не смотреть по сторонам, на гигантские изгибы междумирья, пронсящие с космической быстротой, на ленты фиолетовой, черной мглы, обжигающие даже издали невыносимым холодом, на искры чужих миров, вспыхивающие вдруг больно и угасающие во тьме. Прикрыв глаза, Астра щипала губами жесткую шерсть на затылке весса и вспоминала смутные, долгие строки книги Хаелорета: «...ощувший себя, ощутивший себя целиком в целом, вернется в себя, как капля моря возвращается в море и вновь становится каплей. Ощувший себя, способен остаться целым, и нити целого послушны ощущениям ума и рук его». Мысли старого мудреца, казавшиеся ранее путанными и невнятными, будто помогли, головокружение прекратилось. Теперь Астра ясно видела маячившую впереди фигурку Членгринна с трепещущим хвостом краденого платья.

— Не догоним. Он быстрее меня, — признал Херик. — Сейчас он свернет в желтхат и — тью-тью.

— Какой «желтхат»? — пальцы мэги снова потянулись к мягким огромным ушам весса.

— Развила такая. Там более сотни ходов — попробуй угадай в какой он нырнул, — Херик замедлил полет, оглядывая раздувшееся багровым пузырем окончание туннеля. Членгринна уже не было видно.

— Тогда летим в ваш мир! В проклятый Вессеркер!

— Нельзя, госпожа. Следующие два дня там лето. Жара такая, что грязь в озерах закипает. Твоя нежная кожа облезет сразу, — он осторожно погладил ее вжавшееся в шерсть бедро.

— Херик! Мне нужно вернуть эти вещи! Хотя бы амулет! Я поручилась за него! Думай, давай! А еще мне нужно забрать мои вещи! Я выпотрошу твою нору и гадкое гнездо твоего друга! — Астра рывком повернула к себе его голову.

— Ай-я-яй! Госпожа! Очень больно! Пустите, а то умру сейчас! — весс, поджав хвост, задергался всем телом, и они полетели в сторону, где черные лоскуты мрака скрывали алые, похожие на вспоротые вены начала туннелей.

— Умоляю! — продолжал визжать он. — Какой тебе толк, если я погибну? Если мы свалимся в шетово пламя и сгорим разом! Клянусь, нет у меня твоих вещей!

— Хорошо, Херик, — Астра увидела, как в его темно-красных глазах появились блестящие капли слез. — Извини. Просто ты, а потом твой друг слишком не вовремя меня разозлили.

Приближаясь к рваным полосам тумана, они закружились быстрее. Мэги почувствовала новый приступ тошноты и в этот раз легко справилась с ним, повторяя строки некогда любимой Изольдой книги, обращаясь ощущениями глубоко в себя. На какой-то миг Астре почудилась даже власть над полетом, и вращение потихоньку замедлилось.

— Я был знаком с двадцатью тремя почтенными мэги, знал много колдуний из Анраса и Бурга, но ни одна из них была такой ж... — он не договорил, втянул голову в плечи и свернул в рукав ближайшего туннеля.

— Ну, продолжай! Такой жадной? Это не жадность, гаденыш. Просто и ты, и твой друг лишили меня того, что мне было очень нужно. Если бы имелись деньги в достатке, как у твоих анрасских ведьм и почтенных мэги, я бы и глазом не моргнула из-за такой мелочи. Куда мы летим? — Астра старалась разглядеть размытые детали какого-то пейзажа в приближавшемся световом пятне.

— Не знаю. Я здесь никогда не был. Мне нужно отдохнуть, госпожа. Хоть капельку. Ты меня так напугала, что сердце теперь тяжелее желудка. Упадем куда-нибудь и все, — расставив широко передние лапы, весс скользил по пограничному слою к обозначившейся внизу земле.

В бледно-желтой дымке стремительно проносились пики гор, может острия огромных пирамид, между ними словно капли яичного желтка блестели озера какой-то жидкости или странного вида равнины. Чужой мир, отделенный лишь пленкой пограничного слоя приближался, очаровывая и безумно пугая.

— Херик! А если там тоже жарко? Если мы сгорим соломой вмиг?! Ты подумал, глупый уродец?! — Астра встряхнула его, схватившись за шею.

— Я, наверное, знаю этот мир. Да, да, госпожа! Мне о нем уже говорили Яцемир и старик Хороебх. Плохой мир. Но мы все равно падаем туда, — он растопырил и задние лапы, став похожим на лягушку застывшую перед последним трагическим прыжком.

Вершина горы жалом копья неожиданно появился перед ними. Пленка пограничного слоя дрогнула рябью и лопнула. В лицо ударил горячий ветер. Они едва не разбились об исполинский каменный зуб, и неслись теперь по крутой дуге вниз.

«...нити целого послушны ощущениям ума и рук его, — шептала Астра строки спасительной книги либийца. — Желание держит их. Желание, которое влечет капли в море. Желание, которое возвращает их небесам. Ищи в себе желание. Будь каплей, но не растворяйся в море...»

Пограничный слой стал вдруг плотным и вспыхнул ярким фиолетовым светом. Теперь они не падали, а плавно опускались к слоистому подножью горы, мгновение назад едва не

убившей их.

— Мэги умеет управлять полетом?! Ах! Ах, госпожа! — Херик довольно засопел подняв сморщившуюся мордочку к хозяйке.

— Госпожа не желает шлепнуться, как лепешка птичьего помета! Из-за такого никчемного, глупого весса! Умеет госпожа, — передразнила его Астра и тише признала: — Хотя сама не пойму, как это получилось.

Линза портала почти коснулась земли. Херик выставил вперед лапы и пружинисто сел на них. Для мэги приземление оказалось менее удачным — она отлетела шагов на семь дальше, едва не ударившись о ребристый выступ скалы.

— Шет! Шет! Шет! — вскричала она, вскакивая на ноги и отплевывая пыль, обжигавшую язык. Слова ее, словно заклятие, повторили эхом медно-красные утесы, блестящие слева и справа, похожие на наконечники копий. Астра сжала пальцы, приготовившись сделать «щит льда», вслушиваясь в слабые движения горячего воздуха. Было тихо, только весс хрипло дышал, приникнув к каменной глыбе возле воронки портала. Ленивый ветерок приносил запах спелых дынь и тления.

— Так что это за место, Херик? Что тебе о нем говорили? — от мглистого, грязно-розового неба, обрамленного тонкими пестами скал, она опустила взгляд к долине, по которой было разбросано десятка три ярких, цвета аквамарина шаров.

— Думаю, что это Каракон. Плохо здесь, Астра. Знающие говорят, что опасно. Я отдохну капельку, и побегим отсюда, — положив голову на камень и высунув язык, весс боязливо поглядывал на ступенчатый спуск в долину.

— Не чувствую никакой опасности. Видишь, какие красивые шары? Чудные просто! Идем туда, трусливый заморыш, — не дожидаясь ответа проводника, Астра направилась вниз. Весс, тяжело охнув, потащился следом.

Шары были большими, в полтора человеческих роста, и вблизи смотрелись еще великолепно. Их покрывал слой синего глянца с причудливыми зеленоватыми разводами, подобными рисунку изморози. Подняв камень, Астра постучала по одной из восхитительных сфер, слушая, как мелодичный стеклянный звук отражается в глубине, тихой нотой передается другим.

— Очень хорошие шары, — заключила мэги. — Нужно разбить один и собрать осколки. Тебе что-нибудь говорили о них?

— Нет, госпожа. Но если здесь мир караков, то это, наверное, не шары, а сами караки или их великие яйца, — весс попятился, озираясь на фиолетовый глаз портала, мерцавший опасно далеко.

— Я не знаю, о каких караках ты болтаешь, — Астра взяла камень крупнее и обрушила его на красивую глянцевую поверхность.

Шар не раскололся, даже не треснул, но отозвался громким звоном, который тут же передался другим, повышаясь тоном, становясь сильнее, звонче. Все узкое ложе долины вибрировало пронзительным стеклянным аккордом. И меднотелые скалы, встававшие вокруг, словно наконечники копий чудовищного воинства, подхватили этот звук, нарастающей лавиной бросили вниз.

Заткнув уши, Херик в ужасе упал наземь. Астра сама еле устояла на ногах. От раздирающего звона, казалось, лопнет голова. Шар, лежавший возле пологого скального уступа, разорвался на куски. Тоже произошло с соседним. Один за другим они разлетались тысячами осколков, выпуская маслянисто-коричневые облака, превращавшиеся в сущности,

похожие на огромные человеческие головы с лохмами длинных, желто-седых волос.

— Караки! Караки это! — заверещал весс и, кувыркнувшись, побежал к Двери. Первым его желанием было скорее нырнуть в омут пограничного слоя, уйти дальше от этого мира, о котором старшие рассказывали столь злые истории. Еще он подумал, что мэги останется здесь и погибнет в первые же мгновения, как войско неведомых существ обрушится на нее. Конечно, ее будет жалко, молодую, с такой нежной, гладкой кожей, манящим голосом, вкусной приманкой... Госпожу жалко, хотя она так зло относилась к нему, душила до полусмерти, больно дергала за уши. И хуже всего, что ему так и не удалось от этой мэги получить ничего. Яцемир и Писхулез будут смеяться над ним. Громче всех, размахивая краденым платьем, станет потешаться везучий Членгрин. Лапы едва слушались, оскользаясь на каменистой осыпи, но портал был близко.

Укрывшись за обломком скалы, Астра сразу не заметила бегства Херика. Первым делом она подобрала привлекательный зеленовато-синий осколок шара, укрепила его за поясом, чтобы не мешался в руках. Существа, которых весс назвал караками, собрались у каменных столбов, расположенных кругом, и переговаривались низкими, как подземный гул голосами. Стараясь держаться в тени скалы, мэги отползла назад и огляделась — весса поблизости не было. Его не было видно ни на осыпи, сходящей в долину, ни у пологих ступеней горы. Лишь на мгновение показалось, что какая-то фигурка нырнула в светящийся тускло ход в междумирье.

— Рена Милостивая, — прошептала Астра, отползая еще на десяток шагов и чувствуя крадущийся сзади серый неведомый страх. Она подумала, что если весс бросил ее, сбежал в Дверь Измерений, то ей самой не уйти отсюда. Даже если она ступит в портал, то она не сможет управлять полетом, тем более отыскать дорогу к родной Гринвее. Стало слишком душно, густой воздух обжигал грудь, пот стекал по прилипшим к лицу волосам, спине.

— Выродок вислоухий, — выругалась Астра и, больше не прячась за камнями, побежала к подножью горы.

Заметив чужака, караки двинулись следом. Едва касаясь земли свисавшими космами и оставляя черный след на камнях, они передвигались удивительно быстро, неслись как призраки, подгоняемые ветром. От гула их грозных голосов дрожала земля и скалы.

Добравшись до середины подъема, Астра поняла, что не успеет добежать до воронки измерений. Мысли рвано неслись по кругу в поисках действенных заклинаний. Фаерволл решила она, вспоминая либийскую историю господина Варольда, его бегство от армии нагов. О, если бы у нее было столько сил, сколько у опытного магистра Пламенных Сфер! Мэги повернулась и, громко вскричав заклятие, взмахнула рукой, указывая дорогу огню. Стена жадного пламени встала посреди осыпи, преграждая путь преследователям. Эта уловка не остановила бы их надолго, но Астра могла выиграть еще сотню шагов.

Она бежала дальше, слыша, как сзади рождается странный, похожий на хриплый стон, звук. Тут же пришло ощущение близкой, несущейся следом угрозы. Астра обернулась, видя, как караки втягивают пламя раскрытыми ртами, словно скитальцы пустыни струйку воды. Другие чудовищные головы, насытившиеся огненной пищей, поднялись выше и вдруг выплюнули потоки пламени в мэги. Астра упала, откатилась за низкий выступ скалы. Огненные столбы яростно ревели вокруг.

— Айщелид, — мигом решила она. Остаться в укрытии было равно смерти. Мэги вскочила, раскрыв перед собой льдисто-голубую полусферу, принявшую с шипением удар пламени, и побежала к близкому уже portalу.

— Скорее, госпожа! — взвизгнул, выкатившись из-за камня Херик.

Он схватил ее за руку, и они вместе бросились в сияющий провал Двери.

— Здорово было, гаденыш! Весело — душа чуть выпрыгнула! — Астра прижала веса к себе, чмокнув между круглых свекольных глаз.

— По правде, я убежать хотел — слишком испугался, — признался Херик и лизнул ее шею. — Только не смог. Мне было лучше умереть, чем оставить такую милую, сладкую мэги. Теперь ты мне веришь, Астра?

— Почти. Но это не значит, что следующий раз у тебя получится провести меня. И не распускай свой язык! — в ответ на очередную попытку лизнуть ее чуть выше платья, расстегнувшегося на груди, мэги больно щелкнула Херика в нос. Потом вывернулась из мохнатых лап и устроилась на нем верхом.

— И ты не будешь больше требовать у меня свои пропавшие вещи? — не унимался он, вертя головой и довольно посапывая.

— Нет. Хотя твои уши, очень дразнят меня. Всякий раз, когда я вспоминаю, нашу первую прогулку, свой медальон и тяжеленький кошелек. Давай, вези домой, — скомандовала Астра, заметив, что вес замедлил полет в нерешительности перед многочисленными ходами красного чрева желтхата. — Сначала в Иальс на Варгиев рынок! — решила она.

Мысль об утраченных деньгах, таких нужных сейчас и, в противоположность, радостное, пьяное чувство освобождения из Каракона, в ее голове мигом превратились в новую рискованную затею.

— Госпожа, но зачем спешить так в вашу Гринвею, да еще в противный скучный Иальс? Давай отправимся в Аалир или чудный Гаер. Там такая зеленая травка, теплые моря и вкусные запахи. Я буду щекотать тебя, как прежде магистра Изольду, — вес истомлено выгнул спину, трогая кончиком хвоста ее развивавшиеся волосы.

— Даже не мечтай! К Варгиеву рынку, — завернув назад его уши, мэги схватилась за маленькие рожки, направляя непослушную голову к жерлу туннеля, которым они прилетели сюда.

Вес смирился, сжался тугим комом, и они стремительно понеслись вдоль изгибов многоцветного лабиринта.

Иальс возник из фиолетово-синеватых разводов тумана, заволакивавшего еще плотный пограничный слой. Башни с высокими шпилями, купола храмов по берегам Росны проплывали лениво в редяющей мгле междумирья.

— Ниже! — повелела Астра, отыскав, наконец, взглядом Варгиеву площадь, к вечеру снова пеструю и многолюдную. — Сюда, Херик! — мэги крепко держала его рожки, направляя полет к знакомой, полосатой палатке господина Бугета. — Смотри, шетенок, чтобы ни произошло, не пугайся и не вздумай сбежать. И... — она на минуту задумалась, — наше появление должно быть особо заметным. Представь, что я отрываю тебе уши!

Толпа, стоявшая до сих пор мирно у ограждения и наблюдавшая, как некий неудачник метает очередной дротик, стала свидетелем ужасающего явления: воздух на площадке стал вдруг густым, вспучился фиолетовым ярким пузырем, и оттуда выскочила наездница верхом на невиданном существе, лохматом, рогатом. Визжащем так, что из кого-то эль мигом попросился наружу, увлажняя штаны. Сам господин Бугет открыл в испуге рот, выдавил возмущено: — Питху навыворот! Епп-п-п! — и едва не сел на жаровню с дымящими углями.

Перевернув мишени и пустив изящный фаерболл в палатку, Астра в два прыжка

подлетела к Бугету.

— Милейший! — она уперла ноготь в его выпуклый живот и дерзко посмотрела в бледные, испуганные глаза. — Разве вы не желали страстно видеть меня утром?! Посылали за мной своих воришек и коротышку! Ах, вот и он! — Астра отпустила поклон в сторону выкатившегося из горячей палатки Кирима.

— Мэги п-п-п! — хозяин бесчестного аттракциона пытался сказать что-то вдохновенное и, несомненно, важное, но его челюсть жила своей жизнью, приплясывая в развеселом ритме.

Гном, отбежав от пылающей факелом палатки, воздал руки к небу и орал что-то мудреным архаэским матом. Два друга-вора придерживали его за плечи, бессильно взирая на объятый огнем скарб. Первый минутный испуг толпы прошел, и со всех сторон раздавались смешки, переходящие в хохот.

— Так вот, господин Бугет, — продолжила мэги, — подобным образом я буду посещать вас каждый день! А ночью навестить вас будет особо приятно! Счастливо вам и до новых встреч! — сдернув с его пояса кошелек, она отбежала к вессу. И, сотворив на прощанье лайт, оглушающее громыхнувший над головами, исчезла за Дверью Измерений.

— Здорово, Херик! — Астра обняла его за шею, потрясла звенящим кошельком.

За мутной дымкой пограничного слоя проплывали суетливые улицы Иальса, широкий мост Герма. Река в блеске заходящего солнца казалась празднично-красной.

— А ты обокрала его, как настоящий, уважающий себя весс! — Херик поморщился от смеха.

— Гаденьш! Я не обокрала, а всего лишь отобрала деньги, которые этот грязный боров ворует у доверчивых простаков! Понял? — она несильно щелкнула его в лоб.

В следующее мгновение они вылетели из портала и повалились на пол посреди комнаты Аниты.

Свечи почти догорели, растекшись по углам желтыми лужицами воска. Здесь прошло не менее двух часов, при том, что время за порогом Двери течет много быстрее. Кристалл отражался в зеркале, словно сгусток меркнувшего света. Подойдя ближе, мэги протянула к нему ладонь, вслушиваясь в пульс слабых токов эфира, и тут же подумала, что еще немного — и ее возвращение назад могло оказаться куда более тяжким. Энергия, которой питался кристалл, ограниченная тесным охранным кругом, почти иссякла, а это означало, что тончайшая ниточка, связывающая странника в чужих Сферах с родным миром, могла лопнуть в любой момент. Трудно предположить, чтобы случилось тогда.

— Госпожа, — весс, привстав, уткнулся носом ей в юбку, — Ты лучшая из всех известных мэги! Позволишь мне что-нибудь стащить у тебя?

— Стащить... Это все, — Астра кивнула на разбросанные возле шифоньера платья. — И это, и на столе — не мои вещи. Как-нибудь другой раз, милый Херик. А сейчас проваливай — кристалл уже без сил. И Голаф ждет под дверью.

— Жаль. А ты скоро вызовешь меня? — весс остановился, трогая лапой дымку пограничного слоя.

— Скоро. Обещаю, вессенок, — она подтолкнула его в воронку и, прочитав заклинание, запечатала портал.

Ожидая неприятных объяснений с Брисом, Астра неторопливо обернула кристалл куском шелка, развязала на юбке узел, где прятала трудную добычу с Каракона, и отворила дверь.

— Плохие вести, госпожа Пэй. Очень плохие. Я даже пожалел, что отказался принять у тебя пару монет на кружку эля. А ты, как я вижу, успела влезть в какое-то пекло, — Голаф хмуро оглядывал ее растрепанные волосы, царапины и густые следы сажи на платье и лице. — Выглядишь, будто ведьма после пляски с шетом в обнимку.

— Не могу похвастать, что обошлось все удачно, — Астра вернулась к столу и посмотрела на себя в зеркало, стирая темные полосы со щеки. — Ничего не смогла вытряхнуть с весса. Хуже того... — она замолчала, отложив бронзовую пластину с именной инкрустацией, и повернулась к столу спиной — о пропаже амулета рейнджера лучше было пока не говорить. — Так что случилось, Голаф? Узнал что-нибудь новое о Давпере?

— Узнал, что негодяй отплыл час назад из Иальса. Своими глазами видел его когг, на всех парусах уплывавший в море. Анита с ним, и мы не смогли сделать ничего! Уловка с письмом, надо признать, неумная моя затея, не сработала. Мы сами чудом выпутались из той передраги. А теперь Давпер ушел. Этого следовало ожидать. Мы перед ним не такая жирная наживка, чтобы он стал тратить время на глупые игры и сведение счетов, — рейнджер скинул плащ и развязал ленточку на голове, длинные темно-русые волосы беспорядочно упали на глаза и худые щеки. — Через три — четыре дня они будут возле Рохеса, зайдут ненадолго в порт Ланерии и оттуда — на проклятый богами Карбос. У этого злодея хороший корабль и один из лучших капитанов, знающий ветры и течения в Среднем море лучше, чем я — тайные тропы родной Франкии. А еще у него моя сестра!

— Не надо паники, Голаф. Я могу быть в Ланерии уже завтра. Да хоть сейчас, вызвав весса. Буду дожидаться там прибытия «Нага» и думать, как задержать их. Шет залим, я вообще сама с этим всем могу справиться! — макнув фартук в ушат, Астра обтерла лицо. — Послушай, не можешь принести воды. Нужно бы в порядок привести себя и здесь все.

— Я не об этом сейчас думаю, Астра Пэй. Уж совсем не об ушате воды. И не о том, что ты можешь своим волшебством перенестись на остров. Дело в том, что я не могу! Место на попутном корабле до Рохеса стоит двести сальдов. И то, если очень повезет с кораблем и его хозяином. Где мой серебряный амулет? — он отпил из кружки глоток травного настоя, устало опустил на табурет, скрипнувший сухо под его размякшим телом.

— Неприятность с ним вышла. Ты только не сердись так сразу... Когда я вызвала Херика, по не совсем понятным причинам появился... не Херик, — начала объяснять мэги. — А я думала... Ну два их получилось, вместо одного. Сам пойми, два это хуже чем один, когда оба весы, да еще такие шустрые и вороватые...

— Ну?

— В общем, украли твой амулет. Еще заколку розовую и платье какое-то старое. — Астра виновато развела руками. — Не уследила я за ними. Ну честное слово, Голаф! Они здесь такую суету устроили!

— Украли?! Ты совсем свихнулась или издеваешься надо мной?! — его зрачки блеснули и широко раскрылись. — Да в этом кусочке серебра была моя единственная надежда добраться Рохеса!

— Тише, Голаф. Вот смотри. Смотри, что я такое достала, — она протянула ему осколок шара, прихваченный на Краконе, ставший здесь отчего-то мутным и не таким привлекательным.

— Что за ерунда? — рейнджер неохотно взял мутно-синий стекловидный камешек, немного похожий на осколок изразца.

— Ты не понимаешь. Это кусок яйца карака — редчайшая штука. Говорю тебе, Голаф,

такого ни у кого нет. Подумай, великое яйцо карака! Это в тысячу раз лучше, чем твоя серебряная побрякушка, на которой, между прочим, заклятия совсем слабые были. Возьми, пожалуйста, себе. Дарю, взамен как бы, — она, улыбнувшись, сжала его пальцы на караконском трофее. — Я, между прочим, за него жизнью рисковала. Поэтому вся такая растрепанная. А хочешь, мы из него тоже амулет сделаем — отнесем в мастерские Герма.

— Благодарю, госпожа, я обойдусь без яйца карака, без ушей весса и даже без гринха мора. Себе оставь, — он небрежно отбросил подарок и жадно проглотил из кружки остаток питья. — Может, найдешь дурака, который визжать будет от восторга, слушая твои рассказы. А мне нужен мой амулет Тихого Слова. Я мог бы заложить его за сто пятьдесят сальдов! Уже договорился почти с Шорбом в соседней лавке. Еще пятьдесят я бы заработал за два дня в доках, а может за одну ночь на кладбище за Мельничьим холмом.

— Голаф, не ругайся, пожалуйста. Если дело только в деньгах, то вот, считай, — она взяла недавно отнятый кошелек Бугета и высыпала монеты на стол. — Считай! Здесь и тебе и мне хватит до Рохеса!

— Собачий хвост! — рейнджер с недоумением смотрел на щедрую горсть серебряных кругляшей по пять, десять, даже пятьдесят сальдов. — Откуда это у тебя? Госпожа Пэй, здесь за пол штара будет! Даже без мелочи. Госпожа Пэй! — он обнял ее и, подхватив как девчонку, посадил себе на колени. — Ты вернула свои сокровища?

— Нет. Всего лишь очередной визит к добрейшему Бугету, — с усмешкой ответила мэги. — Он даже не успел мне возразить.

— Ты снова обчистила отца варгиевой шайки? Рискуешь, моя дорогая. Слишком рискуешь. Я даже не знаю, стоит ли радоваться этим деньгам, — завидев каких-то людей в проулке, он повернулся к окну. — Определенно не стоит, — тут же заключил он и вскочил с табуретки.

Из-за желто-кирпичной ограды, примыкавшей к углу соседнего дома, появились трое в длинных темных плащах. За ними, прихрамывая от свежей раны в зад, опираясь на узловатую палку, следовал Кирил. Остановившись, гном оглядел дом напротив, задние двери пекарни и остов повозки, прислоненной к трухлявой стене сарая, махнул, сказав что-то мрачным спутникам, и уверенно направился к входу в квартиру Аниты.

— Да здесь и сам господин Бугет! Давай, Астра! Вылазь в то окно! — Брис подтолкнул ее к приоткрытым створкам со стороны садика Пипиты — ходу, которым он сам пользовался в момент нежданного визита пиратов. — Давай скорее!

— Сколько их, Голаф? Всего пятеро? Да не толкай ты меня! — она вывернулась из его рук и бросилась к двери. — Давай, запрем и завалим вход! Стол подвинем сюда!

Ступени уже скрипели под чьими-то торопливыми шагами. Астра не успела дотянуться до задвижки — дверь распахнулась, и на пороге появился Кирил.

— Госпожа, — он небрежно поклонился, сдернув с головы шерстяную шапочку, будто намеренно демонстрируя проплешину, обожженную еще при их первой встрече, — извиняюсь за невежливое появление. Господин Бугет очень желает поговорить с вами.

— Вот как? — мэги держала руки перед собой. Хороший фаерболл, настойчиво просившийся из пальцев, мог отшвырнуть гнома далеко на улицу, обратив его цветастый наряд в пепел.

— О чем желает он говорить? — спросил Голаф, поглаживая рукоять меча.

— Вероятно о деньгах, в которых уважаемая мэги испытывает частую нужду, — Кирил с издевкой усмехнулся. — Прошу, — он сошел на три ступеньки вниз, оглядываясь на

ожидавшего внизу хозяина хитрого аттракциона.

— Госпожа Астра, — Бугет, завидев ее на пороге, двинулся навстречу и остановился внизу лестницы, схватившись за качнувшиеся под тяжелой рукой перила. — Госпожа Астра, я здесь много думал. Думал... Виной всему, что между нами происходит, наверное, то, что вам нужны деньги. Так, да? — он обтер платком шею и, не дождавшись ответа, продолжил. — Конечно, нехорошо, когда мэги, такая молодая и способная, вынуждена жить в недостойной нужде. Но разве это должно быть поводом для войны между нами? Госпожа Астра, я — всеми уважаемый, почтенный гражданин Иальса, с немалыми заслугами перед городом, представьте себе.

— О да, все об этом знают! В муниципалитете вчера болтали... — вставил один из воров и тут же осекся под недовольным взглядом хозяина.

— И вы, — продолжил Бугет, — видимо, воспитанная строгой школой Магистрата, достойнейшая, мэги. Мэги с блестящим будущим... Разве нам подобает так недобро враждовать друг с другом? Я вам, госпожа Астра, пришел предложить мир. Прямо с этой минуты и от всей души, — он поднял к ней взгляд, и его глаза увлажнились.

— Пожалуйста, проще выражайтесь, милейший, — согнав жестом гнома, Астра опустила ближе к Бугету. — Вы пришли за кошельком или из желания быть уверенным в завтрашнем дне? Чтобы я вас не побеспокоила неожиданным визитом, как, например, сегодня? Так вот, если первое, то зря топтали башмаки. А над вторым я бы могла подумать.

— Смею вас убеждать, что мелочных мыслей в моей голове не было. Глядя на вас, любой здравомыслящий человек захочет думать только о согласии и добром отношении друг к другу. Даже более того, вот это, — он извлек из-под полы куртки кошелек плотного бархата с ярко-синей вышивкой. — Я бы хотел, чтобы этот вот скромный дар способствовал нашему примирению. Так сказать, помог вам скорее забыть обиды из наших прошлых недоразумений.

— Пожалуй, я приму это, — оглянувшись на Голафа, лицо которого вытянулось в крайнем недоумении, Астра с достоинством принцессы приняла кошелек. — Хорошо, господин Бугет, ваш дар весьма поспособствует добрым отношениям между нами. Я даже совсем уверена, что если мне снова возникнет нужда видеть вас, так не более чем по дружбе, бросить разок дротик в мишень и поболтать о последних рыночных сплетнях.

— Этому мы всегда рады будем, — Бугет даже покраснел от удовольствия. — К тому же, добрейшая госпожа, у нас с вами есть общий враг — бесчестные люди из братства Пери. Здесь сам Архор велит быть нам вместе. Доложу вам, не так давно Давпер Хивс отплыл куда-то на юг, но многие из его головорезов остались в городе и вряд ли их планы относительно вас безобидны. Так что, — он промокнул широкий лоб от пота и сошел с лестницы, — нужда возникнет, заходите или известите как.

Едва Бугет со своими людьми удалился, Астра вбежала в комнату и высыпала деньги из второго кошелька на стол.

— Голаф! Здесь тысячу сальдов!

— Вижу, моя принцесса, — он обнял ее. В последних лучах заходящего солнца волосы мэги казались огненными, в глазах светилось блаженство и торжество.

— Что ты такое сотворила с господином Бугетом? Признавайся! — Брис снова страстно прижал ее к себе, настойчиво и нежно приник с поцелуем. — Бедный толстяк. Наверное, это было очень могучее колдовство.

— Завтра мы найдем Свилга. Ну, помнишь? Который построил летающий корабль. Он

доставит нас к Рохесу раньше, чем туда доберется Давпер! — закрыв глаза, Астра откинула голову назад, чувствуя, как губы рейнджера ласкают ее шею.

* * *

Над свечами высоких тополей блестели звезды. Ярче, пленительнее других за ликом небесной Амфитриты сияла голубая Рая. Ночной ветер шевелил цветы в высокой вазе, приносил запах близкого моря и веял прохладой, только не было в его дыхании покоя, к которому магистр стал привыкать за последние годы. Покоя, который был почти незаметным, обыденным, как мягкое тепло бархатного балахона, укутывавшего его тело. Варольд постоял еще немного, подняв голову к небу, слушая звуки флейты, тянувшиеся тонко от близкой школы Сафо, потом он вернулся в дом и плотно закрыл двери на балкон.

Юная мэги, посещавшая сегодня, не покидала его мысли. Снова вспомнилось ее лицо, и следом стало тоскливо и пусто, наверное также, как в день, когда его покинула Арсия. Ушла, не сказав ни слова, потом написала письмо, след которого вел куда-то в далекий, холодный Анрас. Письмо странное и непонятное. Он сходил от него с ума и недоумевал, почему Арсия не может теперь быть вместе с ним. Через полгода от нее не стало никаких вестей. Никто и никогда не видел больше ее.

Магистр прошел в дальнюю комнату, устроился в кресле напротив большого хрустального шара. Пламя свечей лениво шевелилось в бронзовых зеркалах, золотистые змейки извивались по расписанным звездами стенам. Легкий дым курений помог чуть расслабиться, сосредоточить внимание в глубине призрачной сферы.

— Изольда, — прошептал он, складывая знаки Го в звуки ее имени. — Ты мне нужна, дорогая. Пожалуйста, отзовись. Пожалуйста, Изольда...

Она появилась сразу, будто ожидала его. Лицо, красивое и строгое возникло из бледной дымки. Длинные, разбросанные волнами пламени волосы, снова будто обожгли его сердце.

— Как ты красива, любовь моя, — произнес он беззвучно. — Все так же, после стольких лет.

— Спасибо, мой друг. С некоторых пор я ненавижу, когда мне говорят об этом мужчины... Старые и молодые... говорят слишком часто. Но только не ты, Варольд. Спасибо, — она улыбнулась, чуть вытянув к нему губы.

— Астра была у меня. Теперь почему-то тревога. И снова меня сдает память. О тебе, о моем либийском плене. И еще об Арсии. Спрашиваю себя: почему так Астра похожа на нее? Знаешь, о чем я подумал? Только не говори, что я выжил из ума, — он придвинулся ближе к шару и произнес тихо вслух: — Я подумал, что Астра ее дочь. Не говори, что этого не может быть, пожалуйста. Только расскажи мне, как она попала к тебе. Все, что сможешь вспомнить. И еще важное: откуда у нее бронзовое колечко с охранными рунами от змей?

— Друг мой, меня всегда удивляло твое сердце. Сердце, которое так легко тронуть. Сердце, голос которого всегда управлял рассудком. Может, поэтому я много сомневалась, нужно ли тебе встречаться с Астрой. Говоришь, похожа на Арсию... — Изольда сплела руки на затылке и задумалась, глядя на огонь в бронзовых чашах. — Варольд, несчастный и дорогой мне ты человек. Как же тебя легко задеть! Ну почему ты за неосторожным словом тебе мерещится история, похожая на любовь? Почему в крошечной, случайной искре в глазах ты видишь огонь? Я боялась и теперь еще больше боюсь, что ты снова потеряешь голову. Приезжай лучше ко мне. А, Варольд? Двор Лузины больше не держит на тебя зла. Да и сам

король Луацин убежден теперь, что ты не причастен к тому заговору. Просто приезжай насовсем.

— Изольда, признайся, ты не хочешь говорить, откуда она появилась? Я чувствую, что это не совсем простая история, — магистр Пламенных Сфер нахмурился, отношения с королем Олмии его интересовали меньше всего. Ведь в истории с заговором двадцатилетней давности не было ничего кроме лжи, а то, что сейчас Изольда избегала важного ему разговора, было дурным знаком. — Ведь так? — переспросил он.

— Хорошо, мэтр, я расскажу... — решила Изольда, синеватая дымка стала гуще и скрыла ее лицо. — Осенью, восемнадцать лет назад мне принесли ее крестьяне. Она была младенцем, дрожащая от утреннего холода, охрипшая от плача. Крестьяне сказали, что нашли ее у дороги в лесу, и что мне лучше навестить это место самой. Они были сильно напуганы чем-то. Отдав девочку служанке, я собралась и поехала туда, даже не представляя, что ждет меня на опушке у края леса. На обочине стояла повозка без лошадей — их, наверное, отвязали и увели те же крестьяне, а дальше на обожженной траве лежала женщина. Варольд, это было жуткое зрелище, даже для меня, видевшей ужасы Зарды и всей голорской войны. Ты знаешь, что бывает с человеком, которого сжигают «волной звезды»? Знаешь... Возможно, эта несчастная женщина, и была ее мать. Никто не скажет, кем была она, зачем и куда направлялась. Дальше у пригорка, я нашла еще два обгоревших до костей трупа. Целый день я разыскивала негодяев, совершивших это, но не нашла никого. Нет сомнений, что ту женщину и ее спутников убил опытный маг и последний злодей. Потом ходило много всяких неприятных слухов, ведь возле моего замка в местах безлюдных, тихих, такое происшествие представлялось очень странным. Злые языки говорили даже, что это я расправилась с одной из своих соперниц. Можешь такое представить?

— Такое — нет, — Варольд прикрыл глаза и потер ладонями ломившие болью виски. — Ты что-то не договариваешь, моя мэги. Пожалуйста, скажи все. Эта женщина могла быть... Арсией? Ведь я знаю... Изольда, я знаю немножко больше, чем ты думаешь. Ты боишься, что я могу заподозрить тебя, в чем ты в действительности не виновата. Я знаю, что Канахор повернул события так, чтобы меня обвинили в том заговоре против короля. Это мне сообщила Арсия в своем последнем письме. Я знаю, что ты никогда не держала на нее зла, за то, что она увела меня тогда. И что ты никогда не была на стороне Ордена Алой Звезды. Откуда у Астры это незаметное с виду бронзовое кольцо. Тебе в прошлом знакомо оно?

— Я нашла его возле той разграбленной повозки. Варольд... я никогда не думала об этом... Клянусь тебе! — она привстала сложив руки на груди в знак Чести, глаза ее широко раскрылись и заблестели, словно большие жемчужины. — Что это за кольцо?

— Оно принадлежало Канахору. Хотя его отец — аютанский фахиш, сам он, как и Арсия, родом из Анраса. Часто бывал в долине Змей и носил его по привычке, как амулет на шнурке. Теперь я знаю, что Канахор побывал на том месте, где была убита мать Астры.

— При чем здесь Канахор? Что ты хочешь сказать этим, Варольд?

— Пока ничего. Кроме того, что когда появляется этот человек, приходит беда. Так было прошлый раз. Сразу за его появлением исчезла Арсия. Пока я не знаю точно, бежала она с ним или, наоборот, от него. Теперь он снова пришел. Я встретил его, как старого приятеля. Ведь почти двадцать лет прошло. Только у него другая память — он требует у меня либийскую карту. Помнишь? Кому не хотелось бы найти Корону Иссеи? — он улыбнулся совсем печально. — Только сейчас это не важно ни тебе, ни мне. Я просто хочу, чтобы ты знала: если меня убьют, то виновата будет карта Хевреха. Но и это не важно... Я

хочу тебе сказать, что Арсия, когда так внезапно, необъяснимо покинула Иальс, была беременна. Это мне сказала старая Номара, служившая ей тогда.

— Варольд! Варольд!.. — Изольда вскочила, схватившись за тяжелую серебряную подставку. В шаре хрусталя не было видно уже ничего.

Где-то на востоке всходил красный глаз Маро.

Глава седьмая. Капризы Раи

Рисуя изломанные линии, Коралисс лениво водил веткой по песку. Холодные сероватые волны накатывали на каменистый берег, сползали, оставляя белые клочья на скальных зубцах. Скрип разбитых ворот поместья Керлока слышался даже здесь, и в мерном шуме моря был похож на страдание одинокой чайки. Волна снова плеснула на ноги амфитриона, размыв и изменив часть рисунка.

— Эриса Ясноокая! — он вскочил, вглядываясь в расплывающиеся линии — море говорило с ним, показывая знак Начала Пути. Кто-то тихо засмеялся за спиной, и в плечо его ударилось маленькое зеленое яблоко.

— Все играешь, Бирессиа? — спросил Коралисс, не отводя взгляда от изменившегося знака. Мысленно он молил морскую богиню продолжить таинственное письмо и сказать об Удаче, повторяя: «Эриса, скажи! Скажи, страдающему сыну твоему. Рена держит нити не былого, но ведь ты их плетешь. Прошу, скажи, для меня! Скажи для нас всех!».

— Почему бы и тебе не поиграть со мной, Коралисс? — из-за увитого бурными водорослями камня выглянула молодая амфитрита. Она держала в руке еще одно яблоко, сорванное в саду заброшенного поместья. — Сидишь в одиночестве, как важный краб. У тебя даже глаза покраснели от натуги.

Еще одна волна набежала, смыв рисунок и не оставив ничего, кроме таявшей быстро пены. Коралисс свел черные блестящие брови, маленький гребень на его спине ошетинился гибкими иглами.

— Коралисс! Хватит мучить милых богинь, поговори лучше со мной! Ведь ты знаешь, как мне надоело здешнее море, — Бирессиа зябко передернула плечами, и прядь волос сползла по гладкой коже, как щупальце, отсвечивая синевой в солнечных лучах. — Чужое море. Серое, холодное. И скалы... Они похожи на застывшую тоску. Стены того мертвого дома и то приятнее. Там есть хотя бы тайна, человеческие цветы, здесь же только пустота. И твои пустые ожидания. Разве ты не понимаешь?

— Это ты, Бирессиа не понимаешь. Не понимаешь, что во многом наша судьба здесь. Ты так же беспечна, как мой брат. Зачем ты вызвалась меня сопровождать? Разве для одних игр?

— Не надо так говорить, Коралисс, — амфитрита подошла ближе и приложила палец к его губам. — Я хотела, чтобы тебе было хорошо. Чтобы не было одиноко. И еще... ведь я люблю тебя. А ты стал совсем другим.

— Я такой же, как всегда. Только я тоже хочу. Хочу, чтобы всем было хорошо. Чтобы ни мои, ни твои дети, и никто более из нашего морского народа не был более пищей Аасфиру, — он поцеловал ее палец и, выронив ивовый пруттик, встал.

— Да, ты с детства думал обо всех нас. Я помню, зачем мы здесь, — Бирессиа смущенно оглянулась на выступы рифов, где, подставляя гибкие тела солнцу, плавали ее подруги. — Но зачем снова пытаться богов? Ведь мэги рано или поздно отправится туда. Уже не от нас зависит, чем закончится ее встреча с чудовищем. Не от нас, Коралисс. Просто смирись. Даже Эриса не властна над будущим — хитрая Рая и Звезды держат эти нити, а мы, как вода, можем лишь сердиться или радоваться случившемуся.

— Не совсем так, Бисс, — он положил руку на ее маленькое плечо и тоже повернулся к морю, любясь блеском утреннего солнца в волнах. — От того, что думаем и делаем мы, тоже зависит, каким будет узор из той пряжи. Я должен последовать за мэги Пэй — Эриса

дала мне знак.

— Ты врешь. Ты сам этого хочешь. Очень, очень хочешь! — в глазах Бирессии появились иглы страха, она тут же вспомнила знаки на воде, которые чертила вечером сама, проклятые знаки, сплетавшиеся в слова любви, будто два истомленных тела — Коралисса и земной девы. — Днем и ночью ты думаешь только о ней! Только она тебе нужна на этом берегу! Из-за нее мы здесь! Коралисс! — амфитрита прижалась к нему, глядя перепончатой ладонью его живот. — Поверь мне. Пожалуйста, поверь. Она занята одной собой. Она Леоса, нашего милого доброго Леоса, оставила умирать на камнях. Она не знает, что такое тепло и любовь. От нее всем достается только беда.

— Зря ты так, Бирессиа. Астра поможет нам. Ведь ты сама читала слова пророчества. Если хочешь играть, то пойдем, — амфитрион взял ее ладонь и потянул к морю.

— Нет уж, теперь мое время быть в печали. Веселись сам! — она вырвалась и, шлепая пятками по мокрому песку, отбежала в сторону. Опустившись, на камни, серые, будто акульки плавники, прижавшись подбородком к коленям, амфитрита смотрела вдаль. Где-то там далеко на юго-западе, было теплое море, коралловые сады и островки золотистого песка, здесь же — только холод, боль и обида.

Протяжная нота, извлеченная из раковины ихтионита, разнеслась над волнами, поднялась высоко и пошла озорным переливом, таким не похожим на песни морских людей, потом вдруг прервалась хрипом — музыкант снова настойчиво старался подчинить незнакомый инструмент.

— Леос, иди сюда, Леос! — повернувшись, позвала Бирессиа. — Ну, иди, я же знаю, где ты.

Бард сбежал по тропинке, петлявшей между скал. Заметив в его руках раковину ихтионита, Бирессиа снисходительно улыбнулась.

— Учишься играть? — она кивнула на извитой перламутровый панцирь. — Очень неплохо для человека, который пробует это только второй день. Садись-ка рядом со мной.

Он опустился на камни, бережно положив рядом непослушный инструмент. Под ребрами, там, где прежде сочилась кровью жуткая рана, кольнуло глубоко и заныло, но эта боль была вполне выносима, будто мутная память, пришедшая из другой жизни. Бард мог ходить, даже бегать, все еще удивляясь лекарскому волшебству амфитритов. Море плескалось у его ног, щекотно облизывая пятки, от солнечных отблесков, метавшихся в воде, день казался прекрасным.

— Сегодня покину вас. Только не сердись, Бирессиа, — Леос прислонился к ней, с блаженством ощущая ее прохладное гладкое тело. — Теперь я совсем здоров.словно родился снова. Знаю, знаю, что всем обязан тебе, — он обнял ее, задержав дыхание и взгляд на ее красивом лице с маленьким носом, по-детски пухлыми приоткрывшимися губами. — Я всегда буду помнить тебя. Как только увижу море, мне будут видаться твои глаза. Как услышу, журчание воды, мне будет чудиться твой ласковый голос. Цветы и небо мне будут напоминать о тебе всякий раз. И все песни, которые я сложу, — в них будешь ты.

— Я тоже буду вспоминать о тебе. Буду часто вспоминать твои слова. Только зачем ты уходишь? Не надо, — она взяла его ладонь, большую, теплую, как южное солнце, и положила себе на грудь. — Не уходи. Тебе будет хорошо со мной. Клянусь, бард, лучше, чем с любой из земных женщин.

— Мне нужно скорее в Иальс. Я бы ушел этой ночью, если бы не боялся, что ты обидишься.

— Зачем, Леос? Пыльный, грязный городок толпами злых людей. Зачем? — спросила она, уже зная ответ и чувствуя, как поднимается горькая волна обиды.

— Я хочу увидеть ее. Не могу больше ждать. Прости... — он отвел со лба амфитриты синеватую, мокрую прядь. — Милая Бирессиа, прости.

— Я же сказала, мэги не нужна твоя помощь. И ты ей не нужен. Воин с быстрым мечом спас ее в тот вечер. Но и он ей не нужен. Мэги Астре не нужен никто. Понимаешь? — амфитрита встряхнула его за плечо, глядя жалобно глядя зеленоватыми, прозрачными, как слезы глазами. — Прошу, забудь о ней. Представь, что ты умер и родился снова там, где ее больше нет. А пойдешь за ней — ничего не будет хорошего, кроме слез твоих и моих.

— Откуда ты знаешь? Откуда вы знаете столько о людях на берегу? — на какой-то миг ему показалось, что все ее слова — правда, самая ясная, нашептанная морской богиней, но от этого только еще сильнее захотелось бежать в Иальс, скорее отыскать Астру и... никто не знает, что будет потом.

— Откуда знаем?.. Вода знает. Она в тебе и во мне. В листьях на дереве, в этом камне и в небе каплями дождя. Она везде. Уходит и снова возвращается в море. Вода знает все, нужно только уметь слушать ее. А ты послушай меня, — она прижалась к нему и поцеловала его губы влажно и мягко. — Не ходи в Иальс. Хочешь, поплывем вместе на юг? Обнимем друг друга и поплывем к теплому морю. Я покажу тебе коралловый лес, прекрасные сады Эрисы. Покажу наши дворцы и великолепную Атрию.

— Я должен сначала пойти в Иальс, — упрямо сказал бард. — Должен. Может быть, позже вернусь, если действительно, как ты говоришь, она прогонит меня. Но сейчас я могу думать только о ней. Астра Пэй, — произнес он, будто пропел, вслушиваясь в звук ее имени.

— Ах... — амфитрита поднялась и отбросила раковину ихтионита ногой. — Хорошо же! Иди за своей Астрой Пэй. Но знай, бард, не будет тебе счастья и покоя. И то, что ты ищешь, уходя сейчас, ты тоже не получишь, глупый, смешной бард! Я же сказала — ей не нужен никто!

Она бросилась в воду, плеснув, как большая рыба. Леос смотрел на гибкие движения голубоватых рук и на темные волосы, плывущие в воде извиваясь, будто ленты водорослей, и ему отчего-то хотелось броситься следом, не думать о том, что так сильно тревожило, мучило вчера и сегодня.

— Может быть, зря я родился снова? — прошептал он. — Зачем мне самый сказочный мир без нее?! Без Астры Пэй — милой принцессы чудес...

Бард поднял раковину; увидев тонкую трещину, расколовшую перламутровую поверхность, печально качнул головой. Он встал и, сунув инструмент амфитритов за пояс, зашагал к Иальсу. По пути к городским стенам, показавшимся за пролеском, пальцы его скользили по разбитой раковине, и он улыбался, вспоминая рассказ мэги о песнях морских волн, которые она любила слушать в детстве. Иногда откуда-то из листвы мерещились влажные глаза Бирессии, следом слышались ее слова, и тогда сердце болело сильнее, чем кровавая рана от пиратского меча.

Тяжело груженная повозка, завалившаяся набок, перекрывала дорогу, и прохожие ругались, пробираясь обочиной, цепляясь одеждой о колючие кусты. Не отвечая на крики и тычки, возница-гном мрачно топорщил бороду, желтую, похожую на растрепанный веник.

Стражникам пришлось открывать вторую створку ворот, и громче всех поносить глупого гнома, устроившего им с утра такую неприятность. Сам господин Сирс казарменный

смотритель, вышел, кутаясь в серый плащ, крикнул сорванным хриплым голосом:

— Проходите! Сюда вот! И не спешите! Ради бога Праведного!

— И денежки готовьте, чтобы не было вам его Плети! Двадцать шилдов! Двадцать шилдов за вошедшее лицо! — подпевал ему страж с алебардой наперевес.

— А если морда или рожа? — хихикнул один из озорных гостей города, ныряя между колесом телеги и стеной. Крепкие руки воинов порядка тут же выдернули его за воротник.

Толпа тянулась к проходу, образовавшемуся справа от поломанного экипажа. Взвизгнула какая-то девица — видно, ущипнули в толкотне, а то и под юбкой пошарила нахальная лапа. Леос пробирался в давке, пристраиваясь ближе к начальнику гномьего каравана. Так и скользнул за ним в ворота, не уплатив положенной пошшины, и, не пугаясь обещанной Плети, затерялся быстро в неровных окраинных улочках Иальса — крики нахрапистых стражников сотрясали воздух уже не для него.

Бард шел к «Серебряному шлему», и в утренних лучах ему все мерещился рыжий отблеск на волосах мэги, а рука тянулась к хрупкой резной коробочке в кармане, подаренной Коралиссом, пальцы гладили теплую кость морского зверя. Розовая жемчужина, лежащая на комке сухих водорослей внутри коробочки, должна была понравиться Астре. Бард думал, как проденет витую нить сквозь жемчуг, наденет подвеску возлюбленной на шею; мечтал о теплых губах, которые влажно прикоснутся к его щеке, благодаря за подарок.

— Дорогу! До-о-рогу высокородной! — пронзительный мальчишечий голос прервал сладкие мечтания.

Мимо проплыл паланкин, цветы, плетеные из серебряной проволоки, позванивали в такт шагам полуголых носильщиков. Перья на балдахине покачивались, кисейные занавески развевались утренним ветерком. Подведенные мергийской краской бедно-голубые глаза, глянули на Леоса, и бард подмигнул озорно, целуя воздух. Занавески раздвинулись, и барда поманил тонкий палец. Солнечный луч сверкнул в прозрачном камне кольца.

— Кто это? — шепотом спросил Леос у иальсца, стоявшего рядом.

— Сама мэги Верда, — так же тихо отозвался тот и нервно вытер вспотевший лоб.

Бард шагнул вперед и согнулся в поклоне, раковина ихтионита выскользнула из-за пояса, покотившись под ноги носильщикам. Паланкин качнулся, замер.

— Это инструмент амфитритов? — спросила мэги, наклоняясь и рассматривая раковину. — Неужели ты умеешь на нем играть?

Ее голос показался перезвоном хрустальных капель, а светлые глаза напомнили о морских волнах, игравших на солнечной отмели. Сердце встрепенулось, и бард снова не мог понять, почему его столь глубоко трогают женщины, говорящие так. Их взгляд, движение губ, цвет волос, разбросанных по плечам или длинными локонами спадавшие на грудь — почему они все такие разные пьянят кровь и разом забирают и мысли и память.

— Да, моя принцесса, — бард быстро поднял раковину и выпрямился, разглядывая белокурую мэги. — Ваша пронизательность, также трогательна, как и красота. Наверное, все дело в синих глазах. А может магии? Ее столько в этом светлом лице, на губах, — он сделал еще один несмелый крошечный шаг. — Я вижу волшебные искры на ваших локонах.

— Дай мне этот инструмент. Если позволишь, только на время, — Верда коснулась раковины, потом его руки. — А как соскучишься, придешь и заберешь.

— И снова так же близко увижу вашу магию? — прошептал он, вкладывая в ее ладонь хрупкую безделушку.

— Увидишь еще ближе. Но об этом глупо говорить на улице, — она улыбнулась на

прощанье и скрылась за легкой занавеской.

Паланкин двинулся дальше.

Бард постоял еще немного, глядя в след мэги. Потихоньку мысли возвращались к Астре, и он зашагал к уже близкому «Серебряному шлему». Свернул за угол и прошел в открытую трактирную дверь. Завсегдатаи на мгновение притихли, вглядываясь в посетителя, но тут же разговоры возобновились, словно и не прерывались вовсе.

— Хозяин, эй, хозяин! — позвал Леос, и широкоплечий детина в фартуке, разрисованном пятнами, обернулся, приподнимая редкие брови.

— Почтеннейший, — кивнул ему бард. — Не остановилась ли у тебя мэги? Молодая такая совсем, черноволосая. Прекрасная, как роза волшебной Вергины. Мэги Астра Пэй.

— Парень, у меня тут трактир, видишь ли, — хохотнул тот, хлопая некрепко Леоса по плечу. — Девки все время ходят. Молодые и старые, черноволосые и блондинистые, человечьи, гномьи, и Рена знает какие. Разве ж упомнишь всех? А мэги они или так, девицы уличные, мне не докладывают.

— Да нет, Прол, — вмешалась в разговор подавальщица, отставляя поднос с чашами, полными эля. — Была тут такая. Недавно совсем была, пару дней, может как. Не одна была, а с ухаживателем. Он ей все песни пел, да нежные слова говорил. И комнату на ночь одну брали.

— Точно ли, девушка? — переспросил Леос подавальщицу. — Была ли та, о которой я спрашиваю? Глаза у нее светлые, как солнечный камень. И солнце рыжее лучиками в черных волосах. А лицо чистое-чистое, как у Раи.

— Ну, я бы так не сказала, — служанка отбросила растрепавшуюся рыжую косу. — Такая худоватая девица, в общем-то ничего особенного, — она внимательно посмотрела на Леоса. — Слушай, парень, да она ведь с тобой была! Вот теперь я точно вспомнила. Прол, помнишь, этот-то, — она игриво ткнула Леоса пальцем в живот так, что тот ахнул, — бард он, помнишь? А, Прол? Ты ж с них еще за комнату дешевле взял, потому как этот парень песни пел, что птичка в саду.

— Точно, — трактирщик кивнул. — А я тебя и не признал, парень. Тогда ты, кажись, с инструментом каким был. Да и сам весь повеселее выглядел. Мы о постояльцах обычно не рассказываем. Мало ли у кого какие дела, — он бросил недовольный взгляд на подавальщицу. — Только не было твоей мэги у нас больше. Как вы ушли, так она и не появлялась.

Леос качнул головой задумчиво и с досадой. Единственная возможность найти мэги теперь — это обратиться к магистру Варольду. И как примет его важный старик? Скорее всего, не выйдет из этого ничего путного, но попробовать требовалось, просто было необходимо. Он повернулся, собираясь уходить.

— Эй, бард, — зашептал ему в ухо оборванец, сидевший раньше за столиком в углу, прислушиваясь к разговору. — Красотка твоя шороху в Иальсе наделала. О ней на Варгиевом рынке говорят. Прямо на языках дырку скоро протрут, все чешут: мэги Астра Пэй, да мэги Астра Пэй.

— Это новость старая, как твои башмаки, — отмахнулся от нищего Леос.

— Как же старая, когда только вчера к вечеру она у господина Бугета была? — обиделся оборванец. — Прилетела на каком-то диковинном звере. Потом как заверещит! Спалила палатку, забрала кошелек господина Бугета, да улетела. Мигом! Что мы и удивиться как следует не успели.

— Врешь! — Леос ухватил нищего за рубашку, ветхая ткань тут же опасно затрещала, расплываясь под его руками. — Ну, врешь же!

— Эй, да тише ты! Не вру я. Сам видел. Пришел, понимаешь, на рынок заработать сальд-другой, а тут мэги твоя со своим зверем. Прямо с неба — шлеп! Свалилась и кинулась на Бугета, как кошка огненная. Так и не вышло ничего заработать, — оборванец вздохнул и высвободился, косо поглядывая на барда. — Сам сходи да и спроси у господина Бугета. Его ребята до полночи бегали, разбирались с этой твоей мэги. Ох и досталось ей, наверное, гринхов, по самую макушку! Господин Бугет обид не прощает, это всем известно. Хоть мэги, хоть гилена высокородная — найдет способ, как милость вернуть.

Леос отстранил лопочущего нищего и быстро направился к двери.

— Эй, парень, хоть пару шилдов дай. Выпью за твое здоровье! — крикнул тот вслед. — И за девицу твою выпью!

— Прости, сам без монеты, — пробормотал Леос и поднялся на улицу.

Он шел к Варгиеву рынку, почти не замечая ничего вокруг. Перед глазами стояла гномья ухмылка Кирима, и господин Бугет перебирал короткими толстыми пальцами завязки кошелька.

— Убьют ведь, наверняка убьют, — приговаривал бард, переставляя ноги к рыночной площади. Затянувшаяся рана на животе мучительно ныла, будто в ней опять поворачивал кто-то острое лезвие. Он налетел на девушку в узкой бархатной котте, пошел дальше, а девица осталась стоять посреди улицы, испуганно глядя вслед прохожему с таким бледным и страшным лицом, какое бывает только у живого трупа. Когда бард исчез за поворотом, она побежала домой, задыхаясь и торопясь рассказать, что опять мертвяки выходят из склепов, да теперь уже разгуливают по городу, не пугаясь ни света дня, ни жаркого взора богов.

* * *

— Давай вернемся, Голаф! — потребовала Астра, остановившись и потянув рейнджера за рукав. — Я не могла ошибиться. Вот как хочешь, но не дура я! И мне мерещится никак не может.

— Госпожа Пэй, если вам среди дня видятся на улице ожившие покойники, то как это называть? Не может здесь быть барда. Разве только его душа, — франкиец недовольно повернулся к рыночной площади, где скрылся в толчее возле овощных прилавков человек чем-то похожий на Леоса. — Ну, хочешь, давай вернемся, чтобы ты меня ни в чем потом не винила.

— Поздно уже, — сказала с крайним сожалением мэги, глядя, как знакомая до слез фигура затерялась в огромной беспокойной толпе. — Поздно. Нужно было догнать его сразу. Пошли, — больше не озираясь, она направилась к кварталу Анекора, где было малоллюдно и тихо. Впереди пышные каштаны бросали на мостовую тени, ухоженные имения окружали небольшие садики.

За мебельной лавкой в конце небольшого проулка собралось немного местного люда, в основном мальчишки и свободные от работы мастеровые, которые еще не наглазелись за прошлые дни на чудный летающий корабль. Народ этот был не буйный, не напирал, как случилось прошлый раз на стражников, карауливших у подступов к детищу великого Свилга — стражники, оставив у стены алебарды, заскучали, гоняли зловредных мух и перекидывались редкими словечками с послушными ротозеями.

— Красота-то какая, — выдохнула Астра, остановившись рядом с охранниками в тени, и любуясь кораблем.

«Песнь Раи», удерживаемая крепкими веревками, будто непокорная, величественная птица рвалась в небо. Слабый ветер, пробежавший по верхушкам деревьев, едва покачивал ее, играя трехцветными флажками на мачтах, поглаживая сложенные по бортам белые крылья. Позолоченная статуя богини гордо смотрела сверху, на застывших в тихом восторге людей.

— На ней полетим, Голаф, — прошептала Астра. — Очень на ней хочу!

Рейнджер хмуро наблюдал за несколькими гномами, суевившимися возле тяжелых ящиков под днищем корабля.

— Договориться сначала нужно, — ответил после недолгого молчания франкиец.

— Уважаемый, как нам видеть мастера Свилга? — мэги, намеренно звякнув кошельком, шагнула к старшему стражнику.

— А вон он, — воитель мотнул лохматой головой в сторону щуплого человечка, восседавшего на скамейке под смоквой. — Видьте. Отсюда только.

— А мне еще и поговорить нужно, железный, — Астра, вытащив из кошелька сальд, легонько провела им по носу стража, подбросила монету и направилась к хозяину воздушного корабля. Не дожидаясь пока переменится настроение старшего вояки, Голаф поспешил следом.

Свилг рассматривал какой-то рисунок на тонком куске кожи, расстеленном на коленях, иногда поправляя странного вида линзы, сцепленные проволокой, прикрывающие глаза.

— Мастер Свилг? — мэги обворожительно улынулась и чуть присела в реверансе. — Ваша слава заставляет весь Иальс восхищаться.

Мастер едва шевельнул рукой, приветствуя неожиданных посетителей, и тут же ухватился за свой рисунок, норовящий свернуться трубкой.

— Мы по делу к вам, мастер Свилг, — произнес рейнджер значительно. — Думаю, это будет небезвыгодно для вас. Довольно о больших деньгах речь и при этом совсем маленькой услуге.

— Да? — сухо уронил Свилг, подхватывая сползшие на нос линзы.

— Простите, почтеннейший, я — Астра Пэй. Мэги, полагаю, уже достаточно известная мэги. А это, — Астра сделала небрежный жест в сторону рейнджера, — мой нетерпеливый помощник — господин Голаф Брис.

— Вот как? Уже интереснее. А то сразу о деньгах, делах, — Свилг сдвинул линзы на нос, поглядывая на мэги и помаргивая бесцветными ресницами. «Наверное, эта высокородная дамочка сейчас станет просить покатасть ее на корабле, — думал он, — на корабле, движущемся в воздухе без магической силы. Будет удивляться, недоумевать, как эта громада может подниматься к облакам. Такие уже были... И покатаст бы, чтоб видеть, трепет и восхищение на ее лице. Только не время, и не до баловства сейчас».

— Вы правы, мастер, ну его — о деньгах. Я хочу поговорить с вами о хороших деньгах. Здесь, — Астра отвязала от пояса кошелек, украшенный именной вышивкой Бугета, и, сочно звякнув его содержимым, продолжила: — Здесь штар. Целый полноценный штар! Правда, недурная плата за мелочную услугу?

— И? — сузив глазки, Свилг обнажил длинные передние зубы — такая сумма действительно выглядела внушительно, тем более ему скоро предстояло держать ответ перед торговцами Эвериса, обязательства перед которыми выполнить никак не удавалось. За штар можно было попробовать купить свою безопасность еще на некоторое время.

— И... от вас всего-то романтическая прогулка до Рохеса, — мило произнесла мэги.

— Нет уж! Нет! И нет! — бледнея, он замахал руками. Какое-то мгновение мерещилось механику, что сам Бернат трясет бородой, выглядывая из-за широкой спины названного Голафом Брисом, и тут же подумалось, что этих людей мог подослать сам Хивс, решивший по-своему переиграть прежний, сомнительный договор. Да мало ли кем могли быть эти люди! Ясно одно, раз заговорили о Рохесе, то хорошего ждать от них не приходится.

— И не думайте! — резко сказал он, будто для твердости слов приклацнув зубами.

Рейнджер хотел что-то возразить, но, быстро поняв бесполезность всяких объяснений, заозирался на улочку, которая привела его сюда.

— Мастер почтеннейший, — Астра мигом распустила завязки на кошельке, показывая сверкающие монеты. — Ну, неужели дурно?! Все это — щедрая плата за проезд, — нежно пропела она, пересыпая звенящие кругляши.

Гномы, возившиеся возле ящиков, привстали, и даже ближние стражники, подпиравшие кованую ограду, весьма оживились, таращась то на ненормального механика, то на его гостей.

— Во всем Иальсе нет столько денег, чтобы заплатить мне за такую прогулку! Не смейте меня уговаривать, мэги! — лицо Свилга вдруг стало злым. В голове тупо стучали мысли. Гнать, гнать их, пришедших незваными. Кто знает, от кого они пожаловали. И мелочь это — штар! Штар — сушая чепуха в его положении. И госпожа эта приятная только с виду, наверняка — аппетитная приманка. А вот кто за ней стоит?! Братство Пери или Суд Архора? Может, Бернат каким-то путем выбрался из-под опеки Давпера и теперь с каким-нибудь влиятельным ланерийским гиленом в сговоре? Гнать!

— Ни за какие деньги, госпожа! — он туго скрутил кожу с чертежом и вскочил со скамейки.

— Но, мастер... — Астра недоуменно посмотрела на задержавшееся лицо Свилга и повернулась к молчавшему мрачно Голафу. — Всего-то до Рохеса, да за такую хорошую плату... Хотите, я еще двести сальдов накину?

— Убирайтесь! — закричал Свилг, потрясая тяжелым свитком. — Вон отсюда, не то стража вас вышвырнет! В тюрьме гнить будете!

— Не надо мне угрожать, механик, — приблизившись к нему еще, строго сказала Астра. — Лучше не надо. Иначе, знаете... этот корабль не послужит больше никому.

— Мы не нарушали порядка, мастер, — вступился Голаф, хватая свою разволновавшуюся спутницу за локоть. — Не украли у вас ничего, ничем не оскорбили. Невежливо как-то вы. А говорят еще, что жители Рохеса — образец учтивости.

Свилг замер, тяжело дыша. Очередное упоминание о южном острове прозвучало для него пощечиной. Ведь там-то не только Давпер знал, кто и как строил чудесный корабль. Были на Рохесе и другие злые языки, и слухи вполне могли доползти до Иальса.

— Я просто не хочу с вами говорить. Настроения нет, — произнес он чуть мягче, насколько позволял бушевавший в нем гнев и жуткое паническое волнение. — Уходите отсюда! По-хорошему уходите. Больше ко мне с этим вопросом не суйтесь!

— Как знаете, мастер, — Брис, не отпуская руки мэги, повернулся к прогулке, перегороженному насторожившимися стражами.

— Дурак вы, господин Свилг. И хам вдобавок, — сказала Астра, рывком освободившись от опеки франкийца. — Не по вам этот корабль. Надеюсь, что скоро он поломается или его кто-нибудь свистнет, предварительно набив вам морду. Пока, — гордо вскинув голову, она

пошла прочь от хозяина судна и, обернувшись, добавила. — Желаю вам неудачи!

— Дрянь! Ведьма навозная! — придя в себя, заорал Свилг.

Астра уже не слушала его, удаляясь быстрым шагом от площади, качавшегося на веревках судна и кордона муниципальных стражей, парившихся в железных кирасах.

— А у вас, госпожа, который раз убеждаюсь, воспитание тоже... скандальное несколько, — заметил франкиец, когда они свернули за угол мебельной лавки. — Меня-то зачем так принизила? Мол, помощник это мой. Вроде прислуга неотесанный.

— Ну что ты, Голаф, обиделся за пустяк такой? Так нужно было. Для представительности, — Астра остановилась возле клумбы фиолетовых ирисов и поманила франкийца пальцем, едва он приблизился, встала на цыпочки и поцеловала в щеку. — Не сердись.

— Как я теперь могу? От тебя, наверно, всякое смогу стерпеть, — он наклонился, вернул поцелуй ее губам.

— Идем в порт. Это вернее будет — если не сегодня, то завтра точно мы будем плыть к Рохесу, — оттолкнув несильно рейнджера, сказала мэги. — Через Варгиев рынок пойдём. Хочу Бугета навестить.

* * *

У палатки Бугета шла азартная игра. Почему-то, после разоблачения хитрости с магнетическим железом, народу здесь не стало меньше, а после вчерашнего появления мэги с восхитительным пожаром и всем приятным скандалом аттракцион Бугета обрел особую славу, да какой-то странный магический шарм — рыночный люд влекло сюда с неудержимой силой. Тощий зазывала уже не горланил свое: «Всего один сальд! Сальдик всего!», а заводил другую важную речь: «Нет никакого железа! Видите — нету!», демонстрируя иногда публике отсутствие подозрительных серых брусков, которые отныне были спрятаны под гладким слоем кожи. Толпа одобрительно гудела, и многие охотно становились в очередь, чтобы расстаться со жменей «сальдигов». Другие просто глазели на натянутое за ограждением полотно, где свежей краской было изображено лохматое чудище с восседавшей на нем растрепанной девицей нахально-веселого вида — глазели и ждали очередного дива. Сам господин Бугет стоял поодаль от всего этого шумного действия, улыбаясь и блаженно помахивая небольшим опахалом.

— Поговаривают, что тут мошенничество какое, — сказал широкоплечий мужчина, нервно крутя в руках хлыст погонщика. — А раз жульничают, так и не выиграть никогда.

— Да как же?! — воскликнул мальчишка, тершийся по соседству. — Вон на днях сама мэги Астра Пэй заклятие от жульничества наложила. Так что все чисто тут, господин! — он понизил голос, говоря заговорщицким шепотом и подмигивая округлившимся глазом. — Да она сама пятьсот сальдов выиграла. А то и поболее. Вот не вру, клянусь Реной Пресветлой! — мальчишка поднял руку, рисуя в воздухе звездный знак.

Наслушавшись подобных речей, Леос протиснулся к дальнему краю аттракциона, пролез под шнуры ограждения и, обойдя палатку, подскочил к Бугету.

— Тихо, — прошипел он, касаясь живота хозяина аттракциона кончиком кинжала. — Только звук, и я тебе кишки выпущу. Где мэги Астра!

— Вы ножичек-то уберите, господин... э-э... воришка, — сказал Бугет, вскоре признав похитителя кошелька, и махнул рукой Кириму, высунувшемуся из-за палатки. — Подумайте: как же я вам что смогу сказать, если вы мне кишки выпустите?

Леос растерялся. Он ожидал шума, диких воплей и, может, смертельной для него драки, но никак не такой безмятежной насмешки. Вдобавок гном расхохотался, глядя на его побелевшее лицо.

— Пойдемте в палатку, — Бугет отстранил нервно вздрагивающую руку, словно не замечая угрожавшему ему лезвия. — Там и поговорим смиренно.

— Шагай, — подтвердил Кирим, потянув барда за край рубахи, тот повиновался нырнув за полог в душный полумрак.

Геншеб сидел на сундуке у входа и только моргнул, увидев недавнего дружка мэги Пэй.

— Так где Астри? Я шутить не намерен, и я нервный очень, господа! — не убирая маленький кинжал он остановился между двух шестов, опасно поглядывая на отца Варгиевой шайки. — Говорят, она тут была, у вас.

— Была, — охотно согласился Бугет, а Кирим подтверждающе качнул опаленной бородой. — Была, но вчера еще. Не дергайся, бард, в мире мы теперь. В честнейшем мире. Мэги Астри — госпожа умная, прелестная госпожа, и с ней договориться можно. Кумекаешь головой своей? Вот поэтому и ты здравствуешь перед нами до сих пор.

— На, хлебни, — Геншеб протянул ковшик с теплым пузырившимся элем. — Говори о нас теперь хорошо. Ты же бард, вроде. Просто хорошо говори, — он подмигнул пьяным глазом. — Можешь песнями даже.

— Вы мне правду, пожалуйста. Всю правду поведайте, господин Бугет, — Леос пригубил напиток и посмотрел теперь на толстяка умоляюще. — Ну очень нужна она мне. А я для вас что хотите сделаю. Если надобно, могу и песни петь. И деньги ворованные отработать.

— Так дело в том, господин бард, что я не знаю, куда направилась мэги Пэй, — Бугет склонил голову, прикрывая глаза. — Не знаю. Началось вчера все с ее появления прямо из воздуха и огромного шума, о котором вы наверняка сам достаточно слышали. А закончилось все светлым миром между нами. Я ей даже денжат немного подал, как бы от чистого сердца и в знак благородства помыслов наших.

Бугет сложил руки на животе, выжидательно глядя на Леоса. Общаться с этим мальчишкой со всей любезностью у него желания особого не было, но и случайно вызвать недовольство взбалмошной мэги тоже не хотелось. Да и доволен он был сегодняшним днем, от всей души доволен. Никогда еще дела его не шли так хорошо: аттракцион штурмовали толпы народа, монеты сыпались звонким ручейком, и все вокруг были довольны. Бугет даже подумывал, а не попросить ли мэги еще разок явиться перед толпой на своем звере — ради такого не жалко было сжечь вторую палатку, не жалко и штара золотом.

— Попозже зайти. Глядишь, прояснится что, — посоветовал он попивавшему с робостью эль барду. — Мы, может, что придумаем. А пока никак. Так что ступай спокойно отсюда.

— Такие мэги, как твоя Астри Пэй, не докладываются о своих намерениях и местах прогулок, — пробормотал Геншеб, подталкивая Леоса к выходу из палатки. — Ты иди, парень, здесь ловить нечего. Если она появится, мы сообщим ей, что следует.

— Уж, пожалуйста, сделайте милость, — душевно попросил Леос. — Прощайте, господин Бугет.

Он поклонился и вышел.

— Как думаете, стоит передать мэги, что ее разыскивает этот бард? — задумчиво спросил Бугет, помахивая опахалом.

— Не знаю, что и сказать, — пожал плечами Геншеб. — Вроде как, у госпожи Астры были мягкие отношения с певуном. Может очень теплые отношения.

— Вот-вот, — усмехнулся Бугет. — Теперь у нее новый поклонник. Следовало бы предупредить. Но может так статься, что бард ей самой нужен.

— Прикажете найти мэги? — спохватился гном.

— Да уж. Пусть видит, что мы свое слово держим, и всегда рады ей услужить. Отыщи, расскажи все в точности.

От палатки Бугета Леос направился к центральному ряду. Настроение барда быстро и волшебным образом превращалось в благодушное. Во-первых, он остался жив, и не был даже избит до кровавых пузырей из носа и переломанных ребер, как то случилось под Гервой, когда он неосторожно спросил о здоровье госпожи Левиемы при человеке, оказавшемся почему-то ее мужем. Во-вторых, с Астрой к величайшему счастью не стряслось ничего дурного, и ему предстояло лишь разыскать ее в этом огромном, но много раз прекрасном городе. И, в-третьих, эль у господина Бугета оказался очень недурным.

Суэта и толкотня Варгиева рынка подхватили Леоса, понесли между рядами, сталкивая с другими такими же зеваками, пришедшими поглазеть, а, может, и купить что, если позволит толщина кошелька.

— А вот горшки кому? Кому горшки? — кричал длинноусый торговец, постукивая палочкой по глиняным горшкам. Посуда отзывалась звонкими нотами, и хозяйки, столпившиеся у навеса, рассматривали расписные плошки и кувшины. Напротив были расстелены яркие ковры, и аютанец озабоченно смахивал пыль с драгоценных изделий, следя, чтобы никакой прохожий не наступил на край дорожки, разукрашенный шелковыми кистями. Отовсюду слышались крики зазывал, расхваливающих свой товар, обещавших какие-то непонятные «смешные» цены или что-то полезное в придачу.

Бойкий рокот барабана, доносившийся с площадки, где расположились музыканты, заводил рыночный люд не хуже крепкого вина, и Леос разом поддался, устремившись туда. Протиснувшись сквозь толпу к сценке край которой скрывал раскрашенный ярко полог, он увидел Сифара, азартно перебиравшего струны, и Фрея. Тут же тонкая незнакомка выбежала из-за убранного пестрыми лентами занавеса и вскочила резво на барабан. Лютня Сифара зазвенела пронзительно, и девушка слитно ударила пятками по тугой коже. Рокот, волновавший собравшихся, возобновился с новой силой, подчиняясь каждому движению танцовщицы, а лютня и флейта вторили ему, подхватывая ускоряющийся ритм. Девушка кружилась на барабане, ударяя пятками, вытанцовывая, изгибаясь, разворачивая тонкий шелк. Ткань взлетала и опадала, скрывая и тут же обнажая ее подвижное тело. Зрители хлопали, подбадривая танцовщицу возгласами шутливыми и не слишком пристойными. На сценку и в барабан летели монеты, отскакивая от него с тусклым шлепком меди и редким звоном серебра. А дева кружилась все быстрее, быстрее, и цветастый шелк казался вихрем радуги. Вот уже был сброшен последний шелковый шарф, и девушка осталась в коротеньком платье, едва прикрывающем колени. Она подняла руки вверх, обессилено уронила их, и опустила, склоняя голову. Протяжный гул наполнил воздух, и толпа взорвалась аплодисментами и криками восхищения. Зрители требовали повторения танца, и монеты

посыпались вновь, стуча о натянутую кожу барабана подобно каплям дождя.

— Сифар! — окликнул бард знакомого музыканта и радуясь его успеху и такому огромному заработку. — Эй, Сифар!

Он подпрыгнул и взмахнул руками, силясь привлечь внимание, но Сифар не обернулся, занятый сбором монет, раскатившихся по холсту. Леос начал нетерпеливо проталкиваться в первый ряд.

— Куда прешься? — коротышка в кожаном жилете, с бронзовыми клепками, резко толкнул барда в бок. Правый глаз его, под которым извивался алый татуированный дракон, нервно подергивался. Длинные черные волосы, связанные в хвост, разметались по плечам. Если бы не малый рост, он был бы похож на жителя Архаэских гор, известных своей неумной вспыльчивостью и воинственностью, из-за чего в последней войне их выбили мало не подчистую.

— Епть! Идиот еще! — выругался Леос и резвее двинулся дальше. — Уважаемые ротозеи, пропустите же соловья вашего!

— Я тебе мигом перья выдерну, воробей драный! — незнакомец вцепился в его рубаху и рванул ее с треском.

— Да вы что, на милейший? — Леос, отталкивая напиравших справа, вырвался из толчеи и посмотрел на неожиданного противника. — Места мало? Понимаю, ума недостаток... Ах ты морда! — шутя и несомненно ласково он прихлопнул черноволосого задиру по щеке.

Лицо того исказилось, и алый дракон почти растворился в яростной красноте, поступившей от горла и залившей щеки. Пальцы его зашарили по поясу, нащупывая рукоять старенького, и не раз испытанного ножа.

— Я морда?! — взревел он, коротко размахиваясь. Крепкий кулак врезался в живот барда со смачным хлопком.

Леос прикусил кончик языка и согнулся от боли, а человек уже тащил из-за пояса нож. Бард прыгнул в сторону, стараясь увернуться от удара, и налетел на толстуху с корзиной. Жесткие прутья впились в бок, а черноволосый наступал, угрожающе выставив нож. Скрывая белки, в глазах его разлилась чернота. Пресветлая Рая! — испуганно подумал бард. — Да он одержимый! Конечно идиот! Идиот конченный!

— На помощь! Стража! — заорала потерпевшая толстуха.

Леос выхватил кинжал и крепко сжал костяную рукоять.

— Может миром, а? Разойдемся? — предложил он, проворно вскочив на ноги.

— Разойдется тело с душонкой твоей! Против меня прешь, щегол?! Да?! — одержимый дернул ворот рубахи, обнажая смолянисто-черную поросль на груди, и перехватив ловко нож, двинулся на барда.

— Э! Э! Не морда у вас! Лицо, конечно, лицо! — мигом изменил начальное суждение Леос. Пятясь, отступая в растекающуюся в стороны толпу, он метался взглядом между блестящим острием клинка и побагровевшей татуированной физиономией. — На милейшее личико! Епть твою харю об бульжник!

— Подойди и дерись как мужчина! — призвал оскорбленный волосатик. Неожиданно он подскочил длинным прыжком к барду и едва не вспорол ему левый бок. Ринулся снова. Лишь яблоко, хрустнувшее под его каблуком, спасло поэта от обещанной участи. Тут же его кто-то толкнул сзади, со всех сторон сыпались издевательские смешки.

— Песья ты морда! — вскричал Леос, сам уже разозлившись до желчного блеска в

глазах. Отступил, извернулся и полосонул кинжалом по животу одуревшего противника.

Тот охнул и остановился.

— Меня?! Щегол! Ты порезал меня — Каррида Рэбба! — согнувшись и разведя мускулистые руки, он изумленно смотрел на пятно крови, расплывающееся по низу рубахи. — Вы посмотрите! Он сумел меня!

— Стража! — снова судорожно заорала баба, тряся посохом над головой.

— Стража! — подтвердил кто-то со ступенек сцены, и действительно, звякая стальными нагрудниками, по проходу неслись вприпрыжку четверо хранителей порядка.

Оглянувшись, Леос тоже увидел верхушки шлемов над головами толпы и, не убирая кинжал, покосился на Каррида Рэбба.

— Все, хватит дурить! Текай, мордатый. Клянусь, шалости с их алебардами совсем неприятны! — бросил он своему полуумному противнику.

— Сам текай! Порхай пернатый! А Каррид Рэбб не убегает ни от кого! Ха! Каррид Рэбб! — выпятив челюсть, он повернулся и увидел, как толпа отхлынула, пропуская алебардчиков. — О, Балд Повелитель, но Каррид Рэбб очень не любит стражей! — воскликнул он и, подпрыгнув на месте, бросился по проходу, еще запруженному толпой любопытных.

Леос рванулся следом. Народ расступался перед ними и подзадоривал то беглецов, то проявивших неожиданную прыть стражей. С двух сторон воздух сотрясали вопли восторга и прекрасный разноязыкий мат. Кто-то, метнув вслед смутьянам небольшую тыкву, разразился диким хохотом. Хохот стал громовым,

когда один из стражей поскользнулся на ней и загромыхал, полируя ржавую броню о брусчатку. Смелчаки или люд совсем безголовый наивно полагали задержать нарушителей рыночного порядка и перегородили проход тележкой, только Каррид сие препятствие сразу не заметил, и нечаянно опрокинув его вместе с горшками, побежал дальше.

— Остановитесь, сукины дети! — визжал сержант, схватив в руку спадавший шлем. — Стоя-ять!.. — дальше его голос превратился в храп загнанной лошади. Когда они вырвались с рыночной площади, наряд алебардчиков отстал шагов на двести и почти потерялся в толчее у ворот, но тут возникла новая неприятность: со стороны товарного двора неслись еще пятеро гвардейцев муниципалитета.

— Сюда, волосатый, — Леос рванул спутника за рукав, и они побежали по улице к Росне. Ниже начинался квартал старых домов и мелких мастерских — там легче было спрятаться от полных служебного рвения вояк в лиловых плащах.

Свернув на кривую улочку, а потом еще за угол, бард вывел своего недруга в какой-то темный, заваленный поломанными бочками переулочек, и там они нырнули в ближайшую подворотню. Большая лохматая псина, завидев непрошенных гостей, оскалилась и немилостиво зарычала.

— Гав! — ответил ей Каррид, обнажив зубы свои и став едва ли не на четвереньки — псина, поджав хвост и взвизгнув, скрылась в щербатом проломе забора.

— Тсс, уважаемый! — прислушиваясь к топоту кованых сапог, Леос пригрозил изогнутым пальцем.

Скоро звуки погони затихли где-то близ набережной.

— Слушай, а кто ты такой? — глядя на Леоса, Рэбб прищурился, и дракон под его правым глазом стал похож на безобразного червяка. — Ты знаешь, что на тебе кровь самого сына Балда? — он оторвал от живота липкую от красной жижицы руку. — Кто ж ты такой?

— Я — принц изящных звонких слов. Сердечный соловей я. Но в драке — лег неустрашимый. А ты, мордатый? Откуда ты такой взялся? — бард с незлой усмешкой разглядывал низкорослого крепыша со странным, не гномьим и будто не человеческим лицом. Густоволосая грудь, выпиравшая из-под разорванной до половины рубахи, делала его похожим на огромную аютанскую обезьяну. — Архаэсский полутном — вряд ли.

— Я сын Балда, пернатый. Вообще-то я сам не знаю, кто я. Мать моя с Анраса родом. Хотя говорят, что бабка вышла с Тювских гор, и были в ее родне сами зубатые морки, — расстегнув ремень и задрав рубашку, он оглядел неглубокий порез. — Морки... вот поэтому я такой злой. Понял?

— О, да! Что ты бешеный, видно за сто шагов. Интереснейшие корни у твоей родни.

— Это еще не все. Мать моя — анрасская ведьма. Но вот кто отец, она сама определить затруднялась.

— Но ты же сказал, что ты — сын Балда, — рассмеялся Леос.

— А ты дурень бледноглазый. Балд — бог единовластный и я Его духовный сын. А вот по крови чей — вопрос очень мутный, как и все вопросы родства. Говорят, что мать мою сам Шет, частенько посещать любил. Ну нравилась она ему! Черно-рыжий, лохматый и необузданный не только в любви. Поэтому я такой отважный, дерзкий в любой склоке. Разумеешь?

Леос кивнул с почти серьезным лицом, подумав, что мать анрасца действительно была выдающейся женщиной.

— Но кроме шета, у нее много всяких еще было. Так много, что никто не знает, сколько и каких. Поэтому, я могу быть тоже очень разным. Но, прежде всего, я сын Балда. И странствую я тут по вашему безграмотному миру, чтобы нести великое Его Слово. Хочешь услышать Его Слово? — вздернув кустистую бровь, спросил он барда.

— От рождения мечтаю. Но лучше не сейчас.

— Тогда пошли выпьем. Нравишься ты мне, щегол, — Каррид шлепнул его дружески по плечу и направился к проходу на улочку. — Сразу понравился. С того момента, как ты мне на ногу наступил. А я еще с утра искал с кем выпить. Стоял возле храма Герма и искал. Жреца проходящего пытался принудить, даже ножик пришлось вытащить, но святоша сбежал — шакал плешивый. Сбежал, а денежки свои великодушно оставил. Гляди-ка, — анрасец дернул шнурок сзади на ремне и показал увесистый замшевый кошель. — Так что идем, друг. Во славу Балда и за наше святейшее знакомство. Идем! Чую я, что мы с тобой очень много полезных дел натворим.

— С радостью, божий сын, — согласился Леос. — Сердце мое околдованное с утра просит. Пойдем-ка в сторону порта.

* * *

После полудня Астра с Голафом долго бродили в порту. Отыскать корабль, отплывавший к Рохесу сегодня, им так и не удалось. Несколько суденышек по свидетельству грузчиков и другого, посвященного в разные портовые события люда, уже отправились к острову, и это случилось еще утром. Позже, около Часа Раковины молодой шкипер, бывший родом из Ланерии, сообщил, что завтра к Рохесу должна выйти «Фарилия» — небольшой

торговый неф и любезно подсказал, как разыскать господина Брефта, бывшего недавним владельцем судна. Голаф отправился к указанной торговой конторе, а мэги Пэй, утомившись долгим хождением и не спадавшей жарой, решила подождать его под соломенным навесом припортового трактирчика. Взяла себе порцию прохладного локи и присела на лавке, дальше от нешумно кутившей компании.

— Одна сидишь? — чернявый и длинноволосый крепыш низенького роста, сжимая кружку, подошел к ней. — Девонька, одета ты хорошо. А деньги у тебя есть?

— Нету. Заработать пришла, — мэги кисленько улыбнулась.

— Не брешь только. Я видел твой богатый кошель, — нахмурившись, он опустил рядом, чуть расплескав по коленям шипевший эль. — Слушай, а давай его пополам разделим?

— Не могу, красавчик. Мне сальдики эти нужны. Так нужны, что я за них любому волосы выдеру вместе с головой. Давай лучше пополам твою безрукавку? Или глазики твои, которые так много лишнего видят? — с издевкой ответила Астра, шевельнув покрасневшими пальцами.

— Дерзишь, девчоночка. Смелая сильно. Я люблю смелых. Что ты не дурочка тряпичная, я еще с улицы приметил. Давай познакомимся: вот я — сын Балда самого, — произнес он значительно, выпятив крепкую нижнюю челюсть. — Запомни: Каррид Рэбб меня мать назвала.

— Да-а? Сам сын Балда! Очень забавно. А я — Рая Небесная, — мэги изящным жестом повернула руку ладонью вверх. — Можешь просто называть меня — Светлейшая.

— Могу, — с готовностью согласился анрасец и отпил эля, чуть не поперхнувшись пеной. — У меня друг есть. Так он ищет точно такую, как ты. С утра или еще раньше сердце его этим озаботилось. Да... он бедолага места себе не находит. Побежал он к знакомым мастеровым по мелкому делу, вроде побрякушку для нее соорудить. Должен скоро сюда подойти. Давай его вместе подождем?

— Давай, Каррид. И у меня есть друг. Представь себе, с ним такая же точно беда приключилась, — чуть наклонившись к его уху, доверительно проговорила Астра, — он тоже весь по мне страдает и тоже скоро должен сюда подойти. Всем нам будет очень приятно, если они здесь лбами встретятся.

— Истинно! Чувствую, тобой говорит мудрость бога Единого! — восхитился Каррид, шумно отпил из кружки и продолжил: — Ведь этих двух мучеников гонит одно и то же — сердечная любовь. А она, говорят, ум вышибает покрепче бочонка пьяного эля. Иногда так вышибает, что головы совсем не остается. Я в силу своей огромной мудрости много интересовался этим вопросом. Думал, как правильнее приложить его к жизни. Эй, девчонка! — он замахал рукой подавальщице, появившейся из-за завешанной пологом двери. — Ну-ка кружечку мне еще! И Рае Светлейшей посуду освежи!

— И что же? — поинтересовалась Астра, отставляя полупустую кружку. — Та огромная мудрость пошла тебе навстречу?

— Даже побежала. Балд ее мне нашептал. Вот так он говорил: твори вокруг себя так, чтоб тебя любили, а когда полюбят, то направь их любовь себе на благо, ибо, приятное тебе угодно и Ему Единому! — в подтверждение великих слов, Каррид встряхнул тяжелым кулаком. — Верь, Светлейшая, в мудрость Балда и многое из запретного пустым людям, станет открыто для тебя. Особо, когда ты творишь дела во славу Его.

— Пожалуй, я так и сделаю, — сказала Астра. — Нравится мне это. Жаль только,

господин Рэбб, что нам расстаться пора. Вон мой безголовый появился, — она встала, поглядывая на идущего от пристани рейнджера. — Мудрость твою забираю с собой. Пока, — мэги прихлопнула анрасца по плечу и направилась навстречу к Брису.

— И жаль, что мы второго безголового не дождались, — крикнул ей вслед Каррид Рэбб. — Он бы о тебе точно стихи запел.

Как оказалось, Голаф навещал торговую контору не зря: господин Брефт действительно отправлял корабль к Рохесу и, будучи по природе человеком не жадным, он пообещал свою собственную каюту сдать всего за три сотни сальдов. Вернувшись к хозяину «Фарилии» с платой, рейнджер и мэги поговорили с ним о всяких пустяках, о ветрах в этот сезон, пиратах и нравах Ланерии, потом с удовлетворением осмотрели готовый к отплытию неф и заспешили по магазинам, прикупить полезные в дороге вещи.

Уже поздно вечером Астра зашла попрощаться с магистром Варольдом.

Глава восьмая. Грезы ветра, волн и песка

Из гавани Иальса «Фарилия» вышла ранним утром. На припортовых улицах еще лежали тени, похожие на густые мазки ночи. Крыши домов и башни темными силуэтами чеканились в небе, бледном над головой и теплом на востоке.

Астра стояла на палубе у кормы, глядя на тающий в жемчужной дымке город. Где-то там, за изгибом храмовых холмов, остался господин Варольд Кроун, один из немногих в Иальсе, о ком она будет думать очень часто, перебирая вещицы в дорожном сундуке или вспоминая странное прощание с ним. Думать о последних словах магистра, в которых казалось столько непонятного, трогательного, слишком много недосказанного. Она пообещала ему скоро вернуться, сама не понимая, зачем и почему обещала то, что, возможно, не сумеет выполнить, обещала будто от того, что хитрая богиня, став за спиной, тянула из нее эти важные и отчего-то горькие слова.

За мысом с шестигранным колоссом маяка, темно возвышавшимся на горе, их двухмачтовый неф взял к юго-западу. Паруса поймали ветер, такелаж закрипел пьяно, и судно пошло быстрее, качаясь, набегая на крашенные рассветом волны. Астра долго провожала взглядом ломаную полоску скал с темным крошечным зубом заброшенной усадьбы — домом мертвого и живого Керлока. Где-то там внизу нашел внезапную, такую несправедливую смерть Леос. В плеске воды мэги чудился его голос, первые лучи солнца, золотившие чаек и курчавые облака, были его волосами, сверху беспокойной синевой смотрели его глаза.

— Эгей, амфитриты! — крикнул долговязый матрос, повиснув на вантах.

— Бредишь, Гарло? — капитан Паркил поднял лысоватую голову и шагнул к фальшборту.

— Ерша мне в зад, прямо по курсу, чуть к отмели!

— Точно, кэп. И я вижу, — подтвердил боцман. — К добру или худу здесь такое, но вон, плещутся. Три девки и парень, вроде.

— Покажите где, — Астра подбежала к носу и, схватившись за канат, остановилась рядом с капитаном.

Паркил молча указал на гибкие зеленоватые тела, скользившие в полулиге. «Фарилия» быстро нагоняла морских людей, было уже видны невысокие гребни на их спинах и пенящие воду перепончатые ноги.

— Скажу вам, госпожа, в этих водах амфитрит на моей памяти не водилось, — заметил боцман. — И вряд ли кто, кроме меня, такое вспомнит. Далеко к юго-западу, возле Мергии, они часто шалят. Хуже хмельных портовых девок бывают. Иногда подплывают к Рохесу. Но здесь...

— Знаю, их родина где-то в Океане, на островах, оставшихся от погибшей Атрии. Говорят, когда-то мы были одним племенем, но потом они выбрали свободное море и волшебство воды, нашим предкам милее стала твердая суша, — Астра наклонилась над бортом, разглядывая двух амфитрит, плывущих навстречу кораблю.

— Господин Паркил, может поймать одну? — предложил молоденький матрос, хватая край сети. — Для потехи — потом отпустим.

— Дурной ты, Шкот. Истинно дурной! — ответил за капитана боцман. — Кто их трогает, с ними потом уходит или всю жизнь беду ложкой хлебает, горькую, как море.

— По местам ступайте! Время ставить фок, — приказал Паркил и, потеряв интерес к амфитритам, пошел на корму.

— Ничего подобного не видел, хотя плавал на запад от Вильса, — произнес Голаф, остановившись рядом с Астрой. — Дважды плавал.

Она не видела, когда рейнджер появился на палубе, и вздрогнула от его прикосновения.

— Два раза, надо же! Вероятно на дырявой лодке. Господин Брис, вы — настоящая акула моря, — дразня насмешкой, мэги повернулась к нему в пол-оборота.

— Астра Пэй, — послышался звенящий как ручей голос. Одна из амфитрит вынырнула рядом с крутым бортом нефа. На ее бледном красивом лице, прикрытом длинными мокрыми прядями, отразилась улыбка холодной воды. — Леос мой, бессердечная мэги. Ты бросила его. Не вернулась даже на берег, посмотреть, жив ли он.

— Что ты такое говоришь?! — вцепившись в канат, Астра отчаянно свесилась над бортом.

— Конечно, у тебя впереди на юге важные дела. Ты сама очень важная мэги. Ты бросила барда, а я лечила поцелуями его раны. Я подарила ему новые песни, — морская дева поплыла быстрее, извиваясь всем телом, но не успевая уже за кораблем. — Он еще вернется ко мне!

— Это еще вопрос. Не слушай ее, мэги, — другая амфитрита, рассмеявшись, обдала подругу фонтаном брызг. — Никто не знает, куда он направиться теперь. Но мы поможем барду. Мы все любим его. Прощай, Астра Пэй. Кое-кто ждет тебя на Рохесе и... — она говорила что-то еще, но слова ее уже нельзя было разобрать.

— Голаф!.. — грудь Астры высоко вздымалась, лицо покраснело от прилившей крови или встававшего на горизонте солнца. — Ведь я чувствовала, что он жив! Ну чувствовала же я!

— Но откуда им знать? — отбросив край плаща, рейнджер упер ногу в фальшборт и поглядывал на удалявшиеся фигурки морских дев, резвившихся по-детски за кормой. — Странно как-то... И откуда они знают тебя?

— Их ментальное восприятие развито намного сильнее, чем у нас. Сильнее, чем у магов Творящего Слова. Они умеют читать мысли и знают о нашей жизни такое, что зачастую неведомо нам самим. Если Леос жив... О, боги! — воскликнула она. — Ты понимаешь, как это здорово! Ведь мы видели все же его у Варгиевой площади! Это был он — я не могла ошибиться! И он, конечно, ищет меня! Голаф, знаешь, сколько я молила прощения у Рены?! Ведь это я была бы виновна в его смерти!

— Глупости, я уже говорил тебе: мы не можем отвечать за изломы чужой судьбы. Это выглядело бы слишком самонадеянным, — хмуро ответил Брис.

Теплый ветер туго полнил паруса. Огибая белую полосу рифов, «Фарилия» стремилась на юго-запад. Уже к полудню они прошли Неары, где, из слов Паркила, было теперь беспокойно: со смертью наместника нестойкий порядок там исчез, и многие промышляли в прибрежных водах разбоем. Маленькие суденышки с косыми парусами курсировали между встававших из моря скал, и угадать намерение той или иной флотилии, зарабатывавшей не только мирным рыболовством, было невозможно. Весь участок опасного пути Астра стояла на палубе, не отходя от капитана. Ей стоило немало сил уговорить его не сворачивать на запад от мятежных островов. Такой широкий крюк означал бы лишние полдня плавания — роскошь неприемлемую, учитывая, что они вышли в море много позже Давпера, и тяжелая «Фарилия» вряд ли могла соревноваться в скорости с остроносим «Нагом». В случае атаки

неарских лодок или небольших галер, дрейфовавших у входа в гавань, мэги обещала преподать памятный урок корсарам, и даже, ободряя команду «Фарилии», продемонстрировала мощный, грозно шипящий в воде фаерболл. Но она сама понимала, что магической силы хватит не более чем на пять-шесть эффектных заклинаний, а полсотни отчаянных головорезов, бросившихся на abordаж, подкрепивших свой порыв стрелами, без труда возьмут беззащитный неф. Рейнджер не хуже понимал это и, сидя на перевернутой бочке под фоком, тихо поругивал рискованную затею госпожи Пэй. Однако все обошлось благополучно. К часу Лилии они миновали цепь беспокойных островов, обошли рифы, седые, в кружевах кипящей пены, а дальше уже простиралось бескрайнее море, слепящее горячим солнцем, с редкими пятнышками парусов вдали.

Утомившись от жары, Астри и Голаф вернулись в каюту, предоставленную им перед отплытием господином Брефтом — помещение по корабельным меркам довольно большое, занимавшую всю правую часть юта. Мохнатая шкура серого кардорского медведя, лежавшая на полу, создавала уют, почти домашний, мягкий и покойный. Возле стола с письменными принадлежностями стоял удобный диван, обитый коричневым плюшем, напротив — резной шкаф с посудой, несколькими книгами и всякой полезной в пути утварью.

Бронзовый колокольчик клепсидры обозначил час Флейты. Астри слышала, как к борту нефа причалила лодка. Паркил передал ящики со штучным грузом и почту, наставляя посыльных по назначению каких-то важных писем. В гавани маленькой Каменты корабль задержался недолго, скоро подошла еще одна лодка, на палубу сбросили груз, и «Фарилия» подняла паруса. Остров с поселением колонистов из Иальса остался за кормой. Зеленые холмы и золотистые утесы растаяли в янтарной дымке. Впереди огромный пунцовый диск солнца опускался в море, растекаясь огненной дорожкой, сверкавшей в волнах. Острокрылые, грациозные альбатросы фланировали над винного цвета водами, изредка срываясь за игравшей у поверхности рыбой.

Утомившись в каюте, Астри вышла на палубу. Она вдыхала пьяный морской воздух, опираясь на фальшборт. Голаф стоял возле мачты, глядя на величественный закат и любясь своей подругой, чем-то похожей на анрасских дев Горы, сотворенных пламенем и диким волшебством. Ему нестерпимо сильно захотелось обнять ее и жадно целовать, пока она не смирится с властью его рук, пока не ответит нежно, с тихо скрытым желанием, которое он угадывал в ней прежде не раз за железным щитом гордости, за надменным блеском в янтарных глазах.

Он бесшумно подошел сзади, положил ладони на ее талию.

— О чем ты думаешь, госпожа Пэй? Снова о барде?

— Я просто счастлива, что он жив. Не знаю, зачем меня хотела уколоть та амфитрита, но хвала богам, что я встретила с ней и услышала те слова! — Астри откинула голову на его плечо, волны красные, ласковые, как губы, плескались перед ее закрытыми глазами. — Только бы не оказались лживы эти слова, — она убрала его ладони и, услышав твердые шаги капитана, повернулась.

— Господин Брис, госпожа Пэй, если не возражаете, то ужин ждет в вашей каюте, — сказал Паркил. — Финики, печенье с миндалем. Еще я добавил бутылочку доброго ширдинского. Скромный обычай нашей «Фарилии» — за первый день в море.

— Спасибо, кэп, — Астри, став на носки, шутливо вытянулась, как молодой матрос. — Это будет очень кстати.

Они прошли в каюту. Паркил отказался присоединиться к трапезе, попробовал только

глоток расхваленного им же напитка с южных островов и удалился на ют к рулевому.

— Госпожа Пэй, — Голаф разлил вино в синие фарфоровые чашечки, — а знаешь, как ты меня крепко ковырнула, когда ушла в обнимку со своим бардом исполнять прихоть Давпера?

— А ты бросил меня у ворот незнакомого города, как надоевшую собачонку. Это после того как мы с тобой не один день ели из одной миски! Не зли меня, Голаф, у меня чудесное настроение. Пока чудесное... — она отпила из чашечки и потянулась за финиками.

— Именно поэтому я пытаюсь понять, кто для тебя рейнджер Голаф Брис, известный, кстати, от Анраса до края кардорских степей, — он дотронулся до ее щеки, прикрытой завитками черных волос.

— Не более чем грубый меченосец, отбившийся от шайки франкийцев и возомнивший из себя блестящего паладина, — мэги усмехнулась, откинувшись на спинку дивана.

— Почему же величественная мэги так дрожит от прикосновений этого никчемного меченосца? От страха или чего-то еще? — Голаф обнял ее, и потянул за шнурок ниже ворота платья.

— Ты неотесанный беспомощный болван! — она извернулась и хотела встать, но рейнджер подхватил ее на руки, сжав мягко и сильно, опустил на медвежью шкуру, разосланную на полу.

— Я не боюсь тебя! — выдохнула Астра, упираясь в его крепкую грудь.

— Ты очень красивая, Астра Пэй, и очень сумасшедшая, — он припал к ней поцелуем, долгим, от которого, казалось, лопнет сердце. Оторвался, с хищным восторгом глядя, как в пьяных, будто темный эль глазах, распускаются лепестки пламени, как этот мечущийся, мятежный жар, борется с другим огнем, поднимающимся из глубин ее существа. Голаф еще поцеловал ее. Еще и еще, чувствуя, что пальцы, отчаянно вцепившиеся ему в спину, обмякли, а губы мэги невольно ответили на поцелуй. Он расстегнул тугой пояс на ней и потянул край платья. Мэги слабо сопротивлялась его рукам, ловко расправившись с ее одеждой

— Я убью тебя, Голаф! Я тебя сожгу, шет! — прошептала она, вздрагивая от прикосновений теплых рук, ласкавших теперь обнаженное и беззащитное тело.

— Да, моя мэги! Сожги! — ответил Брис, прижавшись щекой к ее груди и опускаясь ниже, наслаждаясь вкусом гладкой, нежной кожи. — Пожалуйста! Хочу сгореть в твоём огне!

Его губы припали ее соску, и тот затвердел точно бутон цветка. Губами он чувствовал, как бьется ее волшебное сердце и вздрагивает каждая мышца от ласки его сильных и нежных рук.

Рейнджер оторвался на миг, приподнялся, с восхищением глядя на волосы госпожи Пэй, разметавшиеся по лицу, темными змейками упавшие на голые плечи, и опустил с поцелуями, от которых стала влажной ее светлая кожа.

— Как же я хочу тебя, эту безумную и прекрасную девочку! — произнес Брис, снова приподнявшись чтобы насладиться видом ее лица и глаз, прикрытых беспокойными веками.

Мэги не ответила, лишь прикусила губку и кольнула ноготками его спину. Она не смела сказать, что сейчас тоже хочет его. Хочет безумно и при этом таже безумно боится того, что будет дальше. Медленно, даже бережно Голаф развел в стороны ее ноги, и госпожа Пэй почувствовала, как что-то горячее и упругое ткнулось в ее влажную складочку, прошлось вверх-вниз с приятным нажимом.

— Голаф! — простонала мэги, дернувшись под ним. Изогнулась, прижавшись к нему

голой грудью.

— Молчи... — прошептал он, закрыв ее обмякшие губы поцелуем. Кончик его языка тронул ее язык, от чего мэги снова вздрогнула и тут же почувствовала, как его твердый, горячий воин нашел ее вход.

Астра шумно выдохнула, вцепилась ногтями в спину рейнджера, со страхом и трепетом чувствуя, как его обжигающее существо медленно и неумолимо входит в нее. В приоткрытых глазах ее, словно треснуло что-то, золотистым зигзагом растворяя дверь в бездну. Чтобы не вскрикнуть от боли и еще неизвестного, сильного ощущения, наполнившего горячими волнами, она стиснула зубы, прижалась яростно всем телом к своему мучителю. Потом не сдержалась и застонала, целуя его плечи и шею. Время словно растворилось в розовом, теплом тумане, где-то там же заблудился ее разум.

Плавно и нежно он двигался в ней, мэги слабо постанывала, чувствуя, как боль волшебным образом превращается в новое ощущение, которое она знала прежде лишь по слабым отголоскам, иногда рождавшимся в ее теле. Это ощущение нарастало, жарким пламенем захватывая ее всю, и даже крошечные осколки мыслей сгорели сладостном огне. Сгорело тело, и вся она. Астра вскрикнула и задрожала под ним, так сильно, что ее дрожь мигом передалась любовнику.

— Рена Добрейшая, — Голаф сел на шкуру, откинув край ее платья дальше от свежих пятен крови. — Ты никогда не делала этого? Я даже подумать не мог...

Астра молча мотнула головой и, поджав обиженно губы, отвернулась. Хотелось заплакать. Она бы так и сделала, если бы осталась одна

— Принеси, пожалуйста, воды, — попросила она, все еще лежа на полу. Ей было стыдно за свою слабость, навалившуюся вдруг полную беспомощность, стыдно до горького корма внутри, что разум ее так помутился, и она — мэги, отдалась ему, словно обычная уличная девка.

Когда Голаф принес ушат с теплой водой, она обмылась, прогнав сначала рейнджера из каюты, накинула платье и допила остаток вина в чашке. Голова кружилась, перед глазами было мутно от слез, а тело гудело от прилива магического тепла, разбуженного отчего-то и мечущегося теперь, как и ее нестройные мысли. Потушив светильник над столом, Астра вышла на палубу.

— Госпожа Пэй, — Голаф, будто мальчишка проворно подбежал к ней. — Что ты такая... с видом, будто стряслась беда, — заговорил он тише, глядя на ее бледное в лунном свете лицо. — Хочешь, я опущусь на колени, как великородный паладин перед принцессой и буду целовать твою руку?

— Ты не виноват здесь, Брис, — она прошла к фальшборту, остановилась у самого края, прислонившись к натянутым скрипящим канатам. — При чем здесь ты? Это я такая... не принцессой стала вдруг, — ей хотелось раствориться в темном ночном воздухе, стать тенью и унести куда-нибудь.

— Мне следовало быть с тобой мягче. С самого начала, с той первой встречи на нашем пути в Иальс. Знаешь, что становится с мужчиной, который проводит большую часть жизни в пути, ночуя возле дороги или в дешевых тавернах? — произнес он, потянув с силой канаты такелажа, и добавил: — Впрочем, зачем тебе такое знать.

— Голаф, а кто для тебя стала теперь я — мэги, о которой скоро узнают все от Карбоса до ледяных пределов Анраса? — с вызовом спросила она. — Кто для тебя Астра Пэй, на

которую ты лег так же легко, как на постель в дешевой таверне. Ты даже не сказал, что любишь меня или что я нравлюсь тебе. Так, Голаф? Ничего этого не надо!

— Я просто не умею такое говорить. Хочешь, я честно признаю, что я никогда не встречал девушек равных тебе? Ни одна влекла меня так, не заставляла терять голову и делать столько глупостей, — он взял ее руку и несильно сжал, поглаживая тонкие теплые пальцы. — Тебе, Астра, нравится дразнить мужчин, чувствовать власть над ними. Только ты еще не знаешь, что твоя минутная слабость может ранить сильнее насмешки в глазах. После того, что случилось, мое желание быть рядом с тобой, обнимать тебя, когда ты это позволишь, становится только сильнее. Представь себе, много сильнее!

— Ты врешь, — она качнула головой. Слова рейнджера, будто разделили ее пополам. Одной половине страстно хотелось прижаться к плетущему неясные речи искусителю, прижаться теснее и целовать его, другая половина жаждала одиночества и покоя, стремилась стать темной тенью и бежать в ночь.

— Я принесу вино, — предложил рейнджер как-то невпопад, глядя на нее не то с сожалением, не то в смятении, желая отвлечь хоть чем-нибудь малым от начатого разговора. — Астра, ведь нам есть за что выпить.

Он направился к двери в каюту, а мэги стояла, запрокинув голову и глядя на крупные синие звезды, похожие на бусины с разорванного дерзко ожерелья.

«Быть с ним... Быть послушной его ласкам... Уйти и не видеть его никогда...» — металась ее мысли, и магическое тепло судорожными волнами пробежало по телу от затылка до пят. Мэги выдохнула шумно и вдруг увидела, как еще одна рука — ее рука — появилась из тьмы. Астра отступила, изумленно оглядывая своего двойника, родившегося из бесплотного эфира. Это было невероятно! Столько раз прежде она пыталась создать свою тульпу, используя мудреные приемы Некомарха и древних либийцев, но никогда не получалось у нее ничего подобного.

Скрипнула дверь каюты, вышел Голаф. Астра тихонько отступила к мачте и затаилась, наблюдая за ним и своим молчаливым двойником.

— А давайте с горлышка, госпожа Пэй? — покручивая бутылку, предложил Брис. — Лично мне, как неотесанному болвану, очень нравится с горлышка. Особо приятно будет после твоих губ.

Пробуя управлять эфирным существом, мэги старалась ощутить чужое непослушное тело, мысленно шупала ведущие к нему нити. Подчиняясь ее усилиям, тульпа повернула голову и с таинственной улыбкой потянулась к бутылке вина.

— Такая ты мне нравишься еще больше. Очень нравишься, госпожа Пэй. Такая изменчивая, как... ветры из некоторых мест. Если бы я мог говорить складные слова любви, как бард, то я бы лил их сейчас, не умолкая, — он тоже улыбнулся, не то удивленный, не то очарованный загадочным блеском в ее широко открытых глазах. — Что молчишь, дорогая? Я не Леос, но разве все сводится только к красивым словам?

Он пожал плечами, придвинулся к ней ближе и продолжил тихо:

— Хотя, знаешь, мне на ум пришло... Ты в ночи, еще прекраснее, чем днем. Твои глаза из звезд и губы сладкие, как финики в тарелке. Красиво?

Тульпа подняла руку и похлопала его по щеке.

— Что бы это значило, Астра? — Голаф озадачено разглядывал ее побелевшее лицо.

Вместо ответа эфирное существо, отпило из бутылки, лихо, будто истый пьяница и, шагнув через ограждение, прыгнуло в море.

— Астра! — рейнджер повис над фальшбортом, ища ее взглядом в волнах. Прыгнуть следом, означало, что на корабле просто не заметят их исчезновения, и они оба останутся в море без надежды на спасение. — Капитан Паркил! Эй, кто-нибудь! — неистово заорал Голаф. — Госпожа!.. Госпожа утопилась!

— Питху камбалой дери! — ответил чей-то возглас с кормы. Следом палуба затряслась от топота. Из двери под лестницей юта выскочили боцман и капитан.

Астра никак не ожидала такого оборота от своей шутки и, выйдя из-за мачты, недоуменно поинтересовалась:

— Что за суета такая? Голаф, ты кричал? — она встряхнула его за рукав. — И какая госпожа утопилась? Говори скорее!

— Но ты же... Ты сама прыгала за борт... — он отвернулся, поглядывая на блики луны по темным волнам.

— Извините его, капитан. Напился, пока я здесь прогуливалась, — Астра отпустила Паркилу милую улыбку. — Когда он напьется, ему всегда мерещатся то амфитриты, то девы любвеобильные. И все они будто страдают из-за него, то топятя, то кровь себе пускают. Идем, Голаф, тебе проспаться надо.

Едва они вошли в каюту, Брис схватил ее за руку и мрачно спросил:

— Что это значит, госпожа Пэй! Я не идиот, чтобы мне мерещилось такое!

— А откуда я знаю, Голаф. Чего ты орать начал?! Я ждала тебя на палубе, ты пошел за бутылочкой ширдинского. И выпил ее сам, наверно. Потом выскочил будто умалишенный и орать начал «госпожа утопилась! госпожа утопилась!». Идиот какой-то.

— Еще раз повторяю, я не идиот. И вполне разумею, что это магией сделано. Наваждение, устроенное тобой, — он разжег второй светильник над столом, потом наклонился, разглядывая свежие пятна крови на желтой медвежьей шкуре, лежавшей на полу. — Так, милейшая мэги?

— Конечно же. Конечно, наваждение. И все, что сегодня было, то же наваждение. Чего ты сердисься, Брис? — она привлекла его к себе и поцеловала, теребя длинные жесткие волосы. — Мне ничего другого в голову не пришло сказать капитану.

— Если так, то пусть это наваждение продолжается, — рейнджер поднял ее на руки, трогая влажные губы своими и лаская гладкое тело под юбкой. — Я тебя люблю, Астра.

— Ты бессовестно врешь. Хотя, шет с тобой, — мэги изогнулась, его смелые и нежные прикосновения были нестерпимо приятны. — Изольда научила меня не верить мужчинам. Она знает всех вас. Вот так, Голаф. У нее тысяча любовников была. И я решила — у меня тоже будет тысяча. Только понять не могу, почему ты оказался первым.

* * *

«Наг» резал носом черные густые волны. Луна взошла высоко, и ее прохладный блеск плыл в воде серебристой рыбьей чешуей. Где-то справа таились рифы, долгой цепью тянувшиеся до Шетовых скал. Морас хорошо помнил это место. Врезалось в память с тех пор, как он с Гребом Безухим разбил здесь в щепы неарскую эскадру. Три галеры ушли ко дну, а толстый, полный ценного добра неф был взят с душой на абордаж. О рифах должен был знать и рулевой, но на всякий случай Морас поднялся на ют и сказал:

— Эй, Берок, а ты помнишь наши лобзания с неарцами? Когда еще Греб с нами ходил?

— О, незабываемо, кэп! всю жизнь буду помнить, как трещали борта галер! И как мы пили потом три дня с их румяными девками! — он скривился, распоротая губа обнажила редкие зубы.

— Так вот, не забудь про рифы, старик. Тебе говорю, а не дурню-смотровому, — капитан похлопал его по плечу и направился к тамбуру.

На шканцах за ящиками веселились стрелки и люди из абордажной команды Бота. Их дружный пьяный разговор перешел в такую же пьяную песню. Кто-то нестойкий отполз на четвереньках к борту и натужно ревел о любви к морю, захлебываясь блевотой.

— Свины, — процедил Морас, задержавшись на ступенях. Отслужив пять лет в королевском флоте Олмии, он терпеть не мог таких скотских попок на корабле. На берегу шет им брат, но здесь... Во всем был виноват Давпер. Поглядев на паруса, лениво хлопающие под стихавшим ветром, он спустился на нижнюю палубу и вошел в свою каюту.

Анита сидела на кресле возле стола, перебирая янтарные фигурки из шкатулки. В ее светлых глазах мерцал огонек масляной лампы, волосы бледными прядями лежали на щеке. Она подняла голову, потом медленно встала и шагнула ему навстречу.

— Я вот думаю, капитан, что будет со мной потом? — она вздохнула, прислонившись к углу платяного шкафа. — Потом, после Ланерии?

— И что же ты надумала? — Морас сел на сундук и жестом привлек ее.

— Я не хочу как они, — Анита кивнула в сторону дальней каюты, где были заперты Ансис, Арбея, другие. — Не хочу так. И еще... я люблю тебя, — она опустилась к нему на колени, взяла ладонями его лицо, суровое, с глубокой морщиной от искривленного носа. — Я тебя люблю, а ты... ты вышвырнешь меня. Да? Уже не важно кому и зачем, — уронив голову на его плечо, она беззвучно заплакала.

— Не говори глупости. После Ланерии мы плывем на юг — есть некоторое дело там, — он прислушался к шагам в коридоре. Дверь открылась, на пороге появился прислуга.

— Господин Морас, на совет вас приглашают, — вкрадчиво произнес он. — Прямо немедленно в покоях хозяина.

— Хорошо, иду, — капитан встал, погладил волосы своей милой пленницы и, прихватив трость, направился к каюте на корме.

Когда он вошел, Давпер и магистр Канахор сидели за круглым столом, попивая душистый аютанский настой из крошечных нефритовых чашек. Двенадцать свечей в лапах нагов, чеканенных из либийской бронзы, потрескивали трепетными огнями.

— Прошу, — Давпер отодвинул ногой табурет. — Итак, что мы имеем сегодня? Кроме хлопот с «Гедоном» и этой проклятой склоки с чужим товаром. Рена Добрейшая, за что мне такое, епть их душу! — он сжал кулак и стукнул по столу так, что звонко задрожала посуда.

— Господин Хивс, боюсь с «Гедоном» безнадежно — заберут его рохесские фаготы. Не знаю я, стоит ли вообще по нему хлопотать, — заметил Морас. Затея с присвоением чужого корабля с самого начала представлялась ему глупой или уж слишком рискованной.

— Нам нужен этот славный когг. Вот как нужен, — Хивс провел ребром ладони по покрасневшей шее. — Дело даже не в том, что он больше «Нага» в два раза: нам необходима его катапульта. Если с девками не выйдет, храм придется брать штурмом. А без той чудо-катапульты и снарядов Берната все равно что башкой в кованые ворота. И мэтр здесь не поможет. Верно, господин Канахор?

— Я сюда не вмешиваюсь. Это ваша часть дела. И ваша забота, как обойтись со жрецами. Моя забота — только магистр Варольд, — Канахор Хаерим отпил маленький

глоток из чашки, поморщившись, прикрыл глаза. — Двадцать лет я пытаюсь получить от него свиток с картой. Правда, он об этом не знает. Вернее, не знал, до недавних пор. А те, кто знал... его милые, сладкие женщины давно мертвы.

— А вот это уже не наша забота, уважаемый магистр. Вы обещали получить карту — извольте придумать, как это скорее сделать. Вообще я не понимаю в чем сложность, отобрать у старика бесполезный ему пергамент. Заплатить ему, наконец, — Давпер опрокинул содержимое чашечки себе в рот и откинулся на спинку кресла, его пальцы беспокойно подергивали край шелковой скатерти. — Если все уж так плохо, магистр, то мои люди помогут. Братство Пери к вашим услугам.

— Вы плохо представляете положение дел, уважаемый Хивс, — Канахор мрачно усмехнулся, глядя поверх продолговатой головы Давпера на стену, украшенную абордажными мечами и древним мергийским шлемом, расколотым ниже кривых бронзовых рогов. — Варольду не нужны деньги. У него вполне приличное состояние. Просто так свиток он не отдаст. Это я понял очень давно. Даже если жечь его некроновым огнем, перед страхом смерти, любых мук — свиток он не отдаст. Вы совсем не знаете этого тщедушного с виду человечка. Я обещал ему многое, более полезное, чем деньги. Запугивал его по-всякому, через друзей и от имени Ордена. Я добился, что его салон почти опустел и много надеялся на помощь мэги Верды, но ничего не вышло.

— И что теперь? — нетерпеливо спросил Давпер.

— Есть еще два способа. Первый... просто убить его и перевернуть в поисках пергамента весь дом — кто его знает, что найдем мы там. И второй более верный... — магистр задумался, облизывая горькие от настойки губы. — Нужно как-то захватить ту полоумную мэги, что спалила ваш склад — она его дочь.

— Милейшая госпожа Пэй?! — Хивс лег грудью на стол, пристально глядя в черные глаза Канахора. — Что вы несете, магистр. Я лично присутствовал при первом знакомстве ее с «родителем». И вы там, кажется, были.

— Она больше похожа на безродную оборванку. Эти манеры... я бы никогда не подумал, что она была вхожа в великосветский двор Олмии, — заметил Морас, придвинув к себе блюдо с ломтиками вяленой дыни. — Хотя таких нынче жалуют из-за смазливой внешности.

— Она его дочь, — твердо сказал маг Алой Звезды. — Он просто не знает об этом пока. Я говорил с кое-какими людьми из Олмии — свидетелями той пренеприятной трагедии, — он отпил, морщась и цокая языком. Крики непокорной Арсии, горящей в огне, будто снова звучали в его ушах, где-то в траве захлебывался плачем грудной ребенок, которого он пожалел к счастью или на свою беду. Отгоняя видение, Канахор мотнул головой и продолжил: — Думаю, за ее жизнь старик выложит карту. Еще скажу, что она плывет за вами на торговом нефе. «Фарилия», если не ошибаюсь. Можете перехватить их в море или дождаться прихода в Ланерию. Собственно за этим я и прибыл к вам, — магистр встал и потянулся к плащу, висевшему у двери, словно тело огромной летучей мыши.

— Это хорошие вести, господин Канахор. Хорошие, в некотором роде. Очень приятно, что госпожа Астра сама плывет к нам, — гилен Пери примял кончик редкой аккуратной бородки и с удовольствием налил в чашечку крепкий душистый настой.

— Если перехватить их в море, то можно еще и товаром поживиться, — безразлично заметил капитан Морас и тут же добавил: — Хотя времени потеряем много — ветер стихает. Лучше в порту.

— Проводите меня, — толкнув двери, попросил магистр.

Они вышли на палубу. Шальная песня стрелков тут же умолкла, за бортом слышался шелестящий плеск волн. Луна сияла высоко над фоком.

— Мы возьмем мэги. Обязательно. Уж это точно мое дело, — Давпер постучал костяшками пальцев по мачте. — И вам таким образом будем рады услужить. Вы не возражаете, если наша доля в либийском походе чуточку возрастет? Этак на десять процентов?

— Мы же договорились, Хивс. Все драгоценности будут вашими. Представьте себе все или, по крайней мере, большую часть богатств Ливии. Древней могущественной Ливии! Представьте бесконечные вереницы рабов, несущих серебро, золото, редчайшие камни к трону великого Кэсэфа. Вашим людям будет не по силам утащить все, — магистр рассмеялся и отошел к фальшборту.

— За это я волнуюсь меньше всего, — Давпер Хивс тоже рассмеялся, все же иметь дела с этим старым прохвостом, способным еще на очень многое, было приятно.

— Тогда удачного плаванья! — Канахор Хаерим оттолкнулся от палубы и, разведя широко руки, полетел. Его темная фигура с трепещущим на ветру плащом скоро исчезла среди колючих звезд.

* * *

К началу третьего дня ветер стих окончательно. «Фарилия» лениво ползла, лоя обвисшими парусами слабые дуновения, потом замерла совсем. Вокруг было гладкое, словно скатерть шелка, прозрачно-синее море. Боцман поругивался, расхаживая сердито по палубе, сам дважды взбирался на марс и глядел на мутную линию горизонта. Зачем-то плевал на тыльную сторону ладони, поднимал ее над головой и прижимал к щеке.

По приказу Паркила матросы вытащили на корму деревянную статую Герма. На большой жаровне принесли покровителю жертву — молодую акулу, попавшую в сети, изжарив ее в огне до угольной черноты. Бог не ответил никак, смрадный дым над жаровней поднимался ровно вверх, море затаилось.

— Господин Паркил, как долго это будет, — спросила Астри, поднявшись на ют.

— День или два. Может более. Не смею врать, госпожа, — капитан вытер платком измазанные жирной сажой руки и добавил: — В такое время полный штиль в этих местах редкость. Никак не ожидал, что мы застрянем.

— До Рохеса далеко еще? — Голаф не находил себе места с самого утра. По его подсчетам «Наг» был уже в порту Ланерии и завтра вполне мог сняться с якоря.

— Лиг сто — сто двадцать, — боцман кашлянул в рукав, посмотрел круглыми глазами на гладкое море. — Вот вам и амфитриты. Когда их встречаешь, то все пойдет не как обычно. А они нагнали нас за ночь и рядом кружат. Снова их видели на рассвете.

— Трудно сказать плохо это или хорошо, — вставил рулевой, проверяя узел крепления на штурвале. — Забавные все ж девки.

— Пока получается, что плохо. Груз наш срочный. Ждут в Ланерии, представьте. И мы всякими обязательствами связаны, — пояснил боцман, вспоминая наставления господина Брефта. — А вы, госпожа Пэй, не могли бы помочь своей чудодейной магией?

— Боюсь, что нет. Даже не представляю как, — мэги задумалась, что она может предложить из своего невеликого арсенала заклинаний, полезных большей частью для

быстрого боя. Здесь бы не помогла и опытная Изольда. Хотя можно было попробовать кое-что. Она вспомнила «Книгу Ветра» Некомарха, которую магистр считала пустой и даже вредной. — Впрочем, давайте магией, — решила она. — Давайте, если капитан не возражает.

— Нам, госпожа, терять нечего. Кроме корабля, груза и собственных никчемных жизней, — Паркил, сжав широкие синеватые губы, облокотился на тумбу штурвала. — Желаете по-своему вернуть милость Герма, то возражать не стану. Надеюсь, вы знаете что делаете.

— Знаю. По местам селедки! — шутя прикинула Астра на матросов, сидевших у борта. — И снимите паруса с этой вот второй мачты. Только там, впереди пусть висит.

— Вы хотите оставить только фок? — полюбопытствовал Паркил.

— Он самый. Остальное к шетовой невесте, — Астра небрежно махнула рукой. — А то сорвет еще.

— Исполнять! К шетовой невесте! — боцман, повторяя жест мэги, тряхнул от живота рукой.

— Что ты задумала, госпожа Пэй? Ко дну нас отправить? — Голаф стоял позади нее, наблюдая за торопливыми действиями моряков.

— Не говорите ерунду, Брис. Не надо этого только. Запугаете мою команду, что мы все разом за борт и топиться начнем, — вспомнив недавнюю историю с тульпой, Астра едва не рассмеялась.

— Вашу команду? — переспросил рейнджер.

— Мою команду. Капитан только что передал мне полномочия. Верно, господин Паркил? — повернувшись, она весело подмигнула ему.

— Да, конечно. Пока здесь правят магические силы, мне разумнее побыть в стороне, — неохотно ответил он и отошел от штурвала, словно стараясь держаться подальше от деяний, которые он так опрометчиво благословил.

— Так, закончили? Теперь убегайте оттуда, — скомандовала Астра матросам, управившимся с двумя парусами грота. Она отошла в самый конец кормы и, подняв руки, долго сосредоточено смотрела вперед. Потом негромко заговорила заклятие «ледяного ветра», стараясь обуздать его порывистую силу так, как учил в книге старый Некомарх.

— Мэйро-бало-айс-винд-спелл! — выдохнула мэги, формируя ладонями сферу густеющего воздуха, помутневшую и завихрившуюся синими льдистыми искрами.

— Эта Пресветлая, спаси потроха мои! — вскрикнул матрос, прыгнувший на палубу последним. Он подумал, что до кормы ему уже не добежать и разумнее страстно молиться, вцепившись зубами в веревки такелажа.

— Давай скорее! — заорал боцман. — Сюда, Кордал!

Вихрящийся над головами пузырь, распухал, ревел, словно снежное разъяренное чудовище. Мэги, призывая символы Го, старательно и безжалостно пробуждала скрытую в его глубинах силу. Вокруг стало холодно, настолько, что матросы, шустро взлетевшие по лестнице на ют, столпились вокруг дымящей жаровни под статуей Герма, съежившись, дружно затрясли челюстями. Капитан Паркил запахнул мундир, глядя с опаской на безбожно бушующую стихию, самыми скверными словами поругивал себя за доверчивость девчонке.

— Олинья-кало! — произнесла Астра, вдохновенно вытянув палец вперед. С противоположной стороны сферы мигом образовалась дыра, и воздух хлынул из нее тугой струей, словно сорвавшаяся с высоты лавина. Парус на гроте, рвануло так, что затрещали

канаты и обе мачты. Покойная до сих пор «Фарилия» дернулась, как телега за перепуганной лошастью, хлопнула носом в волну, понеслась, скрипя рангоутом громче, чем выл ветер.

— О-о-о! Герм Всевластный, спаси и заступись! — запричитал Паркил, сложив руки на груди. Это не помогло — хуже того, статуя Герма рухнула, покатила с юта, жаровню с останками жертвенной акулы разом унесло в море. Брызги воды больно хлестали лицо, стекали по такелажу и реям, мгновенно превращаясь в сосульки. Матросы вцепились в ограждения надстройки, тряслись и шептали молитвы.

Астра едва удержалась на палубе и, когда судно резко накренилось на правый борт, она поняла, что совсем потеряла контроль над «мешком ветра». Злой вихрь, от дыхания которого валило с ног, бил теперь в спину, бросая на корму дюжие пригоршни мерзлой воды.

— Ты совсем свихнулась, дорогая! — Голаф подхватил мэги свободной рукой и прижал к палубе.

— Нос! По ветру нос! — закричал рулевому капитан, вмиг оказавшись рядом и сам налегая на штурвал.

— Спокойно, кэп! — Астра поднялась, держась за твердое плечо рейнджера. — Сейчас отцепимся от него! Все хорошо будет!

Прикрыв глаза, она нащупала невидимые нити эфира, рассекла их заклятием и взмахом ладони. Тут же ревушая злым ветром сфера отлетела от них на пол лиги, взвилась вверх и, перевернувшись трижды, рухнула в море, словно сорвавшаяся с небес комета. Из пучины ударил огромный водяной столб. Казалось, там, в глубинах проснулся древний морской бог и выдохнул копившийся столетиями гнев. Взметнувшаяся к небу вода падала тяжелыми глыбами льда. Море, кипело и вздыхало ухающими пузырями, плеская на палубу замерзшую рыбу, снежную кашу и мутно-стеклянные тела медуз.

Скоро все стихло. Жарко светило солнце. Сосульки на такелаже потекли ручейками. Перепуганная команда «Фарилии» еще дрожала от пережитого страха и лютого волшебного холода.

— Немножечко неудачно, господин Паркил, — признала Астра, мокрое платье стягивало тело оковами льда, но мэги бодро шагнула к ограждению у штурвала. — «Ветряной мешок» получился излишне тугой. Но могу еще попробовать. Теперь с большим успехом.

— Не надо! Пожалуйста, не надо, госпожа Пэй, — горячо возразил капитан, вытянувшись, будто прилежный матрос. — Зачем вам так напрягаться.

— Эй, тут ставрида подмерзлая! — крикнул кто-то снизу. — Корзина наберется! И кальмары!

— И все это благодаря госпоже Пэй, — боцман усмехнулся и подошел к ограждению юта. — Улов собрать! Кэп, а может ради такого происшествия вина крепенького всем по кружечке? Ведь холодно и штить полнейший, клешню ему в бок!

— А здесь амфитрита... — остановившись у края шканцев, с опаской произнес Гарло. — Ей-ей! Замерзшая, синяя!

Почти все стоявшие на юте поспешили к носу корабля. Там, чуть дальше фок-мачты действительно лежала морская дева, без сознания или уже мертвая. Ее голое синеватое тело покрывали водоросли с коркой тонкого льда.

— Вот беда какая, — заволновался Паркил, сбегая по лестнице вниз. — Умерла или нет? Шкот, Кордал, скорее одежду, какую принесите укрыть!

— Жива, — сказал Голаф, трогая холодное запястье ее руки с аккуратными

перепонками между длинных пальцев. — Замерзла просто, да волной ударило.

— А ведь умрет, наверно, если не отогреть! — Шкот прикрыл ее шерстяным одеялом и трепетно добавил: — Я бы смог. Точно бы согрел такую.

— Вина ей надо, — решил боцман, хрипло закашляв. — А лучше крепкой травяной настойки.

— И растереть, — не унимался молодой матрос. — Позвольте заняться, кэп? Ее всю нужно основательно растереть. Видно, существо она слишком теплолюбивое.

— Принеси-ка чашку из крайнего бочонка, — согласился Паркил, глядя на бледно-синеватую деву с милovidным лицом и льдинками в слипшихся волосах, ему стало холоднее, чем под порывами студеного ветра.

Матрос вернулся бегом, неся полную чашку сагель-альской настойки, приготовленной на пряных травах.

— Я бы с большим удовольствием доверил это дело, господину Брису, — сказал капитан. — Не согласитесь ли? — он взял у Шкота посудину и протянул рейнджеру.

— Вот это зря, — отодвинув Гарло, Астра подошла ближе, с недовольством наблюдая за приготовлениями Бриса.

Голаф сначала попробовал глоток сам, потом, приподняв голову морской девы, поднес питье к ее пухлым губам. Все в ожидании замерли. По лицу амфитриты пробежала судорога, дева выдохнула, дернувшись всем телом, и, повернувшись на бок, закашлялась.

— Живая! Слава тебе, Пресветлая! — капитан Паркил довольно потер озябшие руки.

Команда зашептала разноголосо молитву. На шканцах подпрыгивала, шлепалась об доски оттаявшая скумбрия.

Повернув морскую деву к себе, рейнджер влил ей в рот больше половины чашки.

— Ну, ну, спокойно. Все хорошо, — она снова затряслась, Голаф, успокаивая, погладил мокрые спутанные волосы. — Все хорошо, красавица. Сначала горько, потом тепло. А потом приятно.

Откинув край одеяла, он налил немного настойки на ладонь и начал осторожно обтирать ее шею и плечи. Она открыла водянисто-зеленоватые глаза, безумно глядя вокруг, на столпившихся вокруг моряков, на склонившегося над ней молодого мужчину, на мэги, с которой она была несколько знакома. Астра тоже узнала амфитриту, вещавшую в первый день плаванья о том, что Леос чудесным образом жив.

Влив еще немного настойки в приоткрытый рот, Голаф принялся растирать ее грудь. Она успокоилась, опустив ресницы, и задышала ровнее. Маленькие темные соски набухли от прикосновения его пальцев. Ладони рейнджера бережно гладили ее грудь, потом заскользили ниже, по мягкому животу, втирая прянопахнущую жидкость.

— Хватит, Голаф! — наклонившись, сердито произнесла Астра и дернула его слегка за волосы. — Вижу, девица чувствует себя очень неплохо. Гораздо лучше, чем мы все!

— Продолжай, милый Голаф, — амфитрита обняла его шею и, приподнявшись, поцеловала в губы. — Пожалуйста, продолжай, — ее зеленовато-прозрачные глаза с пьяным восторгом смотрели на него. — Голаф... мое имя Бирессиа. А-ах! — содрогнувшись, она прижалась к нему и снова припала с поцелуем.

— Вы посмотрите на эту сучку! Быстро пусти его! — Астра схватила рейнджера за воротник, ткань затрещала в ее пальцах. — Я тебя сейчас согрею! Пепел только с лапами останется!

Матросы грянули хохотом. Даже Паркил порозовел, словно хватил крепкий глоток

растирки. Голаф поспешил вскочить на ноги, и Бирессиа поднялась следом, обводя томным и радостным взглядом окруживших ее мужчин.

— Ой, кэп, — она безошибочно угадала капитана нефа, — откуда у вас на корабле такая злая дрянь? Так хорошо все было. И питье ваше. И... Капитан, Капита-ан, — она положила ему на грудь перепончатую ладонь, доверчиво глядя в глаза. — Не люблю я ее... эту мэги Пэй, — глядя на Астру, амфитрита пьяно качнулась, Шкот с удовольствием подставил плечо, осторожно придержал ее за гибкую талию. — Все море дура взбаламутила. А холодно как было! Давайте ее в воду бросим?

— Никак нельзя, уважаемая Бирессиа, — замялся Паркил, теперь ему стало жарко и пот выступил крупными каплями под его мокрой шляпой. — Госпожа Пэй — наша очень важная и... тоже уважаемая гостья, — с достоинством пояснил он.

На помощь ему пришла сама Астра:

— Нет ничего отвратительнее, чем общество безобразной пьяной шлюхи, — с чувством произнесла она, подступив к амфитрите. Кончики пальцев зудели от прилива магического тепла. — Проваливай отсюда! Пока я тебе не помогла!

— Идем, пожалуйста, госпожа Пэй, — Голаф взял ее за руку и направился к каюте. — Тебе нужно отдохнуть. И я хочу...

— Голаф! — окликнула его Бирессиа, обняв за шею Шкота. — Нам есть, о чем еще поболтать!

— В следующий раз, милейшая, — задержавшись у двери, рейнджер отпустил ей прощальный поклон. — Обязательно.

— Приходи чаще к морю, думай обо мне, и я приплыву, — опутив глаза, неуверенно сказала амфитрита. — А эта высушенная мэги... завладеет моим прекрасным Коралиссом... Он все время думает о ней! О-о!.. — она округлила маленький рот, губы ее задрожали, прозрачные глаза заблестели от слез. — Я еще покажу ей!

— Голаф, я понимаю, что она пьяная дура, но она слишком разозлила меня! — заломив руки, Астра прошлась по каюте. — И ты хорош! Лапал ее с таким удовольствием! Надо было только видеть, сколько блаженства было на твоей роже! Нет, я вернусь сейчас и любезно столкну ее в море! Даже фаерболлом не поджарю из доброты.

— Не надо. Ты и так много полезного сегодня сделала, — Брис обнял ее, поднял на руки и отнес к дивану. — Ты же знаешь, что куда приятнее мне трогать тебя, — его пальцы осторожно коснулись ее оголившегося бедра. — А кто такой Коралисс?

— Откуда мне знать, — прикрыв глаза, она погладила его ладонь. — Понятия не имею, что несет пьяная дрянь.

Астра прижалась к груди рейнджера, и их губы соединились. Брис слышал звонкий голос амфитриты, дружный смех команды «Фарилии» и все еще побаивался, что у мэги может снова возникнуть желание продолжить ссору с чудаковатой морской девой.

— Ты обещала мне рассказать дальше о Варольде и короне Иссеи, — сказал он, то ли действительно проявив неожиданный интерес к той истории, то ли стараясь отвлечь Астру от происходящего на палубе.

— Тебе действительно интересно? — Астра тихонько потянула его локон. — Хочешь, я почитаю вслух тот старый либийский свиток?

— Хочу. А еще знаешь, что... — Голаф встал и открыл крышку ее дорожного сундучка. — История этой Черной Короны и храм на Карбосе, куда стремится Давпер, связаны каким-то образом. Я помню их разговор в «Красном крабе». Только мало из него

что понял. Прошу, — он протянул ей желтый пергамент, перевязанный атласной лентой.

— Храм на Карбосе построен либийцами много тысячелетий назад. Они поклоняются какому-то морскому чудовищу, якобы прародителю нагов, имя которого Аасфир, — Астра развернула начало свитка, положив его на колени. — Подлинная история Кэсэфа и гибели нашего мира, — прочитала она завитки, выведенные багровой краской, почти не выцветшей за столько лет, развернула свиток шире и продолжила: — «Я, Ксаррокс, последний оставшийся в живых жрец Иссеи, пишу эти строки, не надеясь уже ни на что для себя лично, но лишь робко мечтая о возвращении былого величия Либии...» — мэги на минуту замолчала. — Тебе это действительно интересно, Голаф?

— Если бы я знал их язык, то прочел бы уже давно, — рейнджер устроился рядом с ней, придерживая пергамент.

— Тогда я с удовольствием сделаю это для тебя, — Астра склонилась над свитком и продолжила читать дальше: — «Прекрасна была Либия, могущественная страна, простирающаяся от щедрого Южного моря до бесконечного океана. Иссея покровительствовала нам, своему любимому народу, и процветали науки и ремесла, либийские корабли заходили в варварские пределы, привозя неведомые и странные товары из самых отдаленных пределов Гринвеи. Огромные стада скота паслись на травяных равнинах, и густые леса шумели, вознося хвалу Иссее — Дарующей Жизнь. В Великий Храм Иссеи, что на Белых Холмах, несли подношения и либийцы, и пришлые. Статуя богини благосклонно смотрела на них, складывающих цветы и плоды у подножия, а жрецы не прекращали благодарственной молитвы.

А что осталось сейчас? Разрушен Великий Храм, погребен под песком, и каждая песчинка, пересыпающаяся по священным холмам, кажется Песком Времени, который хоронит мертвых. Из всего множества жрецов остался только я один, да и то, очевидно, не задержусь надолго. Я слаб, стар. В Храме не осталось пищи, и лишь тонкая струйка воды, вытекающая из разбитого мраморного бассейна, поддерживает мою жизнь.

Я умираю, и знаю это. Но я тороплюсь записать историю Черной Короны, в надежде, что когда-нибудь явится маг или воин великий силой и душой, который сможет вернуть Корону в Великий Храм. И тогда, обещанием богини, возродится моя страна, и Пески Времени отступят, а зеленые травы вновь поднимутся над равнинами.

Не знаю, кто ты, читающий мои записки, но прошу тебя — помоги несчастной стране, глупостью и жадностью одного человека, обратившейся в пустыню. Великая награда ждет тебя в возрожденном Храме. Сама Дарующая Жизнь сойдет, награждая тебя пресветлой милостью своей.

Аррисы, деревушки, затерянной в либийских горах, нельзя было найти даже на лучших картах, сшитых из многих телячьих кож, настолько она была мала и бесполезна. Но именно оттуда пришло самое большое несчастье Либии, ее черное проклятие. Так же, как крошечное семя порождает огромное дерево, так и безвестная Арриса породила Великого и Темного, имя которого я не хочу произносить, но о котором мне придется все же говорить.

Однажды в Аррису забрел наг-предсказатель, змеетелый колдун, жрец красноглазой Маро. Он увидел Кэсэфа, мальчишку-козопаса, и склонился перед ним, серея в почтении, словно пепел прогоревшего костра.

— Этот мальчик зажжет мир! — предсказал наг.

Деревенские жители смеялись над змеетелым, говоря, что к нему перешло безумие его бога, но наг бросил руны, и выпали знаки Старшего Фрутарха, переливаясь золотом и алым

на черных камнях. Трижды колдун бросал руны, трижды выпадали знаки Старшего Фрутарха: руна Феу была первой, за ней следовала руна Уруз, и дальше шли руны Ансуз Ас, Тейваз Тюр, Дагаз и Перт.

И наг открыл Окно, показав Кэсэфу свое предвидение. Шли воины, взбивая клубы пыли, видимые издалека угрожающими серыми тучами, впечатывая высокие сандалии в дорогу; колыхались над войском хоругви, взметнувшись к небу; и перед войском гарцевал черный конь, словно вышедший из темного царства Маро, а всадник его, одетый в черный балахон колдуна, с алой каймой по краю, мрачно смотрел вперед, как будто видел за поворотом пыльной дороги нечто жуткое и угрожающее. И взлетел крик над войском, затрепетав перебитым птичьим крылом под облаками, славили воины своего предводителя, величайшего мага Либии — Кэсэфа. В руках знаменосца, едущего вслед за черным всадником, поднялся стяг, поднялся высоко, словно намереваясь пронзить самое солнце, и развернулось тяжелое полотнище, золотое с черным, а посреди него огненно сверкал глаз Маро.

Ушел тогда Кэсэф из Аррисы, следуя за своей мечтой, за своим предназначением. И стал он величайшим магом и последним правителем Либии, как и было предсказано. Его воины покорили многие земли, присоединив их к стране. Но не было радости у Кэсэфа, который хотел жить долго, чтобы не сказать — вечно, был он мрачен и безмолвен, глядя красными глазами вдаль. Тогда опять пришел к нему наг-предсказатель, ничуть не изменившийся с тех давних времен, когда они встретились в горной деревушке. Сказал, поклонившись, змеетелый магу, что сможет он вернуть молодость и увеличить неимоверно его колдовские силы, если завладеет Черной Коронай Иссеи. Кэсэф смеялся над желтокожим, называл его святотатцем, но мысль о Черной Короне оказалась зерном, которое пускает длинные корни, а плод выросшего растения стал ядовит.

Правитель пришел в Великий Храм Иссеи, пришел, как паломник, одетый в простой балахон и кожаные сандалии, покрытые пылью дорог. Но смирение его было притворным, а глаза пылали жадностью, когда жрецы открыли Черную Корону, показывая ее поклоняющимся. И Кэсэф заявил у жрецов Храма отдать чудотворную вещь ему, вызвав этим требованием ужас и смятение. Когда же жрецы отказали правителю в безумной просьбе его, Кэсэф призвал Стихии и сражался со жрецами за Корону, сражался беспощадно и долго, победив их всех своей огромной силой.

Когда же Кэсэф надел Черную Корону Иссеи, безумие проникло в него, сжигая мозг, иссушая тело. Ведь никто из смертных не мог пользоваться тем, что принадлежит богине. Просто не достало бы сил.

И тогда пришли наги, уводя с собой безумного императора, а Иссея с неба обратила на Ливию гневный взор, требуя вернуть Корону в Храм и угрожая словами, от которых сердце пронзали жаркие иглы. Многие пытались исполнить волю богини, но никто не смог одолеть Кэсэфа, за которым была безмерная сила и воинство безжалостных нагов. Только зря умирали отважные, лучшие из либийцев, даже не сумев увидеть блеск Короны богини. Иссея отвернулась от некогда возлюбленной страны, переполненная гневом и смертельной обидой. Перестали идти дожди, уходила вода из рек, обнажая каменистое дно, и начала желтеть трава на лугах. Листва с деревьев облетала, высыхая, не коснувшись еще земли. Злое солнце смотрело с бледного неба, словно чистая лазурь небес была обожжена гневными лучами. Даже облака не появлялись, чтобы пролить каплю воды на трескавшуюся землю.

И поклялась Дарующая Жизнь, что будет так до тех пор, пока не вернут ее Черную

Корону на алтарь Великого Храма.

А Кэсэф в самом сердце Либии строил город, тот город, который должен был стать оплотом его могущества и славы, но стал лишь знаком безумия. Наги помогали ему, склоняясь покорно как слуги. Змеетелые ходили по пустеющим городам и селениям, хватая когтистыми лапами людей, обращая их в жалких рабов и ведя вереницами в каменоломни. Кэсэф же не замечал ничего, одержимый мечтой о великом городе — городе Кара-Маат. Все мнилось ему, что станет он богом, всемогущим и бессмертным, как только Кара-Маат будет построен.

Страна же совсем разваливалась. Пески засыпали дороги, не было на них ни звонких колесниц гонцов, ни тяжелых, богатых караванов. Даже в славном Намфете забыли, что рядом есть любимая некогда богами Хемифия, щедрый Аднохор и Гефахас — песок и печаль лежали на улицах их, площадях, под портиками храмов. Варвары насмехались над великой страной, умирающей из-за безумия и жадности правителя. Но Кэсэф не замечал ничего, продолжая строить проклятый город, в стенах которого будет жить только смерть.

Посреди Кара-Маат Кэсэф заложил храм, который должен был стать храмом нового бога — его самого, кровавого хозяина Короны Иссеи.

Он строил храм из черного мрамора, и наги, пришедшие к нему, помогали складывать ступени к вершине его безумства. Они украшали храм золотом и драгоценными камнями, принесенными из покинутых городов Либии, а маги Кэсэфа писали на стенах рунные знаки. И были там руны Старшего Фрутарха. Руна Феу была выложена серебром, руна Уруз — сверкающими на солнце алмазами, руна Ансуз Ас из кровавых рубинов смотрела глазом Маро, руна Тейваз Тюр сияла синим огнем аютанских сапфиров, холодным, как сердце проклятого, руна Дагаз изгибалась черным гагатом, а руна Перт была выложена из изумрудов, напоминающих о боли зеленых трав, которые уже сожжены.

В одну ночь Кэсэф создал каменные статуи с человеческими головами и телами подземных уродов, поставив их около гробницы. Стихия Огня давала жизнь големам, и пламя превращало в черные хлопья любого, пытающегося войти в двери, расписанные алыми страшными знаками Ши.

Когда строительство храма было закончено, Кэсэф убил всех людей, служивших ему. Наги помогали творить казни, со змеиной негой лакая теплую кровь. Правитель снова не видел ничего, кроме своей пирамиды, только пальцы, вздрагивая, тянулись к черным алмазам Короны. Сама же Корона вросла в череп его, забирая последние остатки разума.

И никто бы не знал о сказанном, если бы ни один чудесно спасшийся раб. Дрожа от страха, он долго хоронился в дюнах, надеясь украсть достаточно воды и пищи, чтоб пережить дорогу под жестоким солнцем.

Видел он, как Кэсэф замуравал в стенах черного храма длинные лоскуты полотна и чаши с серым порошком. Видел он, как маг зажигал в золотых чашах благовония и читал молитвы неведомым богам. Слышал он, как Кэсэф призывал ужасную Сехмет и имя Меритсегер звучало вслед за именем Маро. Дым из чаш поднимался к бледному небу, свиваясь кольцами, рисуя непонятные знаки над желтым песком. На шестой день на глазах его Кэсэф вошел в храм, и големы сомкнули щиты, заслоняя дверь, расписанную знаками Ши. Больше колдун не вышел, запечатав вход своими заклятиями, против которых не мог устоять никто. Храм окружили огромные змеи, похожие на кольца черного жирного дыма, и их лоснящаяся чешуя скрипела, когда они ползали по песку. Все это видел жалкий ничемный раб. Бежал он оттуда, шел через пустыню, пытаясь выйти к Великой Реке, и не

было у него ни глотка воды, ни куска лепешки. Солнце жгло его кожу, покрывая ее волдырями. Но он пришел к руинам Великого Храма Иссеи, упал к ногам ее, заливаясь слезами и шепча горькие молитвы. И повелела Дарующая Жизнь записать им виденное. Только не было у него сил...

Я, последний жрец Иссеи, оставшийся в этой несчастной стране, встретил его, умирающего на ступенях храма. На тех самых ступенях, к которым когда-то приходили за излечением и находили его. Но сейчас все, что я мог предложить несчастному, это чашку воды, набранной у разбитого бассейна. И он умер у меня на руках, рассказав о Кара-Маат, в котором проклятие и наше избавление.»

— Скажи мне, многоумная госпожа Пэй, — Голаф встал со скрипом с дивана и прошелся по каюте, разминая отекавшие руки. — То, что записано здесь, может быть правдой?

— Магистр Варольд обещал, что в этой истории довольно много правды. И я, вспоминая кое-какие свидетельства Некомарха, пожалуй, соглашусь с ним, — она свернула пергамент и положила его на стол.

— Тогда, это очень интересная история. Если бы знать, где искать этот шетов Кара-Маат. Либийская пустыня огромна, и, наверное, за столько лет много неглупых людей пытались найти недобрую обитель Кэсэфа, — рейнджер прислушался к голосам на палубе.

За чьим-то хохотом послышался восторженный визг Бирессии.

Глава девятая. Два нехороших муля

Полное безветрие держалось третий день. «Фарилия» сонно дрейфовала в нескольких десятках лиг от Пернайских островов, торчащих на горизонте вершушками сизых скал. Медленное течение понемногу относило ее на запад. Вдобавок стояла такая жара, что даже боцман впал в унынье — лежал, повернувшись на бок, в тени под тентом и молча глядел на морскую гладь. Матросы, устроившись на циновках, играли без прежнего азарта в кости, вытирая грязными рубахами пот и с некоторым наслаждением вспоминая хладный ветерок, длинные сосульки на вантах, случившиеся очаровательным колдовством госпожи Пэй.

Голаф Брис почти не спал минувшую ночь: мысли, что Давпер уже в Ланерии и имел достаточно времени решить свои мутные вопросы, решить и отчалить к Карбосу, — эти мысли сначала навязчиво тревожили его, потом начали бесить. Рейнджер, взъерошенный, с мятым, будто после рьяной попойки лицом, выскакивал на палубу и долго смотрел на призрачную линию Пернайской гряды, за которой до Рохеса оставалось каких-то восемьдесят дразнящих лиг. А неф все стоял недвижимо в море, и небо было по-прежнему насмешливо-ясным. Потом Голаф возвращался в каюту, тихо, с шипением злого вильсского ветра ругался, хватаясь за рукоять меча, начищенного за вчерашний день и долгое утро до солнечного блеска.

— Голаф, чего ты вертишься? Прямо кобель на веревке, — Астра собрала со стола гадальные пластины двумя стопками и завернула их в кусок толстого бордового бархата. — В порту еще Давпер. И никуда пока не собирается. Уверена, что дела его не лучшим образом. С кораблем какие-то проблемы.

— А Анита? — нервно спросил он, прислонившись к ее плечу. — Что еще твои знаки говорят?

— Да, шет знает, что они говорят! Хорошо все с твоей Анитой. Любовник у нее есть влиятельный и о тебе она думает меньше всего, — мэги встала, взяла со шкафа свой дорожный сундучок и со стуком опустила его на табурет. — Чтобы ты еще более успокоился, дорогой, я решила сама отправиться на Рохес. Помогу Давперу там покрепче увязнуть, может и Аниту смогу освободить. Вообще, надоело мне здесь.

— Теперь что ты выдумала, госпожа Пэй? — Голаф с недовольством наблюдал, как она извлекает фигурные свечи, деньги и мешочек с порошком. — Хочешь вызвать весса? — не дождавшись ответа, переспросил он.

— Разумеется. Не вплавь же мне до острова. Триста сальдов я возьму с собой, — она отсчитала монеты и ссыпала их в удобный кошелек Бугета. — Остальное пусть здесь лежит. Смотри, аккуратней с моими вещами, Голаф. И очень осторожно с кристаллом! Когда свечи потухнут, завернешь его ласково в ткань и положишь на место.

— Не нужно тебе на Рохес самой. Послушай меня, — рейнджер крепко сжал ее локоть и наклонился, касаясь губами растрепанных рыжеватых-черных волос. — Ланерия, да любой портовый город, это всегда пиратское гнездо. Люди Хивса найдут тебя в два счета. Выследят ночью или неожиданно из-за угла — ты и вскрикнуть не успеешь.

— Мне нужно на Рохес. И тебе нужно, чтобы я там оказалась скорее. Я знаю, что делаю, — Астра извлекла Лучистую Сферу и посмотрела кристалл на свет. — Чудо какой хороший! — восхитилась она. — Магистр знает толк в этих штучках.

— Если бы ты не была мэги, и такой безумной и опасной, я бы отшлепал тебя по

заднице. — Голаф понимал, что отговаривать ее бесполезно, наверное, так, как просить милости у глухих богов. — Да, по этой сладкой, как у девчонки, заднице, — повторил он, опустив руку и с вожделением обводя выпуклости ниже ее спины.

— Оскорблять меня? Сукин ты пес! Хорошо хоть помнишь, что я — мэги, — встав на цыпочки, она прижалась к Брису, водя горячими ладонями по его спине. От поцелуя немного закружилась голова. — Все, хватит, Голаф. Все, все! Ступай отсюда, — она подтолкнула его к двери и добавила. — Как «Фарилия» прибудет, я постараюсь быть на пристани. Хотя всякое может случиться... А ты все равно в порту дожидайся. И аккуратнее с моими вещами!

— Только постарайся быть разумной и осторожной. У тебя всегда с этим нелады, — остановившись на пороге, Брис еще раз оглядел ее посветлевшими вдруг глазами. — Я тебя люблю, мэги. Иногда даже сильно.

Для создания надежного охранного круга каюта была тесновата. Неприятным еще оказалось то, что корабль потихоньку смещался течением, а это означало, что портал тоже мог сдвинуться в сторону или быть неустойчивым — захлопнуться в любой момент, слишком разрастись линзой пограничного слоя. Астра понимала, что из-за этих особенностей ей следовало поторопиться в последней части ритуала и не затягивать объяснения с вессом.

Красивые фигурные свечи, которые она купила перед отплытием, украшенные выпуклыми знаками Го, пылали высокими языками, почти не дымя. Мэги поставила Лучистую Сферу у края стола и положила под ней пятисальдовую монету, потом передумала, выгащила из кошелька кольцо Керлока — все же серебро эклектика было чище того, что использовали жулики на монетном дворе Иальса. На миг она в сомнениях задумалась, насколько уместен здесь топаз, украшавший кольцо мутно-голубой каплей, но решила, что риск не велик и, рассыпав по медвежьей шкуре немного приманки, зачитала заклятия.

Лиловое свечение появилось рядом со стенкой шкафа, потекло волнами на пол.

— Идиш-портал-спелл! — произнесла Астра, протянув руку к расступавшемуся неровным светом пространству. Яркий золотистый луч вычертил контуры Двери, пограничный слой выгнулся, образуя мерцающую спиральными линиями линзу. Мэги бросила щепотку приманки в огонь и призвала проводника.

Весс не появлялся. Не появлялся долго. Воронка портала начала медленно смещаться к пределу охранного круга, и Астра заволновалась, щедро сыпанула порошок, снова заговорила звучные слова призыва.

— О, прекраснейшая! Приветствую и весь трепещу! — Херик вывалился неожиданно, присел и тут же стал на задних лапах, вытянувшись во весь рост. — О, моя неповторимая, возлюбленная мэги Астра! — его свекольные глаза порозовели, к груди он прижимал нечто похожее на дохлую змейку с бурыми шипами на теле и пышной сочно-красной кистью на месте головы.

— Ты свихнулся? Какая я тебе возлюбленная?! — Астра прикрыла ладонью рот, чтобы не рассмеяться от его слов и серьезного, вместе с тем потешного вида.

— Я так долго ждал! Повторял твое обещание и ждал, когда ты меня соизволишь вызвать! — весс огляделся, неуверенно шагнул на медвежью шкуру, принюхиваясь, опустился на четвереньки и шустро подполз к ней.

— Я тоже долго ждала! Ждала, пока ты, наконец, проснешься в своем логове. Два раза

заклятие читала! — Астра схватила его за вздыбившуюся на холке шерсть и притянула к себе. — Мы на корабле, между прочим. Портал смещается и сейчас выйдет за охранный круг.

— На корабле?! Ох, как чудно! Восхитительно! Меня никогда не вызывали на корабль! Ни одна стерва! — искренне признался он, глаза его тут же набухли, как перезрелые вишни и он поспешил добавить: — А можно хозяек, что были до тебя я буду называть стервами? — уткнувшись в край юбки, весс лизнул голые колени мэги и, сопя от удовольствия, поднял мордочку со свисавшим низко мокрым языком. — Да, старыми облезлыми стервами.

— Можно, Херик. Даже нужно, только об этом при случае я сообщу Изольде, — потянув его за холку, она направила его к мерцавшей фиолетовым светом Двери. — Нужно поспешить, звереныш.

— Как подло, госпожа! Предательски бесчестно! — завизжал он, стараясь вырваться и стать на задние лапы. — Я же говорил так из редкостного доверия! Доверия к твоей благородной душе! Тебе даже подарок принес! Вот! Слезно умоляю принять!

— Епть, это я уже видела. — Астра брезгливо оттолкнула штуку похожую на дохлую змейку с кисточкой, зажатую в его когтистых пальцах. — И в голову не пришло, что это для меня! На помойке подобрал? Епть! Епть! Портал у охранный круга! — она раздраженно топнула ногой — свечение пограничного слоя приобрело желто-оранжевый оттенок, и контуры Двери вытянулись к опасной черте.

— Госпожа! Это мандалинская роза! Из Мандалинской долины любви! Завяла всего чуть-чуть.

— Очень приятно! — мэги схватила подарок и, отшвырнув его под стол, толкнула Херика коленом к пространственной воронке.

— Какая ты злая, Астра! — сокрушался весс, сжавшись комком и падая в жерло туннеля. — А я хотел понравиться тебе! Хотел, чтобы ты меня погладила.

— Извини, Херик, — она обвила руками мохнатую шею и почесала подбородком его лоб между шишковатых рожек. От быстрого падения, холодный ком перевернулся внизу живота, всплыл к горлу. — Нам нужно было спешить. Конечно, я не ничего скажу Изольде. Ты же мне друг.

— Правда? — весс расслабился, замедлив полет, потянулся с кошачьей негой, стараясь поймать хвостом ее волосы. — Ах, госпожа! Ты так смешно шутишь! — он поднял голову, заглядывая в ее глаза. — Мне приятно с тобой! Только, я опять едва не умер со страху, — пальцы коснулись ее талии, нащупали кожаный пояс и кошелек, туго привязанный шнурком. — Добрая, красивая Астра... Хочешь, я не буду воровать у тебя кошелек? — спросил он, отдернув лапу.

Она кивнула, смяв ладонями его большие мягкие уши и борясь с подступившей тошнотой. Быстро вспомнились строки из книги Хаелорета, которые помогли в прошлый раз. Астра сосредоточилась, снова погружаясь в смысл хитрых слов либийца и переживая частицы его опыта. Коричневые стены туннеля с извитыми зелеными, как стебли растений, прожилками больше не мелькали перед глазами сводящим с ума потоком. Мэги ясно ощутила направление их движения, будто почувствовала каждый изгиб гигантского рукава, ощутила его продолжение и соединение с другими.

— Куда летим, прекраснейшая? — Херик вытянул лапы вперед, стараясь скорее проскочить место, где из тьмы выползал слоистый туманный шлейф — от него веяло пустотой и холодом застывшего времени.

— В Ланерию, мой трусливый гаденыш. Давай налево сворачивай, — Астра теперь не сомневалась, что родная Гринвея сместилась именно туда.

— Но госпожа, зачем сразу возвращаться? Не надо. Пожалуйста, не надо, госпожа, — недовольно запричитал vess. — Я хочу показать тебе что-нибудь красивое. Другой красивейший мир. Летим на Гаер? Там хорошо. Изольде очень нравилось!

— Шетенок, мне нужно на Рохес. Соображаешь? Для этого тебя вызывала, — мэги сжала коленями его горячее тело.

— Совсем ненадолго, добрейшая. Прошу! Как возмещение за пережитый мной страх и сильную сердечную боль, — он беспокойно задергался, снова потянулся руками к ее пояску. — Ведь рядом пролетаем. А Изольда любила! Ох, как любила! Совсем тебе не вру.

— Хватит об этом, Херик! Обещаю, потом мы с тобой еще пошалим, а сейчас мне нужно в Ланерию. Что за френ с крылышками?! — мэги привстала, глядя, как наперерез им из-за полос слоистого тумана метнулось шестилапое существо с продолговатой птичьей головкой и широкими полупрозрачными крыльями.

— Ай-я-й! — взвыл vess, описав кругую дугу и едва не наскочив на границу туннеля. — Это муть! Страшнейший муть! — Херик затрясся, бешено вертя головой, будто в поисках укрытия или спасительной лазейки в бесконечном и гладком рукаве хода.

— Что он умеет?! — Астре тоже передалась часть страха проводника. Она торопливо пыталась вспомнить хоть что-нибудь из книг Нумбуса о существе названом мулем, но на ум не приходило ничего подобного. — Чем он опасен? Говори скорее, шетов уродец! — мэги встряхнула его за уши и тут же заметила, что навстречу им летит еще одно чудовище, отличающееся от первого большим размером и темно-синей окраской.

— Все умеет! Пропали мы! Пропали, госпожа! — верещал vess, раззявив пасть и выкатив глаза. — Умеют все! Летают быстро! Потом плюнут, и мы сразу сдохнем!

— Заткнись! Держись ближе к стенке и прямо изо всех сил! — прикрикнула Астра. Она уж поняла, что проскочить мимо этих невиданных бестий им не удастся. Тварь, что была поменьше, с ядовито-зелеными полосами на брюхе, зависла совсем недалеко от них и, вытянув длинную ребристую шею, выбросила нечто похожее на плевок. Vess тут же метнулся в сторону. Другое чудовище быстро приближалось справа, изгибая с хищной грацией огромные полупрозрачные крылья.

— Фаершелид! — прошептала Астра, завидев, как муть раскрыл острый клюв, готовый исторгнуть струю опасной гадости. Едва он дернул шей, мэги развела пальцы, и круг огня со змеиным шипением принял мутно-серебристую каплю, вырвавшуюся из глотки чудовища.

— Ай-я-я! — заорал vess, судорожно сжавшись и падая к грибообразным выростам у границы тоннеля. Плевок второго монстра был точен. Астра, с опозданием заметив его, уже не могла поделать ничего. Через мгновение их накрыло густое облако, похожее на холодную серебристую вату. Херик дернулся последний раз и застыл, свесив язык, закрыв глаза. Его тело и лапы окоченели, будто у зарытого в сугроб мертвеца. Астра почувствовала, как облако ледяными иглами вонзается глубоко под кожу, сковывает движение пальцев, рук, даже шевеления сердца. Глаза слипались, мутнели от выступивших едких слез.

Услышав шелест крыльев, мэги повернулась. Чешуйчатая голова муля, тянулась раскрытым клювом к ней.

— Гадина! — выдавила мэги, подняла руку и со всей закипевшей вдруг злостью, ударила фаерболлом.

Ослепительный сгусток пламени вошел прямо в глотку чудовища с шипением, струями

смордного маслянистого дыма. Астра видела, как червеподобный язык уродливого существа свернулся обугленной спиралью, видела, как надломилась его длинная ребристая шея, затряслась в конвульсиях и лопнула брызгами огня и черной крови. Обмякшее тело чудовища полетело назад, к светившейся вдали красной полости хелтхата.

С противоположной стороны, сложив крылья, приближался другой муль, превосходящий размерами первого, с темно-синей блестящей кожей и яростным блеском в желтых глазах.

— Иди, иди сюда, выродок! — произнесла Астра непослушными, застывшими от мертвящего тумана губами. Она тут же подумала, что еще одного удачного выстрела фаерболлом у нее не выйдет — монстр не станет ждать, просто раздавит ее клювом или крючковатыми лапами.

Оттолкнувшись от неподвижного тела Херика, мэги отплыла к выростам, похожим на огромные сморщенные грибы и выбросила за собой фаершелид. Астра не видела, как тварь, в погоне за ней, налетела на огненный щит — слышала только шипение кожи и отвратительный визг. Протиснувшись между шершавыми ножками «грибов», мэги повернулась и призвала лайт — яркая как взорвавшееся солнце вспышка ударила перед глазами чудовища.

— Нравится? — с довольством спросила Астра.

Ослепленный муль пронесся рядом, бессмысленно выплюнув ватное облако, едва не задев ее острым краем крыла. Раскинув руки, мэги торопливо и жадно впитывала силу эфира.

— Авро-канья-фая-спелл! — она метнула в след монстру ревуций огненный шар — тварь, объятая пламенем, словно оброненный факел полетела к багровому зеву хелтхата.

Астра прислонилась спиной к мягкому, пористому телу «гриба», по лицу ее стекал пот, черными блестящими змейками волосы прилипли к щекам, душно оплели шею. Сердце, как чужое, рвалось из груди. Посмотрев на весса, свернувшегося безжизненным комком у края серебристого облака, Астра оттолкнулась ногами и полетела к нему. Силы ее рывка едва хватило, чтобы сдвинуть Херика с места. Вместе они отплыли к центру туннеля и неподвижно повисли там.

— Херик! Гаденыш! Милый гаденыш, очнись же! — она трясла его, схватив за рожки, заглядывала в глаза, пусто глядевшие из-под морщинистых век. Весс не подавал признаков жизни, хотя иногда казалось, что с губ его исходят редкие слабые вздохи.

— Херик, я убью тебя! Наизнанку выверну! Давай, шевелись! — мэги сильнее встряхнула его, обняла и порывисто сжала грудь. — Дыши хотя бы!

Вес по-прежнему не отзывался, был похож на мертвое соломенное чучело. Астра подумала, что в этом опасном месте им оставаться нельзя — второй муль, упавший в жерло хелтхата, был, несомненно, жив, лишь ослеплен на время и обожжен фаерболлом. В любой момент он мог вернуться, исполненный ярости, и тогда у нее не хватит сил защитить Херика да и себя.

Обвив ногами весса, мэги сложила ладони у подбородка и закрыла глаза, стараясь вспомнить, прочувствовать заново прошлый опыт, когда ей удалось управлять полетом и пограничным слоем над острыми пиками Каракона. Она начала читать по памяти «Украденную Вечность» Хаелорета, сверяя слова либийца со своими ощущениями. Где-то далеко и тихо возникло чувство движения невидимых потоков вдоль рукава туннеля, их завихрений у развилин и могучего вращения в близком хелтхате. Скоро Астре показалось,

что за зеленовато-бурой стеной хода она видит редкие оконца, ведущие в другие миры, скрытые плотной пленкой пограничного слоя. Гринвея была где-то справа. Далеко справа и смещалась, вытягивая тонкую пуповину, за желтхат, тонула в странных густо-лиловых облаках. Тут же мэги привиделось, что стенки туннелей становятся тонкими, прозрачными и за ними открывается вдруг бездна полная звезд, рвущая душу пустотой. Дико закружилась голова, по телу прошла колючая дрожь. «Увидевший бездну должен удержаться на ее краю, как мудрый перед искушением последнего глотка воды, когда дорога жаркой пустыней и длинна», — вспомнила мэги строки из книги либийца. — «Он должен смотреть и не видеть, потому что глаза его — суть раны, нанесенные беспощадным копьём страха. И путь его возможен лишь в течение праведных желаний разума. Желай умом своим, и чувства станут крыльями тебе».

— Мне нужны крылья, — прошептала Астра. Она знала, что в изменчивом междумирье родная ее Гринвея успела сместиться далеко, и путь лежал теперь через хаотические лабиринты желтхата. Но и оставаться здесь было бессмысленно и опасно. Будто в подтверждение ее мыслям в конце туннеля появилась синяя растущая быстро точка — полный злобы муль возвращался.

— О, Эта Добрейшая! — взмолилась Астра. — Помоги! — она вспыхнула желанием — желанием полета, за которым было спасение. Тут же, расчерченные извилистыми прожилками, стены поплыли назад. Быстрее и быстрее, сливаясь в зеленовато-бурые стремительные струи. Сжав ногами бесчувственное тело Херика, она понеслась по гигантскому рукаву хода к обозначившейся впереди развилине.

Чудовище не отставало и скоро начало нагонять их. Мэги представила, что сил ее хватит на три-четыре заклинания, которые вряд ли уничтожат могучую шестилапую тварь. До самой развилины длились округлые гладкие стены туннеля — здесь не было возможности укрыться, как в прошлый раз, среди грибообразных выростов. Нельзя было сосредоточиться и нанести точный эффектный удар. Заслышав свистящий звук, Астра обернулась и увидела, как капля-плевок муля развернулся позади нее ледяным облаком. Сама тварь была уже близко. Желтые глаза ядовито блестели над раскрытым клювом. На крепком лоснящемся теле и крыльях виднелись пепельные следы ожогов.

Мэги попыталась ускорить полет, по старой привычке сжимая коленями мохнатые бока весса и потянувшись желанием, всем телом вперед. Будто бы получилось — ветер междумирья злее ударил в лицо, развилина приблизилась, мерцая сдвоенным багровым горлом, но скоро крылья муля снова зашелестели за спиной. Недалеко слева Астра заметила пятно бледно-голубого тумана и догадалась, что это вход в один из средних миров.

— Туда! Скорее туда! — решила она, в этот миг не слишком задумываясь, что ее ждет в чужом мире. Спасение виделось ей только в одном — скорее уйти от чудовища.

Пограничный слой набежал, как холодная упругая волна и тут же вытянулся пузырем. Сквозь редеющую дымку проступили горы с линиями слоистых скал. За фиолетово-синим морем начиналась равнина с круглыми холмами вдалеке, высоким лесом и блестящими на солнце изгибами рек. Херик вдруг шевельнулся, засопел, потирая лапой нос.

— Слава тебе, Добрейшая! — прошептала Астра, дернув весса за уши и замедляя полет. Она старалась тянуть пуповину междумирья ближе к земле, выставив вперед руки, мысленно обращаясь к полезным указаниям книги Хаелорета. Уже когда вокруг замелькали ветви деревьев, и открылся обширный луг, пограничный слой надорвался. Херик рухнул в траву, Астра с размаху села на него, при этом сдавленные внутренности весса родили жалобное

рычание и отвратительный запах.

— Госпожа... — простонал Херик, приподняв голову и озираясь. — Госпожа, мы умерли? Да... вижу — это Гаер, — он встал на четвереньки, задрал хвост. — Я умер, и Гладкая и Душистая отправила меня на Гаер! Прекрасный Гаер!

— Нет, трусливый гаденыш, ты не умер. Ты просто обосрался. И воняет так, что меня стошнит сейчас, — сморщив нос, Астри поспешила отойти в сторону. — Фу, как некрасиво это, Херик. Иди, помой свой зад! — она указала на ручей, блестящий между камней.

— Мне стыдно, госпожа. Очень стыдно! Наверное, лучше бы я умер, — опустил виновато голову и кончики ушей, он поплелся к журчавшей недалеко воде, но через десяток шагов остановился и изумленно спросил: — Но, добрейшая Астри, а где же мули?! Ведь были мули? И как мы попали на Гаер?

— Нет твоих мулей. Поджарила я их, как цыплят. Ага. А потом пришлось тебя за хвост волочить к ближайшему уютному миру.

— О, величайшая мэги! Мэги Астри Пэй! Мулей победила! — взвизгнув от восторга, вес бросился к ней. — Страшнейших мулей! И сама к Гаеру летела!

— Да уйди же ты! — оттолкнув его, она отбежала на тропинку, ведущую через пригорок к видневшимся вдали розовато-желтым скалам.

— Прости, добрейшая Астри! Это я от сильной любви. Сейчас же иду задницу мыть, — он поспешил к ручью и рассуждал по пути, как будет похваляться перед Членгрином и Писхулезом подвигом своей красивой хозяйки, конечно же, приврав чуточку. А может и еще чуточку. Лучше будет сказать, что мулей было пять или шесть. И двоих порвал на куски он сам. А потом он и Астри праздновали победу в заповедной роще Гаера. Да, точно там, нюхали волшебные семицветы, облизывали свежие яйца бульбоглотов, и прекраснейшая мэги позволяла гладить, щекотать свое голое тело. Исключительно так — даже сама слезно просила об этом. А потом... потом он лизнул ее мокрую складочку и даже засунул в нее язык, и мэги верещала от восторга.

Чтобы лучше оглядеть окрестности, Астри поднялась на возвышенность. Слева росли деревья с длинными, тонкими листьями, свисавшими до земли, как лоскуты яркого шелка. Дальше тропа вилась меж рыхлых камней, поднималась круче к подножью слоистых скал, встававших изломанной стеной на фоне голубого с зеленоватыми разводами неба. Там же виднелся замок или небольшая крепость, вжавшаяся в тело утеса ржавыми гранеными башнями. Кое-что о таинственной силе гаеряньских магов Астри помнила из рассказов Изольды и сказочных историй Нумбуса, поэтому решила пока не торопить встречу с ними. Она свернула с тропы на луг, поросший низкой сочной травой с красными горошинами ягод. Возле каменных плит, сложенных пирамидкой, качались чаши восхитительных золотистых цветов, наполнявших воздух свежим ароматом и еще будто звоном, не воспринимаемым слухом, но как-то волшебным волновавшим чувства. Чуть дальше в тени редколистных акаций играли козлята, покрытые пушистой розовой шерстью. Они подпрыгивали высоко, бодали друг друга рожками и мило блеяли, катаясь по траве.

— Чудесен Гаер, шет, а! — Астри с тихим восторгом наблюдала за озорством потешных животных, потом направилась дальше через луг, сорвала пару цветков, росших возле пирамидки. Тут блеянье козлят затихло. И разом перешло в рычание.

Двое ближайших зверенышей ударили копытами в землю, опустив маленькие но острые рожки, побежали к мэги. Другие, задрал головы, заревели возмущенным хором, потом бросились следом за двумя первыми.

— Ах, козлики сучьи! — едва успела вскрикнуть Астра, как один подскочил к ней и вцепился зубами в подол платья.

Удар крепких рожек ссади, привел ее в ярость. Следом затрещала ткань, и от юбки осталось лишь несколько лохматых лоскутов. Розовые козлята с рычанием метались вокруг мэги, норовя вцепиться зубами, и сердито взрывая копытцами землю.

— Госпожа! Госпожа, беги оттуда! — завизжал Херик, высунувшись из зарослей у тропы. — Скорее! Я у портала покорно жду!

— ...фая-спелл! — взмахнув руками, выкрикнула Астра.

Стуток огня ухнул рядом, сжигая траву в рыхлый пепел. На козлят это произвело впечатление — они бросились врассыпную, высоко выпрыгивая и бляя, будто на скотобойне под ножом.

— Ну выродки рогатые!.. — Астра стояла, стиснув пальцы, пылающие магическим пламенем и злостью. От боли, обиды, такой неожиданной, глупой, на глаза набегали слезы. Наклонившись, она оглядела ноги, покрытые ссадинами, багровыми синяками и, еще раз выругавшись, медленно пошла к воронке портала.

— Не надо было цветы рвать, — сказал Херик, когда они провалились в лабиринт междумирья. — Это у них священные цветки такие.

— А платье рвать надо?! Какие ж сволочи! Подло как! — Астра подтянула обрывки юбки и начала старательно связывать их маленькими узелками. — Давай, Херик, скорее в Ланерию. Скорее!

Стены туннеля закружились, потекли с пугающей быстротой. По сторонам мерцали вспышки голубого, оранжевого света. Скоро за языками холодного тумана выросло слабо сияющее пятно, и мэги, успокаиваясь, почувствовала близость родного мира.

За тончавшим пограничным слоем появился Рохес: из гладкого, залитого солнцем моря поднимались ноздреватые скалы, выше лежали поля, виноградники, прямоугольники оливковых рощ. У подножья горы виднелась линия городских стен. Херик спустился ниже, все медленнее скользя по зыбкой границе Гринвеи и темного коридора междумирья. Городские стены остались позади, за ними раскинулись мощные серым бульжником улицы. Дома спускались рядами к бухте, на холмах сияли древние храмы и огражденные колоннадами алтари.

— Астра, вызовешь меня скоро? — задрал голову, жалобно спросил весс.

— Вызову, зверенок. Вот утрясу неприятные дела и вызову. Может и раньше того. За тот дом давай, — она указала на невзрачное двухэтажное здание, решив, что отсюда недалеко до порта и пока не имеется ненужных свидетелей ее прибытия. — В этом проулке спускайся.

Обняв на прощанье весса, Астра спрыгнула на землю, по привычке отряхивая оборки юбки, но вместо этого шлепнула себя по голым, саднящим от синяков и царапин, ногам, едва прикрытым кружевами нижней рубашки.

— Проклятые козлики! Шет дери, почему я опять должна появляться в чужом городе как последняя оборванка?! — спросила она, придерживая обрывок платья, волочившийся по земле.

— Действительно, — хмыкнула девушка стоявшая с корзиной в проеме двери. — Как идиотка собаками дранная.

— Знаешь что! — Астра уперла руку в бок и вскинула голову, недобро глядя на нее.

— Что? — любопытствовала та, поставив корзину на ступени.

— А ничего! — мэги вдруг подумала, что лучше не начинать знакомство с Ланериеей бесполезной ссорой. Да, Голаф просил ее быть немного осторожнее, хотя желание проучить мерзавку зудело на кончиках горячих пальцев.

— Ничего, так ничего. Ступай с моего двора.

— И, пойду, представь себе! — Астра направилась к проулку и, обернувшись, спросила: — Скажи мне, многоуважаемая, где здесь поближе платяная лавка. Только самая лучшая.

— Поблизости лучшая за Коралловой площадью, если тебя туда пустят, — ответила ланерийка, сойдя со ступеней. — За углом налево повернешь.

— На, девочка, пряников себе купишь, — Астра вытащила из кошелька пятишилдовую монету, небрежно бросив ее, пошла дальше.

Над крышами домов, высоко встававших с двух сторон, мелькали тонкие крылья стрижей, и где-то рядом слышался тихий плеск моря. Не глядя на прохожих, с достоинством принцессы придерживая оторванный край юбки, Астра направилась по брусчатке вниз и скоро вышла к указанной площади. Примечательностью этого места считался храм Эрисы, поднимавшийся за полукругом колоннады беломраморными стенами с великолепным лазуритовым фризом. В центре площади находился фонтан, брызжущий струями из отверстий в фигурах розового коралла. У его чаши играли полуголые дети, рядом на парапете под платанами сидели уставшие от жары горожане, смуглые матросы в широких рубахах и синих, до щиколоток, штанах, нищий сброд, цеплявшийся неизменно-требовательной фразой «Дай монетку!». Народ здесь собирался в ожидании свежих сплетен, деловых разговоров или полезных знакомств. Поодаль, от начала аллеи, ведущей к порту, цокали копытами кони, запряженные в колесницы и торговые повозки, изредка проплывал разукрашенный цветными перьями паланкин.

Не задерживаясь в толпе, Астра миновала площадь, вышла на улицу, изгибавшуюся круто к холму, и уже там по вывеске на ярко расшитом полотнище нашла салон модного платья господина Гекроса. В большом зале, разделенном рядом перегородок, пахло цветами лаванды, сандалом и курениями, дымившимися в бронзовых чашах. Из ниш справа смотрели голубым взглядом статуи Сафо, одетые изысканно и привлекательно, там же у витрин, обрамленных складками рыхлого красного бархата, беседовали какие-то люди.

— Госпожа! Госпожа, вам чего? — встретил посетительницу служитель салона, проворно подбежавший к двери.

— Мне? Платье. Мимо я тут проходила, и вот решила поменять, — приподняв свисавшую бахромой полу юбки, Астра решительно шагнула на ковровую дорожку. — Да, поменять, шет его дери! Не видите что ли?

— Но, госпожа, салон господина Гекроса... — начал неприятные объяснения человек с примерочной лентой.

— О, мэги Пэй! Вы, как всегда, в одной поре, — прервал растерянного ланерийца Давпер. — Снова дорога извилистой оказалась? Вам так идет этот наряд! Склоняюсь в восхищении, — пират отвесил поклон, косясь на ее побитые, едва прикрытые нижней рубашкой, ноги.

Астра на мгновенье замерла — предстать прямо здесь, сейчас в таком виде перед злейшим врагом, да еще слышать столь едкие насмешки, она никак не ожидала. Сердце сжалось горячим комом, и воздух рванулся из груди.

— Гринх скрюченный! Я убью тебя сейчас! — она прыгнула к Хивсу и вцепилась ногтями в его шею. Кружевной воротник, выдранный с лоскутом камзола, отлетел на пол.

Тут же она увидела капитана Мораса, метнувшегося к ней от стойки, увешанной мужскими пелисонами. У прилавка истошно завизжала старуха, взмахнула руками, и чепчик слетел с седой головы. Часть посетителей салона отхлынула к стене, другие, возгоревшись любопытством, повыскакивали из-за бархатной портьеры. Оттуда же, краснея лицом, выбежал Гекрос.

— Не сумасбродствуйте, госпожа Пэй! — Морас, держа наготове острую костяную трость, жестко сдавил ее руку. — Мы с добрейшим отношением к вам!

— И очень настаиваем обсудить кое-что! — держась за расцарапанную шею, Давпер отскочил на шаг и снова бросился к мэги. — Обсудить в более подходящем месте! — он старался схватить ее свободную руку, вокруг которой появилось опасное голубоватое сияние. Электрический разряд ударил судорогой, жгучей, как укус анрасской гадюки, но Хивс устоял, сдавил запястье мэги и яростно выкрутил ее тонкую руку назад.

Словно под ударом хлыста, платье разошлось на спине и груди. Вскрикнув от боли, отчаянного бессилия, Астра упала на колени. Заклятие костью застряло в высохшем горле, так и не успев превратиться в громовой тандерболт.

— Сволочи! Какие ж сволочи! — взвыла она, пытаясь вырваться. Из глаз потекли слезы.

— Сумасшедшая какая-то! — испугано простонала дама в зеленой накидке, пятась к господину Гекросу.

Помощник торговца нервно намотал ленту на побелевший кулак. Ропот за его спиной нарастал, будто штормовая волна.

— Господа невежливые, ну-ка пустите ее! Немедленно! — потребовал человек в синем рохесском мундире, твердо шагнув к Хивсу. — Очень не мило так с девушкой, шет бы вас!

— А вы не лезьте сюда! — пыхтя и краснея, огрызнулся Хивс.

— Я сказал, оставить ее! — неожиданный заступник, ловко выхватил короткий меч и, прищутив черные строгие глаза, упер острие в живот гилена Пери.

— Нехорошо так с девушкой! — сдержано вмешался хозяин салона.

— Дурь получается! Если и оборванка, так руки ей выламывать?! — вторили ему голоса еще.

— Вы плохо представляете, с кем имеете дело, — заметил Морас, отпустив расцарапанное запястье мэги и угрожающе подняв трость. — И даже вообразить не можете, что это за девушка.

— Я сожгу вас, сожгу, как!.. — содрогаясь от гнева, Астра вскочила на ноги.

Давпер тут же попятился к выходу.

— Пожалуйста, не надо, милая госпожа, — ланериец в синем мундире, опустил меч, несильно и твердо придерживая ее за оголившееся плечо. — Не знаю, что здесь между вами, но не надо так.

— Не знаете?! Это пираты! — все еще норовя свести счеты, Астра вытянула руку к побледневшему Хивсу. — Скоты просто! Они моего друга убили! Их корабль в порту! «Наг»! Там... — она задыхалась от непокорного желанья, пустить фаерболл, обжигавший сведенные пальцы. — Там у них в трюме женщины похищенные! Я перед Архором поклялась отомстить! Епть, вас я!..

— Вот же идиотка! — открыв ногой двери, Давпер выдавил смех. — До скорой встречи, мэги Астра! Очень скорой!

— Анита, идемте быстрее, — капитан «Нага» обернулся, дожидаясь высокую блондинку, стоявшую в растерянности у окна. — Идем же!

— Анита Брис? — тяжело дыша, страдая от боли в беспомощно повисших руках, Астра шагнула навстречу, стараясь загородить ей проход. — Анита Брис? — повторила она, замечая, как на виске Мораса вздулись от напряжения вены, и морщина прочертила его лицо.

Девушка ничего не ответила, прижимая к груди сверток с шелковой туникой, прошла мимо и только задержалась у двери, чтобы коротко взглянуть на мэги большими бледно-голубыми глазами.

— Не ходи с ними! Ну, постой же! — выкрикнула Астра, но дверь захлопнулась, отрезая ее слова.

— Успокойтесь, вы, пожалуйста, успокойтесь, — мужчина в рохесском мундире взял ее за локоть. — Если верно, что вы говорили, то я сегодня же попрошу надзирателя порта о проверке. Посмотрим, что в трюмах их корабля. Обещаю. Мое имя — олен Ренайт Трим.

— Астра Пэй, как вы слышали. Проверку... Какая ерунда... И где я смогу вас найти? — почти безразлично спросила она, отошла к плюшевому креслу между колонн и тяжело села. В голове гудело, перед глазами кружились зеленовато-темные пятна.

— Мы это обсудим чуть позже. Господин Гекрос, подыщите, пожалуйста, для нее платье, — сказал он хозяину, засуетившемуся у прилавка. — Хорошее платье. Я все оплачу.

— Думаете, у меня нет денег? — Астра потрогала свисавший с пояса кошелек, мысли, словно крылатые твари, носившиеся у виска, больно царапали ее. Она упустила Давпера! Еще хуже — пират ушел вместе с Анитой! Такого удобного случая могло больше не представиться. Может быть, стоило прямо сейчас сорваться с места и бежать за ними — плевать на порванное платье, на ноющие, непослушные руки, на салон, на прохожих, насмешки, на всю Ланерию разом, и на все, что будет потом! Вокруг толпились какие-то люди с ядовитым любопытством разглядывающие ее, олен что-то объяснял торговцу и его помощникам, старуха и ее провожатые поторопились к выходу, а мэги сидела, поджав ноги и горько переживая свой позор.

— Вот это вам подойдет, госпожа Пэй, — вопросом или несмелым утверждением прервал ее мысли хозяин салона.

— Да, это смотрится очень неплохо, — согласился Ренайт Трим, разворачивая муслиновый наряд, расшитый хемфийскими узорами, с волнистыми оборками внизу. — И совсем хорошо будет именно на вас.

— Благодарю, я сама выберу. И сама заплачу. Я все привыкла делать сама, — смахнув волосы, прилипшие к лицу, она встала, подошла к прилавку, во всю длину которого висело множество добротных, простых и богато украшенных одежд.

Когда они вышли из салона Гекроса, близился Час Раковины. К ступеням храма, очерченных двумя рядами высоких пальм, тянулся народ, и было там видно немало иноземцев: чернявых аютанцев в пестрых халатах и коротких шароварах, болтливых ширдийцев, торговцев и моряков с Мергии, встречались статные либийцы с темными лицами и бритыми головами. Жрецы уже начали службу, за долгим гудением рога, во внутренней части святилища послышалось пение.

— У вас хороший вкус, госпожа Пэй, — сказал Ренайт, поглядывая искоса на свою спутницу. — Этот наряд действительно подходит вам больше других. А мы с Гекросом навязывали одеяния богатые только ценой.

— Благодарю, олен. Я удивляюсь, что меня не выставили сразу за дверь. В том виде, в котором я пожаловала, меня вполне могли принять за сумасшедшую, — Астра сама была

довольна покупкой — удобное в дороге платье из легкой, прочной ткани с темно-золотистыми цветами хорошо облегалo фигуру и не сковывало движений. Настроение еще подняла чашечка вина с корицей, которым хозяин салона заботливо угощал их на балконе. В кошельке мэги оставалось двести тридцать сальдов — это тоже было приятным, хотя мысли о недавнем происшествии возвращались и потихоньку грызли ее.

— Очень сожалею, что я не смог уговорить вас принять его в подарок. Для меня такая сумма чистый пустяк, а вам бы деньги оченьгодились, тем более, если вы собираетесь остановиться в дорогой таверне. Знаете, госпожа Пэй, — ланериец замедлил шаг, поправляя сползавшую на лоб бархатную шляпу, — а у меня есть маленький домик возле Высоких садов. Сейчас там никто не живет, кроме прислуги. Я подумал, что вам было бы вполне удобно поселиться в нем.

— Еще раз благодарю, но мне необходимо быть ближе к порту. К Давперу, если угодно. Это очень серьезно, господин Ренайт. Да вы и сам, наверное, это поняли, — она поджала губы, улыбаясь или скрывая раздражение оттого, что ей приходится объяснять еще раз то, о чем говорить не хотелось. — Ведь вы видели всю нежность наших с ним отношений.

— К сожалению, да. И поэтому, я все больше думаю о вашей безопасности. Но не смею настаивать, мэги Астра, — поспешно добавил он, уловив в ее похожих на темный эль глазах колючий бронзовый отблеск.

— Господин Рейнат, у вас есть немного свободного времени? Пройтись сейчас со мной в порт — я не знаю ваш город, — пояснила Астра, не сомневаясь, что предложение продолжить совместную прогулку Трим примет с радостью.

Так и случилось:

— Для меня это будет большой честью, — сказал он с подлинной рохесской учтивостью, розовея щеками и скруглив маленький рот. — На любое время я полностью в вашем распоряжении.

Солнце все ниже сходило к двери в ночь, море казавшееся мягким и золотистым, тихо поглаживало черные сваи причала и борта кораблей, стоявших во множестве на рейде. Дальше над отмелью, возле пирамиды маяка, еще мелькали чайки и быстрые альбатросы. К деревянным причалам подходили рыбацкие лодки, — там затевалась работа, пахнувшая солью, тяжелыми тушками тунца и настоящим серебром. У центральной части пристани дневная суэта поостыла: матросы и всякий портовый люд с вольными разговорами собирались на теплых гранитных плитах, охотливые до веселья шли в кабаки и притоны, которых были устроено здесь на всякие вкусы и с большим избытком.

Осмотрев издали «Наг», стоявший в полулиге, Астра и господин Трим направились в третью контору Морского Департамента. За то, что пиратский когг может покинуть Рохес до утра, мэги не беспокоилась — узкий выход из гавани закрывался на ночь цепями, проложенными между бастионами морской цитадели. Таково было неизменное правило со времен вражды с аютанцами, когда сагет-альская эскадра дерзко ворвалась в гавань и сожгла почти все корабли рохессцев. До утра Давпер выйти в море никак не мог, да и непохоже было, чтобы он спешил с этим. Начальник конторы, господин Наритон Бупок, доверительной беседе сообщил, что на «Наг», судно приметное и многим известное, пока не грузили ни провиант, ни бочки с пресной водой, и вообще лихая команда этого когга ведет себя совсем вольно, слоняясь в обнимку с портовыми девками или вдоволь заправляясь хмельным питьем. Так же Бупок открыл, что, возможно, уже завтра «Наг» станет не единственным судном пирата, потому как ходят слухи, будто в Суде Архора весы

справедливости совершенно невероятным образом норовят склониться в пользу Давпера Хивса. Тогда он получит в собственность трехмачтовый «Гедон», прежний хозяин которого умер год назад при странных обстоятельствах. Подойдя к окну, конторщик указал на величественный скуластый когг, стоявший на рейде поодаль от неарских каравелл.

— И с проверкой «Нага», боюсь, господин Трим, у нас будут некоторые трудности. При всем уважении к вам... — добавил Наритон Бупок, чуть покраснев. — Большие сложности. Дело в том, что у Хивса имеется документ, увещающий, что этот неприятный и вам, и мне человек находится на службе у самого гилена Красма Корина и им самим подписанный. Понимаете? Самим гиленом! — он мельком взглянул на своего гостя, его спутницу и поспешил отвернуться к окну. — Подчиненные мне надзиратели уже сталкивались с этим прямо вчера.

— Красма Корина? — изумленно переспросил Рейнат. — Этого не может быть! С каких пор пираты и воры находятся на службе и под покровительством?! Я лично переговорю с Красмом. Не поленюсь и к королю сходить!

— Ваше право и ваша честь, — согласился Бупок. — Если я только смогу вам чем-то помочь, то буду рад это сделать. Тем более после того, что мне довелось узнать об этом человеке.

— С Давпером и подобными ему бесполезно бороться, поминая часто только Право и Честь, — заметила Астра уже на выходе из портовой конторы и тут же подумала, что зря посвятила незнакомых ей людей в такую личную, запутанную историю.

Покинув припортовый квартал, Рейнат Трим проводил Астру к «Раковине Эрисы» — богатой таверне, соседствовавшей с амфитеатром Го и Розовыми купальнями. Это была одна из самых привлекательных, чистых и спокойных улиц Ланерии. Здесь часто прогуливались и назначали встречи люди, приближенные к королевскому двору, и район этот днем и ночью патрулировали гвардейцы. И самой госпоже Пэй таверна, расположенная в старом импозантном здании со статуями мраморных богинь, пришлась по вкусу. Прощаясь перед высокими, с серебряным рельефом, дверями, Трим поцеловал ее руку и сказал:

— Обещаю вам, Астра, ваш недруг получит сполна. Конечно, гилен Корин влиятельный человек. Я поговорю с ним. Если потребуется, обращусь к королю. Завтра ровно в час Воды я буду ждать вас у этих дверей.

— Благодарю за заботу, Ренайт, — мэги сжала его твердую руку и улыбнулась глазами. Наверное, впервые взгляд мужчины, чуть стыдливо задержавшийся на ее глубоком декольте, вызвал не раздражение, а некоторое смутное, еще необъяснимое удовлетворение.

— Буду рада видеть вас завтра.

* * *

Этот дом из неровных глыб известняка, не такой большой, неприметный среди множества похожих, тесно жавшихся друг к другу построек в кузнечном районе, не раз выручал Давпера. Были случаи, когда ему приходилось скрываться здесь самому, но чаще он прятал других. Например, гилену Энису Корин, бежавшую от козней мужа. Тогда они славно провели время. Капризная госпожа долго сетовала на беспорядок, ломящие голову звуки наковален за углом, и на отвратительное соседство кладбища, о котором ходили самые дурные слухи. Только в его объятьях все эти неприятности тонули разом, словно ветхие

лодки в шторм, а он сам не слышал ничего, кроме ее сладостных воплей. Здесь побывало немало пленников отнюдь не по своей воле. Многие из них нашли покой на близком кладбище, в темных склепах которого нет-нет да появляются страшные знаки Маро и сброшенные наземь могильные плиты.

Спустившись следом за Морасом в подвал, Давпер приветствовал эклектика почти искренне, прижав кулак к груди и с довольством глядя на бочки, полные серого блестящего порошка.

— Ну-ка, Бернат, покажите нам эту волшебную силу, — вежливо попросил он мастера. — Смелее, прямо здесь. — Он указал на угол стола, заставленного колбами, вещами из бронзы, стекла и железа.

— Вы все не верите мне, господин Хивс, — недовольно ворча, эклектик насыпал щепотку порошка и поднес дымящую лучину.

В сведущее мгновение случилась яркая вспышка, и стол содрогнулся с грохотом.

— Великолепно, господин Бернат! Просто великолепно! — Давпер подмигнул Морасу и довольно потер руки. — Так вы утверждаете, что такого бочонка хватит, чтобы разнести крепкую стену?

— Можете не сомневаться. В пыль разнесет. Секрет этого порошка знаю только я, господин Давпер. И только я могу произвести его в нужном вам количестве.

— А если бочонок побольше — много больше, и катапульта «Гедона»? — прервал его Хивс. — Что скажите, капитан?

— Не знаю, господин Хивс. Либийцы умели класть очень крепкие стены, — ответил Морас, растирая пальцами хрупкие крупы таинственного вещества. — Просто не знаю. Хотя, если не на Карбосе, то где-нибудь еще такая штука вполне пригодится.

— Бернат, ты должен в ближайшее время сделать этого пятьдесят больших бочек. Только тогда я тебя отпущу. Обещаю. И награда будет достойнейшей, — направляясь к выходу, заверил Давпер.

— И вы мне поможете вернуть «Песнь Раи»? — хмуро поинтересовался Бернат, ковыряя потрескавшимися ногтями бороду. Он знал, что ему все равно гнить в этом подвале, что бы ни говорил лукавый стервятник моря.

— Обязательно! Я сам прибью негодяя Свилга к мачте. Самыми толстыми гвоздями. Трудитесь, мастер, — Давпер кивнул ему и поднялся по лестнице к ожидавшему со свежими вестями Боту. — Что там? — спросил он, доставая коробочку с листьями мако.

— Очень все замечательно получается, господин Хивс. Она остановилась в «Раковине Эрисы». На первом этаже. Окна в сад, — выпалил пират, вытянулся во весь огромный рост и охнул слегка — рана спины, нанесенная рейнджером, еще давала о себе знать. — Цветочки внизу, кустики густые. И кабак, особенно кабак там славный. Ухоженная таверна, я вам скажу.

— А тот гринх кривой с ней?

— Ушел. Ушел почти сразу. Мои ребята его провожают, — Бот от удовольствия и кружки эля, проглоченной минутой назад, покрутил лицом.

— Хорошо, даже прелестно. Ступай тогда. Только не напивайся, свинья ты паскудная. И своим скажи. Чтоб ближе к утру все были наготове. Пусть руки помогут, прежде чем ее величество мэги трогать, — Давпер рассмеялся, запрокинув голову и чувствуя обжигающий вкус мако. — А знаешь, капитан, — он распахнул окно и, чуть помолчав, повернулся к Морасу, — я ее начинаю любить. Да, да... Все больше любить. Это превращается в хищную

страсть. О, Рена Пресветлая, что я с ней завтра сделаю!

Глава десятая. Плеть и Клещи Архора

Она спала крепко, только на исходе часа Маро из-за мрачного облака сна послышался шепот и чья-то возня. Потянув сползающую накидку, Астра повернулась на другой бок — капризный шерстяной покров снова сполз к ногам. И вдруг слетел с нее рывком.

— Рена, не мучь меня так, — вздохнула она. Открыв глаза, увидела, склонившегося к ней смуглое, морщинистое лицо. Первой мыслью было, что это аютанец, домогавшийся ее вечером в кабаке таверны. Астра хотела вскочить, но едва она шевельнулась, как острие ножа уперлось в ямочку на шее.

— Ш-ш-ш... госпожа, — прошептал незнакомец. — Не двигайся, если не хочешь кровью плевать.

— Ратим, руки вяжите, — донесся голос из-за его спины. — Покрепче! Чтоб глупости делать охоты не было.

Закусив губу и повернув голову, Астра разглядела крупную фигуру Бота в тусклом свете распахнутого окна. Еще с ночи пожара на складах в Иальсе, рыжебородого пирата она помнила хорошо, так, что дрожь пошла по телу. Кто-то старательно, сильно стягивал руки от локтей к запястьям, и кровь в венах билась, гулко стучала в виски.

— Будешь молчать? — спросил человек в рубахе с широким воротом, державший у горла нож. — Пока по-хорошему с тобой обходимся.

Мэги кивнула, но едва моряк убрал стальное острие, она рванулась и пронзительно закричала:

— Ворюги! Гады! А-а!

— Ратим! — Бот мигом перевернул подушку ей на лицо и навалился всей тяжестью. — Тряпку, Ратим! Сразу глотку надо было затыкать! Благороднейшие паладины, епть!

Затолкав обрывок скатерти со стола мэги в рот, рыжебородый поднял ее и, поставив на ноги, строго сказал:

— Смотри, дрянь, я с тобой нянчиться не буду. Если что не так, сразу пущу кровь. Уж до Хивса донесем, что останется. Поняла?

Глядя на него с ядовитой ненавистью, Астра отрицательно качнула головой.

— Нет?! — коротко снизу Бот ударил ее в живот тяжелым кулаком. — А теперь поняла? — бессмысленно переспросил он — как переломленная щепка мэги упала на пол.

В коридоре и в соседней комнате за стеной послышались голоса разбуженных постояльцев. Командир абордажной команды «Нага» торопливо вылез в окно. В дверь уже кто-то стучал. Помощники передали ему бесчувственное тело пленницы, и он, взвалив легко и небрежно ее на плечо, быстро зашагал через сад к воротам, выходящим к амфитеатру. От арены Го, выделявшейся на предрассветном небе тремя желтыми ярусами, они направились по улице вверх. Путь был неблизкий, и Бот скоро пожалел, что отказался от услуг извозчика, которого Григор рекомендовал, как человека неболтливого и сговорчивого за скромную плату. С другой стороны, тридцать сальдов, выделенные господином Давпером на это не особо хлопотное дело, были целее, их можно было потратить с большей пользой в кабаке той же «Раковины Эрисы», приглянувшемся ему из всех заведений щедрой Ланерии уютом и вкусом имбирного эля.

— Ратим, Шероб, — остановившись, окликнул командир абордажников, идущих впереди, — ну-ка снимайте плащи. У-ух, тяжелая стерва. Или я старею. Помню, таких по три

штуки таскал за раз.

— Так то, наверное, в постель, — рассмеялся Шероб, скидывая плотную шерстяную накидку. — С плащами что делать? Связывать?

— Связывайте. И вы ее теперь понесете, — Бот свалил мэги с плеча и прислонил ее полусидя к ограде дома с жестяной табличкой лекаря. Астра зашевелилась, шепча что-то губами, меж которых торчала скомканная тряпка.

— Бот, стража! — Ратим первым заметил гвардейцев Меча и Порядка, появившихся из-за угла.

— Надо ж, не спится свинячим детям, — старший пират смял бороду толстыми пальцами и скривился в предчувствии, что ему в лучшем случае придется расстаться с большей частью серебра Давпера. Драться с четверкой вооруженных неслабо мечников не особо хотелось, да и неизвестно, чем бы закончилась шумная потасовка в центре благочестивой Ланерии. — Будьте наготове, Ратим. Мэги переверните рожей вниз. Пойду с ними потолкую, но может и кости придется размять. А господину Давперу нам доплатить за лишние расходы и неприятности, — быстро решил он, направляясь навстречу к гвардейцам.

— Приветствую, справедливейшие, — Бот с легким поклоном прижал кулак к груди, поглядывая на худое, заостренное лицо старшего стражника с медным ястребом на шлеме. — Вас, видать, сам Архор послал. Только тут три негодяя драку учинить с нами пытались. Деньгу требовали. Ну и, вас заслышав, туда побежали, — он махнул в сторону Розовых купален.

— С вами драку? Что-то прибреживаешь, бородатый, — гвардеец со шрамом, стоявший слева, недоверчиво усмехнулся, покосившись на спутников Бота, — представить невинными жертвами людей столь лихого вида служитель порядка никак не мог и негромко подтвердил свои мысли старшему: — Брешет он, господин Вореан. Определенно брешет. С такими мордами, как у них, голодных волков пугать можно, не то что местных ножевых крыс.

— А сами что за люди? — прищурившись, спросил Вореан. — И с девушкой той что?

— Сами мы моряки, ваша доброта. Простые морячки с почтового неарского суденьшка. Извиняюсь, перебрали чуть. Ночью заплутали и вот до кэпа с повинной идем, — Бот неторопливо потянулся к кошельку, размышляя, что сказать о мэги, лежавшей, на счастье, до сих пор тихо.

— А девка что? — недовольно переспросил его страж со шрамом и шагнул ближе.

— А девка... наша она. Выпила кислого эля лишку, и ноги у нее отнялись. Облевалась и уссалась вдобавок. Несем ее. Не бросишь же... Вот возьмите, добрейшие, — он отсчитал десять сальдов и протянул начальнику караула. — От чистого сердца, чтоб принять чего веселого после службы, за честных моряков.

— Все ж вид у вас... — взяв монеты, Вореан качнул головой. — Нехороший. Вид грязных гринхов в порядочном месте. Ступайте поскорее отсюда.

— Ох, благодарствую за совет. Нечего нам здесь делать. Нечего, — дважды поклонившись, Бот побежал назад тяжелой трусцой. — В плащи ее и идем скорее, — бросил он растерянным абордажникам.

Положив мэги на связанные плащи, удерживая прочный камлот за края, пираты двинулись быстрым шагом за командиром.

От встряски Астра окончательно пришла в чувства. Светлеющее небо с розоватыми перьями облаков, раскачиваясь, плыло перед глазами. После жестокого удара в животе ворочался тугой ком боли, сильно ныло нижнее ребро справа, и гудело в голове. Она

пыталась ослабить узел веревки, почему-то думая о Голафе. Если бы рейнджер был рядом, если бы они были вместе в эту ночь, то, конечно же, подобного не случилось. Осторожный, трусоватый лишь с виду Голаф Брис... он даже в постель ложился с мечом и спал чутко, как хищный зверь, слыша кожей каждый звук. Впервые так сильно Астра ощутила себя всего самонадеянной глупой девчонкой, теперь беззащитной, беспомощной, полностью подвластной мрачной воле Хивса и его грязных головорезов. «Голаф, милый Голаф», — беззвучно простонала она, понимая, что чудо вряд ли повторится, рейнджер, даже если «Фарилия» прибудет сегодня к вечеру, не успеет ничем помочь, не сможет отыскать ее в чужом городе. Еще меньше надежд оставалось на олена Трима. Конечно, ланериец придет в назначенный срок и начнет искать ее, может быть, добьется проверки трюмов «Нага», но это не приведет ни к чему. Астра поглядывала на грубые стены домов с маленькими окнами и тяжелыми дверями, догадываясь, что ее уносили куда-то на окраину, все дальше от порта.

— Соседи проснулись, епть их дышлом, — заметил Шероб, вглядываясь в конец проулка, где показалась тачка мастеровых. — Со двора зайдем? Или как? Руки уже не держат, — взмолился он, скорчивши страдальческое лицо и слизывая каплю пота, стекшую с носа.

— Нам без разницы. Они кроме железа ничего не видят, — Бот уверенно направился к дому Давпера между оградой и длинным сараем, примыкавшим к кузнечной мастерской. За углом залаяли собаки, скрипнули ворота конюшни. Астра усиленно шевельнулась, стараясь выплюнуть кляп и, если удастся, позвать на помощь.

— Тихо лежи, — пригрозил рыжебородый пират. — Поняла? Или еще объяснить?

Мэги промычала сквозь кляп что-то гневное и тряхнула головой.

— Сейчас поймешь! Сейчас, дрянь, все ты у меня поймешь! Будет время, пока господин Давпер вернется, — пробасил он, открывая калитку в тесный дворик, с колодцем и кучей песка со щебнем посередине. — Я тебе вспомню склады в Иальсе. И твоего дружка вспомню. И Кенпа, которого он зарезал. Эй, открывай! — он сердито стукнул кулаком в дверь.

В ответ была тишина, только из-под лестницы послышалась возня и чьи-то спешно удалившиеся шаги.

— Чего они там? Сдохли с перепою? — Ратим отпустил края плаща, роняя пленницу на траву за песочной кучей.

— Открывай скорее! — Бот пнул ногой двери, и тут же оглушающий грохот потряс кузнечный квартал.

Дверь вылетела, отбрасывая дородного пирата шагов на десять к улице. Толстую стену раскрошило, словно ударом молота глиняный черепок. Вырвавшаяся из недр дома Хивса яркая вспышка, на миг ослепила Шероба. Он не успел испугаться или удивиться — упал с осколком камня, встрявшим в глазнице. Ратим тоже повалился без движения среди обломков стены, разметавшихся по дворику и улице. Потом все замерло. Было слышно, как шипит огонь внутри полуразрушенного дома. За мастерскими кто-то кричал истошно, и выли собаки.

Приподнявшись, насколько позволяли связанные руки, Астра попыталась выползти из тяжелого слоя песка и камней, заваливших ее почти полностью. Кляп сам вылетел изо рта, и она, шепча молитвы Эте, встала на четвереньки. Села кое-как, стараясь дотянуться зубами до узла, сдавившего запястья снизу. И тут увидела сгорбленную фигуру, явившуюся, будто шет лохматый, из клубов черного вонючего дыма.

— Гринх мора, — выругался человек невысокого роста, выкарабкиваясь из

развалин. — Мора-бора, бора-мора, — бормотал он, глядя на мэги и цепляясь за острые выступы останков стены.

— Сам гринх, — огрызнулась Астра, решив, что этот уродец, не то полутном, не то какой-то недоношенный бородатый коротыш, выживший чудом в необъяснимом катаклизме, не мог быть пиратом Давпера. Когда он окончательно выбрался из завала, она попросила: — Эй, развяжи, а? Запуталась я тут в этих веревках, мора-бора, — она улыбнулась, глядя в его насмешливые, добрые в глубине глаза.

— Бежать мне надо, девонька. Текать отсюда, — он остановился, оглянувшись на пролом в стене дома, бывшего тюрьмой.

— Ну, пожалуйста! — заметив шевеление Бота у изгороди, Астра умоляюще подняла связанные руки.

— Эх, морды френа смех, и как же ты запуталась так, — он присел на корточки, ковыряя желтыми ногтями сплетение веревок. — Врешь, наверное. Не можно так запутаться, — он пытался, стараясь ослабить узел и поглядывая то на пламя и густой дым, валивший из недр Давперова жилища, то на пиратов, двое из которых начали подавать вполне ясные признаки жизни. — Бреешь, девчонка. Наверное, сама себя связала, чтоб меня озаботить не вовремя.

— Сама, всю ночь старалась, потела. Давпера здесь нет. А капитан Морас? — быстро спросила мэги, не сводя глаз с огромного пролома в стене. — Есть капитан?

— Нету, — он наклонился и вцепился в узел зубами. — М-м... спать им здесь жестко. И навозом воняет.

— А девушка высокая светлая такая была? Кто еще есть в доме?

— Ох, ты дотошная. Никого, кроме трех пьяных рож, если и их по стенке не размазало, — он резко дернул конец веревки. — Легче стало?

— Скорее! — поторопила его Астра. За балками рухнувшего перекрытия в дыму показался чей-то силуэт, по улице уже бежали жители соседних домов и кузнец с палками, лопатами, ушатом воды.

— Мастер Бернат! Стойте на месте! — прикрикнул пират, протиснувшись между лестницей и обломками стены. — Господин Хивс будет очень недоволен.

В этот миг, усилиями Берната Холига, узел на запястьях Астры разошелся.

— Сгинь, каракатица! — мэги вскинула руки и встретила неожиданного советчика фаерболлом.

Пламенный шар, рванул перед его красным лицом, и пират откатился назад, роняя кривой меч. Десятка полтора соседей, разбуженных грохотом и криками, пролезли между стволов пальм в заросший садик. Первые из них явно опешили, увидев стусток огня, сорвавшийся с ладоней незнакомки. Двое парней с деревянной посудиной бросились к колодцу, но Астра жестом остановила их:

— Не надо тушить, мальчики! Все это, — она широко обвела развалины и двор, — хозяйство Давпера Хивса. Если не знаете — подлейшего человека. Пирата, убийцы и редкого негодяя! Пусть горит пожарче!

— Ратим, гад твою морду! Ратим! — пробасил Бот, приподнявшись, опираясь на локоть. Из носа и по распухшим губам его текла кровь. — Держи ее!

— Добрейший Бот! — мэги подбежала к нему и изо всех сил ударила ногой в живот. — Это тебе за ночь на складах в Иальсе! А это за сегодняшнее светлое утро! — она резко сунула ему носком в пах. — Вот так!

— Да ну его, госпожа. Идешь? — остановившись у калитки, спросил мастер Бернат. — Советую быстрее текать.

— Еще увидимся! — пригрозила Астри поверженному абордажнику и поспешила за новым знакомым.

Под недобрые выкрики соседей, столпившихся возле горящего дома, они побежали по улице вниз, свернули в какой-то переулок и скоро оказались у ворот храма Архора.

— Фух, не могу девчонка-госпожа! Не могу так бегать! — спутник Астры остановился, хватаясь за бок и похрипывая. — Не по моим старым костям. Фу-ух! — он прислонился спиной к стволу смоковницы и промокнул рукавом пот. — Ты кто, вообще, такая?

— Я, господин со старыми костями, Астри Пэй. Ага, сама Астри Пэй, — улыбнувшись кисленько, она присела в небрежном реверансе. — Мэги, меж прочим. Известнейшая мэги. Говорят, в Иальсе детей моим именем уже пугают.

— Мэги... А я — Бернат Холиг. Не слышали о таком, да? — он отдышался и облизнул мясистые губы. — Эклектик. Известный эклектик, мора-бора, — Бернат расхохотался и снова схватился за бок.

— Что ж ты в гостях у Давпера делал, Бернат Холиг? — Астри повернулась, поглядывая на квартал кузнечных мастеров, над которым клубилось темное облако дыма. — Вряд ли пирату интересны всякие алхимические опыты, — заметила она и вспомнила о книге Голема.

— Ошибаешься, Астри Пэй. Господину пирату некоторые алхимические вещи весьма интересны. Пойдем потихоньку, — он отряхнул потрепанный, дырявый в нескольких местах камзол и направился по улице вниз.

— Пойдем к «Раковине Эрисы», мастер Бернат. Там и позавтракать можно, — предложила Астри, подумав, что в таверне остался ее кошелек и кое-какие вещи. И дожидаться свидания с Ренайтом Тримом удобнее было там.

Берната не пришлось уговаривать, он быстро сообразил, что молодая госпожа может оказаться достаточно добра, и помимо обещанного завтрака расщедриться на кружечку эля в честь славного освобождения. По пути Астри кратко пересказала суть ее пламенных отношений с Давпером и разбойничьим братством. В самых злоисходных моментах повествования эклектик останавливался и, взирая на спутницу снизу вверх, вскинув массивную руку, восклицал:

— Мерзавец! Наиподлейшая гнида!

Потом, окончательно прочувствовав в новой знакомой если не родственную душу, то человека прошедшего чередой весьма похожих бед, Бернат решил поведать свою историю знакомства с господином Хивсом, полную не менее драматических поворотов и всяких пренеприятных событий, начавшихся с постройки летающего корабля и предательства Свилга. Рассказывал все это Бернат со вкусом и массой перечных подробностей, тем более что с момента, как они спустились к «Раковине Эрисы» и до открытия харчевни оставалось еще много времени.

— Не могу понять, мастер Холиг, зачем Давперу твой взрывающийся порошок, — сказала Астри, когда они спустились в уютный полутемный зал и сели за стол. — Конечно, твое изобретение — штука очень эффектная. Уже убедилась, — признала она, вспоминая разлетевшуюся на куски прочную стену. — Но от этого планы Давпера на Карбосе мне еще более не ясны.

— А просто очень. Совсем просто, как носом эль хлебать, — эклектик устроился

удобнее на низкой лавке, глядя с ожиданием на бредущую к ним прислугу в синем переднике. — Взорвать они хотят храм тот. Сам слышал, что взорвать, забросив туда огромные бочки с моим порошком. Только зачем это, уяснить не удалось.

— Вот это мне и непонятно. Неясно вдвойне, зачем везти туда девушек, о которых я рассказывала. Зачем, если Давпер задумал либийской святыне такую участь? — мэги отвлеклась, заказав у подавальщицы жареную телятину с овощами и две кружки эля для Берната, потом подытожила: — Я с самого начала сомневалась, что Давпер собирается всего лишь продать пленниц жрецам — слишком это просто и бессмысленно, учитывая размах его недобрых деяний.

Бернат пожал плечами и снова с жаром заговорил о «Песне Раи», подлости Свилга и долгих днях своего заточения.

— Мы с тобой теперь друзья, мэги Астра, — отпив глоток эля и охнув от удовольствия, решил он. — Самые крепкие, раз нас двоих одна беда постигла. В твоём праведном намерении — разрушить затеи этих мерзавцев, я весь целиком рядом. Мы вместе что-нибудь придумаем, гринх-пиратинх.

— И мора-бора, — Астра рассмеялась, поддев и уронив сочный ломоть мяса. — Я же, когда мы покончим с милейшим господином Хивсом, обещаю помочь тебе вернуть «Песнь Раи». Тем более её нынешний владелец мне совершенно не нравится. Дерьмо он свинячье. А на летающем корабле прокатиться так хочется, — мечтательно произнесла она, стараясь не замечать внимание знакомых со вчерашнего дня аютанцев, восседавших за богато обставленным столом.

Дождавшись часа Воды, Астра и мастер Бернат вышли на улицу. Олен Трим уже ожидал возле лестницы, нетерпеливо расхаживая по мраморным плитам, слагавшим изображение морской богини. Завидев Астру, он двинулся на встречу с мальчишеским проворством, щелкнул каблуками в дворцовом рохесском приветствии и поцеловал её руку:

— Мэги Астра, очень рад видеть. Я весь вечер думал о вас. Думал, не бестактностью ли с моей стороны было назначать встречу в столь ранний час.

— Ерунда какая, Рейнат. Вы и вообразить не можете, во сколько меня сегодня разбудили. Ну, как вы думаете? И кто? — она, склонив голову набок, прищурилась, пряча за длинными ресницами дразнящие ланерийца золотистые отблески. — Ещё на рассвете головорезы нашего вчерашнего приятеля. Да, господин Трим, руки связали и в окно. Я чудом выпуталась из этой истории, в большинстве благодаря этому человеку. Пожалуйста, знакомьтесь — мастер Бернат Холиг, — она слегка подтолкнула бородатого коротышку.

— Ренайт Трим, — олен кивнул и быстро вернулся взглядом к мэги. — Так вы хотите сказать, что люди Давпера навещали вас сегодня утром здесь, в таверне?!

— Да. Они меня в окно выволокли, уронив сначала головой об пол. Очень хорошо уронив. Соседи слышали, и хозяин таверны потом прибежал, как рассказывают, но было поздно, господин Ренайт. Эти негодяи утащили меня куда-то выше за храм Архора, — Астра махнула рукой за Розовые купальни. — И сгинула бы я там, в тайном гнезде Хивса, если бы не счастливый случай и мастер Бернат со своим взрывающимся порошком. Как рвануло! Жалею, олен, что вас рядом не было. словно сотня фаерболлов с лайтом разом — половина дома на мелкие кусочки, мои мучители по двору разлетелись, и народ сбежался на зрелище глазеть! Здорово, господин Трим!

— Вы шутите?! — недоверчиво спросил ланериец.

— Ага. Только у меня ребра до сих пор от кулаков одного гада болят. И голова, будто ей

гвозди забивали. А от дома Хивса, наверное, лишь угольки остались, как и от его складов в Иальсе, — мэги уже рассказывала Ренайту о поджоге в порту и с удовольствием заметила, как вытянулось и побледнело смуглое лицо ланерийца. — Честное слово, олен, сумасшедшее было утро. Если желаете, можем навестить то злополучное место, только Давпера, как и его пленниц там нет — на корабле их нужно искать. Вы еще не передумали помочь мне?

— Простите, госпожа Пэй, но я всегда выполняю обещания. Оставить в беде вас — было бы преступлением. Я же сказал, что сделаю все возможное. Уже начал делать, — откинув край синего атласного плаща, легкой волной скрывавшего правое плечо, он достал свиток и протянул мэги. — Только что я виделся с Красмом Корином и получил от него согласие на проверку «Нага». Мы можем прямо сейчас отправиться в портовую контору. Только то, что произошло с вами утром... это... У меня нет слов, госпожа Пэй! Вы меня слишком напугали!

— Глупости, Ренайт, я вас еще вчера видела бесстрашным и решительным, когда вы вступились за меня с мечом в руках. Вы — словно сам Архор Праведный. Идемте скорее в контору! Мы вверх дном перевернем пиратское судно и если не найдем там чего, то я все равно найду способ, как вытряхнуть из Давпера нужные нам ответы, — не разворачивая свиток, она отдала письмо ланерийцу и, повернувшись к притихшему Холигу, продолжила: — А ты, Бернат, останься пока здесь, в моей комнате. Я не хочу, чтобы Хивс видел нас сейчас вместе.

— Но, мэги Астра, у меня тоже счеты с этим э-э... негодяем, — эклектик сжал круглые покрасневшие кулаки. — Уж мне найдется, что ему сказать даже при высокородных господах и строгих городских чиновниках.

— Не сомневаюсь, мой друг. Но потом. Потом мы преподнесем ему некоторую неожиданность, — настояла она. Бесхитростный план Ренайта Трима с вполне законной проверкой пиратского когга отдавал глуповатой рохесской чопорностью. Он с самого начала не нравился Астре, но главным сейчас было найти Аниту и других пленниц, вытащить их любым способом из заточения. Уже потом, вероятно сегодня вечером, господину Хивсу можно будет отплатить за все сполна. Мэги даже не собиралась дожидаться для этого прибытия Голафа Бриса, рассчитывала лишь на некоторые старания Берната и помощь Трима. — Сегодня вечером, мастер, — твердо сказала она. — А пока наберитесь сил — опрокиньте еще пару кружечек эля, — она сунула ему еще салд и, не пускаясь в дальнейшие объяснения, направилась с Ренайтом к конторе Морского Департамента.

Наритон Бупок встретил их на пороге, чуть взъерошенный, уже уставший от обычной утренней суеты. Он провел гостей через комнату, похожую на склад, где в беспорядке стояли ящики с изъятым грузом, мешки и холщовые тюки с товарами, запрещенными к ввозу. За столом, заваленным толстыми корабельными книгами, разбирал документы старичок в сером служебном мундире, клерк помоложе и важнее видом, водил со скрипом пером, заполняя счетные таблицы. Здесь так воняло крысами, что сам Наритон Бупок поморщился и чихнул, поднимая густое облако пыли с полки.

— Мы бы это лучше на свежем воздухе решили, — высказалась Астра, углубляясь за ланерийцами в недра важного портового заведения.

— Так-то оно, но нам нужно документы на «Наг» отыскать. А здесь вы сами, госпожа, видите, что творится, — споткнувшись об полупустой мешок, Бупок едва не повалил многоярусный шкаф и тут же радостно заявил: — Так вот они! Ну, да покойно нас ожидают.

Он сгреб с полки пожелтевшие листки, журнал в кожаном переплете и прошествовал в

дальнюю комнату.

— Раз сам гилен Корин не возражает, то мы, конечно, проверим, — приговаривал он. — Мы все проверим. После полудня незамедлительно я направлю туда надзирателей.

— Господин Бупок, это нужно сделать сейчас. Незамедлительно сейчас, — теряя терпение от затянувшейся волокиты, настоял Ренайт.

— Но славный олен, сейчас... — подняв к потолку мутные глаза, начальник конторы опустил на табурет. Нечто, может, некоторое дурное предчувствие подсказывало ему, что с этим деликатным делом лучше не торопиться. — Сейчас... у меня нет в достатке людей. Все заняты осмотром в порту. А... вы же понимаете, господин Трим... проверка пиратского судна, дело непростое. Очень опасное дело. Там и до драки или чего похуже может дойти.

— Шет дери, господин Бупок! Нам нужно только чтобы вы распоряжение подписали и приложили печать! — бросив разрешительное письмо Корина на стол, возмутилась Астра. — Мы не собираемся ждать! «Наг» может отплыть в любой момент! Тем более после того, что случилось утром!

— А что случилось утром? — вытянув шею, он недоуменно посмотрел на нее.

— А ничего. Дом Давпера сгорел при некоторых обстоятельствах. Но это вас не касается. Немедленно пишите распоряжение! — она ответила взглядом, от которого начальник конторы мигом переломился над столом и схватился за перо.

— В вас действительно столько магии, — прошептал Ренайт, наклонившись к Астре, почти касаясь щекой ее волос. — Удивительной. То обворожительно-женской, то божественно-воинственной.

— Спасибо за лестные слова, Ренайт, — негромко ответила Астра, отойдя к окну и вдыхая свежий морской воздух. — Только часто такая магия, такие манеры возмущают людей вашего положения. Я знаю это еще с королевского двора Олмии.

— Это манеры королевы, которая не зависит от узкого круга правил и чужих мнений, — он осторожно коснулся ее руки и хотел что-то добавить еще, но начальник конторы, приложив со стуком печать, протянул распорядительный документ.

— Господин Трим, могу вам выделить только двоих проверяющих. К великому сожалению нет сейчас больше свободных. Идемте, — он встал и, замкнув ящик стола, направился к двери.

Обещанных помощников Наритон Бупок разыскивал изнурительно долго, лишь через полтора часа они позволили себя обнаружить возле винного склада. Потом возник вопрос о свободной лодке, возник неразрешимо, пока Ренайт не нанял рыбацкую посудину за свой счет. Было уже около часа Тени, когда они отшвартовались от суматошной, скрипящей настилами, громыхающей бочками пристани и взяли курс к судну, заметному среди других на рейде ярко-красной полосой. Гребцы-рыбаки слажено хватали веслами воду. Лодка миновала ряд стоящих под погрузку каравелл и быстро приблизилась к пиратскому коггу. Похоже, на нем были какие-то важные гости: возле кормы покачивались две шестивесельных шлюпки, на носу одной из которых блестел львиноголовый герб.

— Какого надо, собачьи дети? — встретил их вахтенный, едва лодка ткнулась в борт когга. — Плывите, плывите стороной, пока беды вам не случилось!

— Лестницу спускай! — крикнул старший надзиратель департамента и встал во весь рост, демонстрируя шелковую нашивку на крысье-сером мундире. — Именем короля. И еще Архора, — для верности добавил он.

— Капитан Морас, — привлек внимание матрос, обернувшись к юту. — К нам какой-то

народ пожаловал. Из портового надзора вроде.

— Проси их милостиво, — послышался голос Хивса. — Их мы и дожидаемся.

Как сбросили пеньковую лестницу, Астри поднялась на палубу следом за Ренайтом Тримом, сжимая письмо Красма Корина и распоряжение начальника конторы, перевязанное голубой лентой. Станным казалось, что у противоположного борта собралось несколько господ знатного вида и людей в кожаной броне с нагрудниками-знаками судебных стражей.

— Гилен Корин?! — не сделал и двух шагов, изумился Трим.

— Да, Ренайт. Ваш утренний визит меня так взволновал, что я сам решил навестить это судно, — высокорослый ланериец в шляпе с пышным фиолетовым пером сдержанно поклонился. — Могу вам сообщить, что пустой вы затеяли шум. Пустой и вредный.

— Насколько пустой, мы желаем сами убедиться, — пронзительно глядя на Давпера, Астри обошла ряд пустых бочек, громоздившихся на шканцах, и тут увидела лицо человека в темно-бордовой мантии, медленно повернувшегося к ней. — Магистр Канахор! — удивившись в свою очередь, воскликнула она.

— Представьте себе, мэги Пэй, — он выпрямился, скрестив на груди жилистые желтоватые руки. — С нашей прошлой встречи ты наделала столько глупостей, причинила столько неприятностей уважаемым людям, что даже мне захотелось посмотреть на тебя еще раз. Может быть, последний.

— Рена Пресветлая, так тогда в салоне этот подлый человек, — она презрительно кивнула в сторону Давпера Хивса, — к вам приходил? Так получается, если магистр Варольд не знает о нем почти ничего? Вы либо щенячьи наивны, либо с ним заодно и имеете во всем этом свою корысть. Если последнее, то Орден Алой Звезды, который вы, к несчастью, уже почти возглавляете, ничем не лучше грязной разбойничьей шайки!

— Мэги Пэй! Не смейте оскорблять магистра! — выступив вперед, грозно произнес Красм Корин. — Вы можете начинать проверку, — бросил он растерянным надзирателям конторы Бупока. — А вы, олен, оставайтесь смиренно здесь.

— Что это значит, гилен? Ренайт побледнел и отбросил край атласной накидки от рукояти меча.

— Значит, что вы, мой друг, с каким-то умыслом или по заблуждению влипли в мрачную историю, — чуть наклонившись, вкрадчиво произнес Корин. — Еще это значит, что ваша знакомая... остерегаюсь сказать «подруга», обвиняется в поджоге складов в порту Иальса, где, помимо ценного имущества господина Давпера, сгорел груз, предназначавшийся для рохесского дома Ордена Алой Звезды.

— В том поджоге был слишком заинтересован магистр Варольд, — вставил Канахор Хаерим, наблюдая за потемневшими беспокойными глазами дочери Арсии. — Я в этом уверен, учитывая их некую родственную связь.

— Также мэги Пэй обвиняется в разрушении и поджоге дома господина Давпера, произошедшим сегодня утром, — продолжил Красм.

— Но это же было иначе! — возмутился Ренайт, подскочив к гилену и умерив свой порыв лишь, когда стражи схватились за мечи.

— Есть многочисленные свидетели, Трим, — холодно ответил Красм Корин. — Мы знаем, как это было. В сговоре с некоторым алхимиком она проникла на территорию имения господина Давпера, рано утром, когда все спали. Для большего разрушения она использовала магию и еще какое-то снадобье. Разрушена половина дома, остальное все сгорело. А когда сбежались соседи тушить пожар, она угрожала им и не позволяла даже оказать помощь

раненым. Двое матросов с этого судна погибли благодаря ее преступным действиям.

— Как шетова стерва огонь в нас швыряла! — подтвердил Бот, спустившись на несколько ступеней с кормовой надстройки. — И камни летели. Кому как досталось. Вот посмотрите, — он поднял край рубахи, являя свежие ушибы и ссадины. Нос и щека его походили на огромную синюшную опухоль.

— Мразь лживая! — Астра едва сдержалась, чтобы не метнуть в него фаерболл, и непременно сделала бы это, если бы перед ней не стоял олен Трим.

— Господин Давпер, я богатый человек. Я могу с большим процентом возместить ваши убытки, которые, вы сам понимаете, случились при особых обстоятельствах, может быть не столь сильно зависящих от самой госпожи Пэй, — севшим голосом попросил Ренайт. — Давайте как-нибудь уладим без суда...

— Ренайт! Не смейте унижаться перед этими негодьями! — воскликнула Астра, дернув его за рукав и с ужасом думая, что никто из посторонних, кроме Берната не видел, как ее приволокли туда насильно со связанными руками. Зато многие с легкостью в душе поклянутся, поклянутся на Книге Архора, что она пускала фаерболл, запрещала тушить пожар и напоследок нанесла ногой несколько ударов Боту.

— Вы согласны выплатить мне семьсот шаров? — не обращая внимания на негодование мэги, полюбопытствовал Хивс.

— Да! — с готовностью выпалил Ренайт. — Я знаю, что вина ее не может быть столь тяжелой, как вы здесь говорите. Если здесь вообще есть хоть капля ее вины! Господа, судьба госпожи Пэй мне крайне небезразлична. Я согласен!

— Интересное предложение. Чем же мэги Астра вас так к себе расположила? Впрочем, догадываюсь, — переглянувшись с Канахором, Давпер открыл коробочку с листьями мако и облизнул сухие губы. — Это она умеет, не в первый раз на моей памяти доверчивые мужчины попадают в ее сети.

— Олен Трим, а чем измерить ущерб моему Ордену? — спросил Канахор, неожиданная уступчивость Давпера ему не нравилась, и он настоял: — Ведь огнем уничтожены редчайшие магические вещи. И чем измерить жизни погибших матросов? Этой сумасшедшей мэги, у которой, по понятным причинам, нет даже именного медальона, угрожает смертная казнь. Именно так следует из ваших божественных законов. Верно я говорю, уважаемый гилен?

— Вы неплохо знаете рохесский кодекс, — охотно согласился Красм. — А от вас, Ренайт, я такого не ожидал, мой друг. Мы не смеем рассуждать об окончательном приговоре сейчас — справедливый суд определит ее вину и, главное, определит причины ее преступных деяний. Насколько мне известно, мэги Пэй, в прошлом — возлюбленная господина Хивса, просто жестоко мстит ему за то, что их отношения были разорваны из-за ее же грехов и по ее вине.

— Это правда? — почти беззвучно прошептал Ренайт.

— Какая ложь! — вскричала Астра, кровь прилила к ее лицу, и глаза дико заблестели.

— Правда, правда, — спустившись еще ниже, подтвердил Бот. — В Иальсе только и говорили об этой гадкой истории. Все помнят, как вы, милая с виду госпожа, замарали честное имя господина Хивса ночными гуляниями и постыдными связями с самыми ничтожными людьми. И злитесь теперь. А чего?

— Вы все сговорились здесь! Ждали меня подло, как стая голодных шакалов, — Астра отступила к шканцам. Магическое тепло стало жаром и нестерпимо рвалось из ее рук. —

Ренайт, спускайтесь в лодку! — повелительно бросила она оторопевшему олену.

— Взять ее! — приказал Корин судебным служителям.

— Не шевелитесь! Вам лучше будет! — мэги развела ладони, сияние между них стало ярче и плотнее, будто отражение красного закатного солнца.

— Дурочка, ты забыла, что здесь я, — усмехнулся Канахор, стоявший дальше других возле мачты. Легкий пас руки его родил длинную извилистую искру — Астри вскрикнула от жгучей боли, прошедшей по позвоночнику. Колени согнулись, и мэги упала на палубу.

— Взять ее, — повторил гилен Корин.

Двое стражей, выхватив мечи, остановились, преграждая дорогу Ренайту, двое других подбежали и подняли Астри. Канахор подошел следом и, запрокинув ее голову, влил ей в рот глоток микстуры Хеф.

— Вот так, теперь она не опасна, — с облегчением сказал он. — Пусть тюремщики поят ее из этой бутылочки каждый день. Обязательно каждый день.

Астри застонала и скорчилась от омерзительного ощущения сладкой отравы, растекавшейся внутри. Она знала о коварном действии микстуры Хеф: этим зельем насильно поили анрасских ведьм — через несколько дней они теряли магические способности надолго или навсегда. Некоторые, утрачивая связь с эфиром, теряли и собственную душу. Астри рванулась, стараясь схватить Канахора за волосы, вцепиться ему в лицо, но судебные служители крепко держали ее за плечи.

— И Арсия была такой же, — взяв ее подбородок, негромко сказал магистр, — такой же непослушной, непокорной гадюкой, норовящей ужалить при всяком удобном или неудобном случае. Тебе многое перешло в наследство. И от Варольда тоже. И от Изольды — такой самоуверенной развратной шлюхи. Тебя будто в злую шутку боги слепили, взяв по нечистой частице каждого из них. Дай сюда мое кольцо, — он схватил ее за руку и снял бронзовое колечко с анрасской руной. — Это очень дорогое кольцо. Кольцо-свидетель, как я наказал твою мать.

— Отведите ее в Гарунскую крепость, — распорядился Корин. — Пусть до суда находится там. Скажите тюремщикам, чтобы глаз с нее не спускали и старательно поили микстурой магистра.

Стражи Архора, подхватив мэги под руки, направились к лестнице, спускавшейся в шлюпку.

— Госпожа Астри, — Ренайт подбежал к ней, когда судебный служитель перелез через фальшборт. — Госпожа Астри, скажите, что все это не так! Ложь все это! Ну, скажите же! Умоляю!

— Встреть в порту «Фарилию», — попросила она, едва владея распухшим языком.

Стражник поторопил ее грубым толчком в спину.

После того, как Корин, Трим и остальные ланерийские гости отбыли на берег, Давпер распорядился накрыть стол под тентом, натянутым возле фока. Перевалило уже за полдень. В каютах стало душно, а на палубе гулял кое-какой ветерок, и настил, обильно политый забортной водой, отдавал вялой прохладой. Канахор, скинув мантию, устроившись небрежно на приваленных к мачте мешках, будто расстался с высоким саном, и выглядел моложе. Капитан Морас, ожидая обед, пряными запахами которого тянуло из открытого люка, поигрывал ножом и с некоторыми опасениями думал об Аните, запертой в комнате портовой таверны.

— Даже нерадостно. Горько, что все так кончилось, — сев на лавку, Давпер вытянул ноги, уставшие в тесных ботфортах.

— Господин Хивс, я лишь показал, как надежно и удобно можно решить проблему с досаждавшей вам девицей, — сказал магистр. — И решили мы ее с большой пользой.

— А я бы предпочел видеть девицу здесь, на корабле, — Давпер покосился на слугу, несущего поднос с парящими блюдами, и придвинулся ближе к столу. — Такой итог мне был бы приятнее. И я еще не отказался от семи сотен штаров щедрого олена. Приличная сумма. Почему бы и нет? И почему бы не продолжить эту игру?

— Вы рискуете переиграть, Давпер, — с недовольством заметил магистр. — Можете сделать Ланерию неуютным местом для нас. Мэги пусть сидит в тюрьме до вашего удачного возвращения с Карбоса. Там видно будет. Если дойдет до торга с Варольдом, то ее жизнь будет стоить побольше, чем каких-то семь сотен. Я сам выплачу их вам, если это так важно.

— Не смею вмешиваться, но мне кажется, что вы вдвоем уже малость переиграли, — отложив нож, капитан Морас расстегнул тугой воротник и притянул тарелку с печеной рыбой. — Ланерийский суд непредсказуем, впрочем, как и гилен Корин. Сколько вам труда стало, получить «Гедон» и уладить неприятности вокруг Аерта? И то, еще ничего не ясно, никаких бумаг не подписано.

— Уже ясно, кэп. «Гедон» мой — это дело двух ближайших дней. С Красмом можно иметь отношения, хотя... куда приятнее иметь их с его очаровательной женой, — Давпер рассмеялся, потряхивая куцей бородкой, и повернулся к «Гедону», стоявшему на рейде в полулиге. Мощные обводы когга, блестящая бронзой броня по бортам, вызывали восхищение, как и катапульта, равной по силе которой не было во всем королевском флоте Рохеса.

— Вам повезло, что на судилище Архора сложилось так, — ответил Морас, терзая пальцами рыбу тушку. — А обвинения в сторону госпожи Пэй достаточно серьезные. Если бы вы только требовали возмещения за ущерб. Но вы еще обвиняете ее в намеренном сожжении имущества Ордена и многом другом. Суд, несомненно, приговорит ее к смерти.

— Капитан, я всегда думаю, прежде чем сказать что-то, — неохотно магистр тоже склонился над тарелкой. — О якобы сожженных магических атрибутах Ордена было необходимо сказать. Я поверну это дело так, что в нем окажется замешан Варольд. Ведь Астра его дочь. Учитывая некоторые события в Олмии, недобрые чувства господина Варольда к нашему Ордену, получается ясная для судебного разбирательства картина. Чем не способ потребовать конфискации имущества старика, проучить его и забрать, наконец, свиток Хевреха?

— Ах, вот вы как хотите выкрутить! Магистр, вы большой хитрец, — приподнявшись, Давпер разлил разбавленное вино по серебряным чашам и торопливо отпил глоток. — Мы ведь не так договаривались. Карта Варольда это ваша забота. Мы можем содействовать только в меру сил. А госпожа Пэй наша, вернее моя добыча. Она моя большая должница, и у меня нет желания делать ею ставку в вашей личной игре.

— Вы меня не поняли, Хивс. Скорее всего, такое не потребуется, — недовольно ответил Канахор. — Суды в Иальсе — дело хлопотное, неверное. И Варольда не так легко в чем-нибудь обвинить. Пока я намерен поступить проще — сообщить ему о беде, постигшей его дочь, и предложить свою помощь. Конечно, старик все это перепроверит, поэтому мэги должна быть в тюрьме и положение ее должно быть самым бедственным.

— Бросьте, магистр, Варольд ничего не проверит. Ему подтвердят все, что нужно, даже если Астра будет сидеть в трюме на моем корабле или по какой беде ее вообще не будет в

живых. А еще с утра меня волнует Бернат. Шетов сын! — запрокинув голову, Давпер глотнул из чаши. — Капитан, ваши люди старательно его ищут?

Морас молча кивнул.

— Шетов сын! — повторил Хивс. — Сколько у нас бочек с его порошком? Всего четыре? Этого слишком мало! А нам следует поторопиться! Очень поторопиться, иначе придется забыть о Карбосе на шесть месяцев!

— Еще двадцать три дня, господин Хивс. До Карбоса мы дойдем за три-четыре. Пусть еще пять, ну, шесть дней, чтобы осмотреться, войти в доверие к жрецам, — наблюдая за возней на пристани, рассудил капитан. — Когда вы собираетесь передать мне «Наг» и подписать документы?

— Только после Карбоса, кэп. Если тебе так претит наша либийская затея, можешь проваливать. Но только после Карбоса, — усмехнувшись Морасу, Давпер повернулся к скалистому мысу, охватывавшему с запада гавань. На самом конце его четырьмя мрачными бастионами возвышалась Гарунская цитадель, а вокруг плескалось разбуженное ожившим ветром зеленовато-серое море.

* * *

Усевшись на солому, Астра бессмысленно смотрела на камни — огромные темные глыбы базальта, слагавшие стены тюремной камеры, холодные и грубые, как самая низкая ложь. Тонкая ткань эфира, прежде всегда окружавшая мэги, дававшая силы и верное волшебное тепло, расплзлась клочьями, растворилась в сладком яде зелья Хеф, на смену, будто серый саван, упало одиночество и пустота, через холод которой еще длились, цеплялись неровные, больные мысли.

Ренайт Трим, конечно же, не поверил ей, ведь хор ее откровенных и неожиданных врагов вещал так убедительно. Если у него и оставались малые сомнения на ее счет, то Давпер и высокий магистр Алой Звезды быстро развеют их. Теперь олен станет думать о ней, как о расчетливой лживой дряни, он не встретится в порту с Голафом, и Голаф больше не увидит ее никогда. От этих мыслей она вонзила ногти ниже голых коленей и тихо застонала.

Вокруг были только камни, грубые тяжелые глыбы, поднимавшиеся до высокого свода справа, слева, спереди, сзади. Трещины на них будто сплетались в знаки чужих, непонятных слов, и между ними были бурые потеки крови. Маленькое окошко с синей каплей неба закрывали толстые ржавые прутья.

Астра не знала, сколько прошло времени: час, два или уже близился вечер. В голове, словно шорох хищных крыльев, то появлялись, то исчезали слова магистра Канахора: «Арсия была такой же... Тебе многое перешло в наследство. И от Варольда тоже. И от Изольды... Дай сюда мое кольцо... Кольцо-свидетель, как я наказал твою мать...». Что? Что он хотел этим сказать? Будто та исчезнувшая женщина, о которой много и с нежностью рассказывал Варольд, ее мать? Будто сам магистр Кроун ее отец? Но этого не могло быть! Разве бы милый, сентиментальный старичок Варольд стал утаивать тайну ее рождения?! Но кто тогда ее мать? Кто отец? Зачем лживому магистру Алой Звезды потребовалось говорить такие слова в миг, когда она, поверженная, беспомощная лежала перед ним на палубе? Отчего в них было столько гнева, столько ненависти к ней и людям, которые ей по-настоящему дороги? И при чем здесь бесполезное бронзовое колечко, которое она помнила с детства?!

Мысли ползли откуда-то, извивались ядовито, и снова в голове звучали, похожие на шорох слова Канахора Хаерима.

На лестнице, огибавшей башню, слышались шаги, следом жалобно, противно заскрипел засов.

Вошедший тюремщик смотрел на нее с минуту, наклонив голову и звеня ключами.

— Как звать, — спросил он, тронув мэги за плечо.

— Астра, — она встала, прижавшись спиной к стене.

— Ишь как, — он улыбнулся, ковырнул слежавшуюся соломенную подстилку. —

Говорят опасная ты. Ведьма. Но мне это без разницы. Я здесь кое-что значу. Поняла?

Астра, не поднимая глаз, кивнула.

— Если ласковой будешь, и тебе здесь хорошо будет. Уж лучше, чем тем, что внизу или, храни Эта, в южной башне.

Она не ответила, поджав губы и сдерживая рвавшийся из груди всхлип.

— Я послезавтра к вечеру зайду, — прислушиваясь к голосам на лестнице, пообещал он.

Вышел и запер с грохотом дверь.

Перезвон ключей и шаги стихли где-то внизу, а мэги стояла еще долго, заломив руки и судорожно глотая сырой, затхлый воздух. Потом подошла к стене, вскарабкавшись на выступы подгнивших балок, дотянулась до решетки окна.

Внизу, в лучах закатного солнца плескались желтовато-серые волны. У седой, ломаной полосы рифов покачивались рыбацкие лодки и небольшая галера. Подтянувшись немного еще, Астра приникла к ржавым прутьям лицом и тут же увидела входящий в гавань двухмачтовый неф. Она сразу узнала «Фарилию» и вскрикнула от боли, безжалостно кольнувшей сердце.

Глава одиннадцатая. Вода знает все

Они обошли почти все приличные таверны, которых в Иальсе было никак не меньше полусотни, заглядывали на постоянные дворы окраины, расспрашивали сведущих людей в порту и дважды навещали Бугета, но так и не удалось узнать, что-нибудь новое о мэги. Теперь оставалась надежда на Варольда Кроуна, хотя бард с самого начала сомневался, что магистр пожелает быть разговорчивым со столь подозрительными оборванцами.

— Идем, — решил Леос, едва Каррид Рэбб управился с лепешкой, пожертвованной ему за некоторые труды на завтрак. — Идем к Варольду.

— И я говорю, идем. Это нужно было сделать еще позавчера, а не топтать башмаки взад-вперед. Вишь, как ты долго умнел, пернатый? Идем! — Каррид вытер жирные руки о низ рубахи и с готовностью истинного служителя Балда поднялся с лавки.

К салону магических услуг они направились через квартал Анекора. Этот путь был несколько длиннее, чем через Варгиеву площадь, но им двоим снова хотелось видеть летающий корабль, столь прекрасный, завораживающий, словно голос богини, сошедшей с небес. Не подходя близко к охранникам, друзья задержались у ограды краснокирпичного дома, глядя на изящный продолговатый корпус, паривший над землей. На тонкие, ровные линии мачт, такелажа, на сложенные, прижатые к бортам крылья, представляя, как их величавые взмахи, поднимают и уносят судно туда, где только вольный ветер и голубое, как душа, небо. На это чудо, названное так красиво, можно было смотреть часами, но сегодня у Леоса и Каррида было неотложное дело — они заторопились дальше, мимо сада Сафо к заметному издала дому магистра. Прошли с поклоном мимо импозантных статуй черных грифонов и открыли высокую, украшенную резьбой дверь.

— Нет! Нет! Магистр не принимает, — еще с лестницы объявил им гном-слуга в блестящей мишурой ливрее. — Не принимает никого!

— А мы по делу не магическому, друг, — поднявшись на несколько ступеней, сказал анрасец. — Совсем не магическому. Просто поболтать об одной госпоже край надо.

— Магистр не принимает никого. Нет у него дел, и салон закрыт, — став рядом с мраморной статуей и выпятив огнистую бороду, гном непримиримо загородил проход. — В Иальсе это не единственное полезное место, насколько вы понимаете. Можете обратиться в приемную Ордена. Желаете, расскажу, где найти подходящего мага, чародея или мэги, — прошмякал он губами, похожими на дольки спелых слив. — Но сам магистр...

— Так, друг, нам это и нужно! — взбежав еще на несколько ступеней, Каррид радостно хлопнул его по плечу. Слуга едва устоял на ногах, вытаращив глаза от удивления или ужаса перед длинноволосым существом с татуировкой на щеке и матерой собачьей ухмылкой.

— Мэги мы ищем, — подхватил Леос, озираясь на могущественных богов, изображенных на огромных полотнах и насторожившихся стражей-либийцев. — Мэги Астру Пэй. Ну-ка напряги мозги. Ведь слышал о такой?

— Пропусти их, — сказал Варольд, откинув штору, еще раз оглядел странных гостей и направился в гостиную.

— И зачем мэги Астра господам столь пестрой наружности? — поинтересовался он, входя в освещенный утренним солнцем зал.

— А вы, почтеннейший, нашей внешностью не обманывайтесь. Потрепано выглядим, да. Обстоятельства заставляют, — ступив на роскошный аютанский ковер, Каррид

осмотрелся, зацепившись взглядом сначала за длинные полки вдоль стены, полные красивых непонятных вещей, потом за малахитовые статуэтки, серебряные приборы на столе. — Мы — люди очень непростые, — убедительно добавил он. — Совсем нетакие, как может показаться поначалу.

— Вполне допускаю. Так зачем этим непростым людям потребовалась мэги Астра? — повторил магистр, отодвинул стул, но садиться не стал. Повернувшись к гостям спиной, он попытался поймать ментальную нить одного из них и подслушать чужие мысли, как это умели делать немногие жрецы Иссеи. Сейчас ему это не удавалось — он слишком нервничал последние дни, особенно после вчерашнего визита Канахора.

— Нам нужна она, уважаемый, — невнятно пояснил анрасец и тихонько толкнул барда в спину.

— Мне она нужна. Это сердечное, как бы вам объяснить... Это... Это... — Леос шагнул на середину зала и развел руками, не найдя подходящих слов.

— Любит он ее. Чего там скрывать, — Рэбб усмехнулся, звеня бронзовыми бляхами на жилетке. — Стыдного здесь ничего нет. Сильно любит, магистр. Уж, поймите, ежели вам случалось.

— Извините, господин Варольд. Наверное, в это вас не стоило посвящать — дело как бы не для магистра, но именно все так. По роковой случайности я потерял ее. Из-за некоторых людей, хуже волков которые. Потерял, а теперь, страдая душой, ищу. Уже везде побывал, все обошел, но она мне только мерещится на улице в толпе, то тенью возле храма, то во сне, — взволновано выговорил Леос, замолчал, и когда Кроун повернулся к нему, добавил: — Теперь на вас лишь надежда, хотя не ваше, конечно, это дело.

— Мое это дело, господин... Как вас?... — Кроун щелкнул пальцем, вспоминая, что имена неожиданных гостей ему до сих пор неизвестны.

— Господин Леос, — быстро вставил анрасец. — Певец, стихоплет, многопочитаемый людом бард. А я именуюсь с детства Карридом Рэббом. По миру брожу уже двадцать лет как, несу ему Слово Балда. Его Закон и ум.

— Хорошо. Так вот, мое это дело, — Варольд прошелся по залу мимо полки с либийскими статуэтками, и, понизив голос, сказал: — Мэги Астра — моя дочь.

— Ваша? Получается правильным, что мы зашли к вам, — обрадовался анрасец. — Вон оно как! Дочь!

— Преклонено извиняюсь, магистр, только Астра рассказывала мне несколько другую историю, — настороженно произнес бард. — Уж не доверять ей у меня нет никакой возможности. Сердце не позволяет не верить ей.

— Она моя дочь, о которой я не знал ничего девятнадцать лет. Да простят меня боги... Не знал я... не по своей вине, — старик перевел взгляд на бумаги — два письма и свидетельство Номары, переданные Канахором, которые он не убирал со вчерашнего дня, все перечитывал и вспоминал, вспоминал... — Так что вы хотите, Леос? Просто увидеться с ней?

— Для меня это было бы счастьем, господин Варольд. Невыразимым, которое чище дыхания Эдоса. Светлее лучистой Эты которое! Пожалуйста, просто увидеться! Я сочинил для нее новую, достойную красоты ее песню! Я многое хочу сказать ей, — синие глаза поэта засветились, рука по привычке потянулась за плечо, но там не было китары.

— И мне есть, что ей сказать! — выпалил Каррид, тряхнув гривой немых волос.

— Сожалею, Астры в моем доме нет. И нет ее в Иальсе. Она отбыла на Рохес несколько

дней назад. Я действительно очень сожалею. Раскаиваюсь, что не остановил ее тогда. Если еще с ней не стряслась беда, то это произойдет очень скоро, — Варольд вспомнил вчерашние ядовитые намеки Канахора и помрачнел, морщины на лице стали похожи на трещины сухой земли, губы побледнели. Он подумал, что история повторяется. Ведь также произошло девятнадцать лет назад со бежавшей неизвестно куда и зачем его милой Арсией. И тогда точно так же стояла над всем темная тень магистра Алой Звезды. — Все потому, что некоторые люди узнали, что я — ее отец, — продолжил он, чувствуя, как от волнения дрожат и холодеют руки. — И только вчера я понял ее истинную цель на Рохесе. Канахор, червь Некрона! Будь он проклят со своим Орденом и либийскими свитками!

— Магистр, если вы уверены, что она на Рохесе, то мы готовы отправиться туда! — поглядывая на Каррида, решил Леос.

— Мы готовы! — подтвердил преданный Балду. — Хоть в шетово пекло! Только объясните, что за беда стряслась.

Варольд указал им на кресла, сам устроился на табурете возле стола, перевернул последнее письмо Арсии, еще какой-то пергамент и, вздохнув, пересказал им коротко все, что так мучило его последние дни. Старик сам не знал, что потянуло его на такие откровения с незнакомыми людьми отнюдь не благородного вида. Может, одиночество после закрытия салона и ухода мэги Верды так изъело его, что он был готов доверить эти переживания кому угодно. Возможно, его тронули искренние слова барда, его ясные, влажные глаза, в которых словно видно было сердце. А может, он вспомнил себя молодым, безумные дни и ночи у замка Изольды, вспомнил и расчувствовался, не смог сдержать в себе просящихся наружу слов, как в тот вечер, когда его посетила Астра, такая похожая на его последнюю любовь.

Когда Кроун закончил рассказ, Бард сидел с минуту молча, потрясенный, растерянный, потом вскочил и сказал:

— Мы найдем ее на Рохесе, где бы она ни была! Мы найдем ее! Обещаю! Клянусь вам, магистр!

— Найдете... Это не так просто, если здесь замешан Канахор, некоторые другие могущественные люди. Вы... Что вы можете? — будто очнувшись от мутного наваждения, насылаемого Раей, Варольд оглядел гостей.

— Мы? Мы можем все! — воскликнул Каррид, встав с кресла и заходя по залу. — Все! Да, магистр! Потому, что с нами Балд! Мы сейчас же найдем судно в порту! Только небольшая помеха... у нас нет денег. Нет достаточно денег, — сохраняя важный вид, поправился анрасец. — Знаете, временные трудности.

— Сколько вам нужно? — снова склонившись над письмом и оставаясь будто безразличным к их несерьезной затее, спросил Кроун.

— Мы не попрошайки, достопочтенный, совсем не попрошайки. Нам нужно ровно столько, чтобы добраться до Рохеса и спасти вашу дочь, — быстро ответил Каррид и, почесав за ухом, подтвердил: — Да, ровно столько, ни шилдом больше.

— Хорошо, я дам вам достаточную сумму, — скрипя сандалиями по полированному эбеновому полу, Кроун вышел в другую комнату. Вернулся он с двумя тугими кошельками в одной руке, в другой держал стеклянный шарик с подвижной серебряной рыбкой внутри.

— Двадцать штаров, — сказал магистр, уронив кошельки с золотым шитьем на стол.

— Двадцать настоящих штаров? — Каррид Рэбб порозовел, и рука его потянулась к столешнице, дернулась, вернулась к вновь зачесавшемуся остро уху. — Да... Этого хватит,

господин Кроун. Точно нам хватит.

— А этот прибор — смотрите внимательно, — Варольд положил шарик на ладонь, рыбка, плававшая в пузырьке жидкости, дважды повернулась и замерла. — Укажет вам, где находится мэги Астра. Я сделал его сегодня утром... Для себя сделал. Но все ж, возьмите. Он вам пригодится. Куда указывает голова рыбы, в том направлении моя дочь.

Едва друзья вышли из дома магистра, Каррид сдернул шнурок с одного из кошельков.

— Балд Могучий, ты творишь чудеса! — воскликнул анрасец, жмурясь от огненного блеска монет. — Чистое золото! Никогда столько не видел! Даже издали! Пернатый, мы будем жрать сегодня мясо! Много мяса со сладким, пьяным вином! Жрать и петь похвалы милости Его!

— Волосатый, нам нужно бегом в порт. Жрать будем на корабле, — Леос повернулся и отвесил поклон то ли магистру, наблюдавшему за ними из окна, то ли грифонам, чьи обсидиановые глаза, взирали остро, будто жала копий.

— Мы не пойдем в порт, друг! Да, да! — схватив барда за плечо, Рэбб мигом прервал его протест. — У меня есть мысль получше. Вернее, не мысль, а святейшая идея. Такая, что только Балд мог положить ее в голову! Идем быстро за тем человеком, — он кивнул в сторону муниципального чиновника, распрощавшегося только что с молодой госпожой в желтом кружевном платье и удалявшегося от школы Сафо. Коротко, пока они огибали ажурную изгородь сада радостной богини, анрасец успел посвятить барда в суть своей затеи.

До муниципалитета отсюда было не менее лиги пути. С этой частью Иальса Каррид был хорошо знаком и быстро прикинул, что важный чиновник свернет сейчас либо к Варгиевой площади, либо направится через малолюдный в этот час квартал Бушенпита. К радости анрасца, мужчина в мундире с яркими нашивками не стал сворачивать к рыночной площади, а пошел мимо старых барачков.

— Уважаемый, — окликнул его Каррид Рэбб, бросив на землю кошелек. — Это вы потеряли?

— Что потерял? — иальсец обернулся, подозрительно поглядел на незнакомцев, потом на мастеровых кативших невдалеке тачку.

— Епть! — Леос подхватил тяжелую мошну и высыпал часть ее содержимого на ладонь. — Не, это не он. Точно не он. Здесь с пяток штаров золотом!

— Ну-ка, позвольте, — чиновник муниципалитета почти вприпрыжку двинулся к звенящему золотом барду.

— А не позволю! Я первый увидел. Вообще, этот кошель с утра здесь лежал! — Леос ссыпал монеты в кожаную горловину.

— Точно с утра. Сам Балд послал — люди такими деньгами не швыряются! — заключил Каррид Рэбб, хитро подмигнув другу. — Может, поделим и разбежимся живо?

— На троих, — мужчина в синем форменном мундире облизнул губы и, озираясь, настоял. — На троих, голодранцы!

— А я что? Я не возражаю, если даже на троих. Шагаем скорее! С глаз долой, уже народ плянется! — сжимая крепко кошелек и сияя лицом от восторга, бард устремился в узкий проулок.

— Эй, потише! Потише, парень! Ты только бежать не думай! — приговаривал анрасец, едва успевая за ним и хватая по-дружески локоть семенившего рядом муниципального служащего.

Достигнув середины проулка, бард нырнул в удобную глухую подворотню и, едва жадный до денег чиновник нагнал его, вместо золотых монет в руке Леоса сверкнуло стальное лезвие кинжала.

— Одежонку скидывай, ах ты, жулья рожа! — пропел лирический голос барда.

— Скидавай, скидавай, — подтвердил Рэбб, властно перехватив руку иальсца, потянувшуюся к эфесу меча. — Одежду не нам, мил человек, надо. Так Балд желает. Мы лишь слуги его верные. И башмаки стаскивай. И рубаху.

— Господин э-э... Балдаморд, — со смехом обратился Леос к Карриду Рэббу, — вы представляете, что нам будет за нападение на муниципальное лицо божественно-высокого ранга?

— Гринх что будет. Верно я говорю, синий? — Рэбб легонько тыкнул ножом в оголившуюся чиновничью спину.

— И-и-истинно! — взвыл чиновник. — Совсем ничего! Ежели меня пощадите.

— Вот умница. И штаны снимай. Сам Балд желает видеть твою важную задницу голой, — вежливо попросил Каррид, примеряя поверх жилетки форменный мундир с красными лацканами.

Мундир был ему явно длинноват и доходил полами до колен, гербовые нашивки на рукавах отвисали почти до локтей, но сам низкорослый анрасец будто не испытывал никаких неудобств. Лихо заправив хвост черных волос за воротник, подвернув манжеты, он вытянулся и, исполненный достоинства или даже величия, басовито спросил:

— Ну как?

— О, праведнейший Балдаморд, великолепно! Изящнейше сидит это тряпье на вас! — шутливо восхитился Леос.

— Не врете ли вы, господин Песнехарь? Надурите, точно, как с этим кошельком. А вы что скажете?! — Рэбб резко повернулся к раздетому чиновнику.

— Прекрасно сидит! Чудо изумительное! — выпалил тот и, стыдливо прикрывая шляпой свое мужское естество, попятился к стене.

— Шапку сюда! Бессовестнейший вы человек! — анрасец вырвал из его рук велюровую шляпу с пером и, надев ее, добавил мягче: — Вот вы думаете, потеряли что-нибудь сегодня? Нет, вы приобрели! Ибо благочестивым поступком, от чистоты души приодев страждущих детей Его, вы заметно приблизились к милости единоговерного бога. Да прибудет с вами Слово Балда! А мы пошли, — подняв с земли что-то оставшееся из одежды, Каррид направился к улице и, обернувшись, посоветовал: — Только орать не вздумайте!

Свернув за бараки, Рэбб выбросил узел с бесполезным тряпьем и замер, прислушиваясь — не было слышно ни звуков погони, ни истерических воплей городского чинуши. За углом деловито стучали топоры строителей, на вытоптанном газоне под деревьями детвора и пятнистый лопухий щенок мило истязали кошку.

— И все же поспешим. Воздадим молитву нашу по пути, — благоразумно решил Каррид.

Быстрым шагом они достигли Анекора, поднялись до мебельной лавки и оттуда бегом бросились к небольшой площади, над которой виднелись мачты «Песни Раи», увенчанные трехцветными флажками.

— Господин Свилг?! — небрежно оттолкнув охранника, Каррид подскочил к хозяину летающего корабля. — Так, так, господин Свилг! Теперь понятно! Уяснительно все до самого дна!

— Нам нужно было догадаться раньше! — всплеснув руками, возмущенно воскликнул Леос. — Конечно, ваш корабль удобнеее место! Прямо, как у бога в штанах!

— Где вы прячете его?! — вскричал анрасец, побагровев вдруг от гнева.

— Господа! Господа! — Свилг уронил на мостовую скрепленные проволокой линзы и замер с застрявшим воздухом в груди. Казалось, мастер сейчас лопнет воплем, но вместо этого он жалко согнулся и выдавил: — Кого?

— Ах, вы паясничать вздумали! — взревел Рэбб, пальцы, стиснувшие рукоять чиновничьего меча, побелели. — Где вы прячете беглого преступника!

— Где Балдаморд! Где?! Где этот негодяй?! В трюме?! — Леос вытянул палец к висевшему над ними кораблю.

— Эй, вы, — анрасец махнул рукой опешившим охранникам. — Марш туда! Перекрыть эту улицу! Чтоб и блоха не проскочила! А вы двое туда! — он указал на проход к саду красно-каменного имения.

— Влезайте, господин Свилг! Влезайте! С вашей помощью мы обследуем каждый угол, — бард потянул веревочную лестницу, свисавшую с борта «Песни Раи».

— Но вы пугаете! Здесь нет никого...

Свилг было воспротивился, но Каррид Рэбб выхватил меч, произнес громко и торжественно:

— Велением Балда и всего народа Иальса!

Наверное, имени Всемогущего было достаточно — мастер Свилг со сноровкой обезьяны вознесся на палубу небесного корабля. Леос и Каррид быстро поднялись за ним. Двое охранников, увидев явно сумасшедшего муниципального чиновника, вытянулись, с девичьей стыдливостью потупив глаза и напуская улыбки.

— Шет! Шет! — выругался анрасец, когда шляпа его почти случайным образом кувыркнулась через фальшборт. — Эй ты, а ну принеси! — махнул он сконфузившемуся стражнику и, едва тот спустился с последней ступеньки, Леос мигом втянул веревочную лестницу наверх.

В этот миг до Свилга дошло, какова была настоящая цель визита незнакомцев столь безумного вида.

— На помощь! Грабят! — заорал он, бросаясь под защиту оставшегося охранника.

Однако детина в сетчатой кольчуге, увидев меч в руке Каррида Рэбба, предпочел прыгнуть за борт. Из переулка и от усадебного сада, звеня броней, обнажая клинки, бежали охранники, только было поздно уже — анрасец перерубил крепезные канаты на корме, Леос перерезал веревку рядом с рострой, и судно, качнувшись, начало набирать высоту.

— Хвала тебе Балд Великий! — восторженно выдохнул Каррид Рэбб.

— О, Рая! Как прекрасен мир и полет с тобой! — раскинув руки, словно крылья, бард стал на носу рядом с золоченой статуей богини.

Внизу проплывали черепичные крыши домов, улицы, заполненные людьми, восхищенно глядящими вверх, яркие флаги на шпилях башен рыцарского Ордена. Впереди светло и торжественно вставал храм Герма, зеленые сады, розовато-белый колоннады вокруг. Рядом сверкали солнцем и переливами неба тихие воды Росны.

Как только они достигли реки, Свилг издал кошачий вопль и прыгнул за борт.

— Ну и шет ему вслед, — с хохотом сказал Каррид Рэбб. Сбросив душный мундир, он расплел волосы, тряхнув головой, разбросал их по широким плечам и спине. — Пусть охладится. Мы сами научимся управлять этой штукой. Ведь с нами Балд!

Это был пятый день Давпера в Ланерии и складывался он на удивление удачно. С утра отыскался старик-либиец, который за небольшую плату нарисовал подробный план храма Абопа на Карбосе и рассказал о его некоторых тайнах. Следом прибежал судебный посыльный и торжественно вручил господину Хивсу имущественные бумаги на «Гедон». Хотя люди Мораса до сих пор не могли разыскать беглого эклектика, но об этой, несколько затянувшейся, неприятности помогла забыть жена Красма. Давпер встретился с ней после полудня в «Раковине Эрисы» и по неясной прихоти снял именно ту уютную комнату, которой так недолго владела несчастная мэги Пэй. Без лишних слов он бросил ланерийку на постель и терзал ее, как голодный лев сладкую жертву. В какой-то миг в ее мучительных вскриках Давперу почудился стон Астры, и он едва не задушил свою добычу, схватив ее за шею и совсем обезумев в своем порыве. А потом Эниса Корин ублажала его уставшее тело умелыми поцелуями, шептала молитвы Рае и вздрагивала от прикосновений его беспощадных рук.

— Только мужу не говори, — шутя, попросил Давпер, когда она оделась.

— Ты дурак, — ланерийка рассмеялась, поправляя шнуровку на полной груди. — Ты идиот! Животное! Я вся в синяках!

— Тебе же это нравится, — Хивс притянул ее за пояс, заглянул в серые счастливые глаза. — Нравится? — переспросил он, сжимая ее руку.

— Давпер, а увези меня куда-нибудь. Надолго... — она склонила голову, роняя ему на плечо светло-русые локоны.

— Месяцев через пять-шесть. Я куплю твоего мужа, куплю короля, Ланерию, весь Рохес. И сделаю тебя королевой. Не веришь? А на этой головке, — он провел пальцем по ее лбу, — будет сверкать Черная Корона богини.

— Не верю. И не хочу даже, — Эниса подняла шелковый флер и подошла к зеркалу, разглядывая на шее лиловый след пальцев пирата и с насмешкой предвкушая нелепые вопросы мужа. — Помнишь, как было хорошо в старом доме у кладбища? — наблюдая за отражением Хивса, спросила она. — Теперь его нет. Его сожгла какая-то мэги. Я знаю, почему сожгла. Хочу, чтобы ее скорее казнили. И попрошу Красма об этом похлопотать, — она накинула флер и направилась к двери.

Давпер, выйдя из таверны, поднялся по аллее, густо затененной каштанами, к храму Крона, а оттуда дальше, мимо пекарни и лавок, украшенных по-деревенски безвкусно лентами и увядшими цветами. Свернул на узкую, зажатую домиками, улочку и скоро вышел к жилищу Кникии.

— Ждала что ли? — удивился он, завидев старуху, встречавшую его на пороге.

— Еще с утра. Как же иначе, если говорят о тебе не только люди, — приоткрыв вялый рот, сивилла оскалила желтые камешки зубов. — Идем.

Они прошли в дальнюю комнату. Крохотный огонек черной свечи вздрогнул, когда отворилась дверь. Старуха сразу же опустила на оконце плотную пыльную штору, траченную до дыр молью. Хивс поморщился:

— У тебя тут что, сдох кто?

— У меня часто кто-нибудь сдыхает, — Кникия закашлялась или хрипло рассмеялась. — Иначе самой не жить.

Голуби, сидевшие в большой железной клетке, забили крыльями, затрепыхались, роняя сизые перья и почти по-человечьи ворча. Сивилла разожгла огонь в широкой бронзовой чаше. Гладко выскобленный череп со скошенным лбом и массивными челюстями, скалился с колченогого стола. В углу валялась груда тряпья и тощая подушка. Похоже было, что старуха так и спала в этой душной комнате, охраняя свои колдовские сокровища. Полки из неструганных досок тянулись вдоль прокопченной стены у очага. Зловещего вида амулеты, связки свечей и сушеных трав были свалены на них беспорядочной грудой. Кникия порылась в этой куче, достала коробочку с мутными серыми кристаллами. Бросила несколько кристаллов в огонь — пламя загудело, окрашиваясь цветом крови. Лохмотья черного дыма разлетелись по комнате, и Давпер закашлялся. Старуха глянула на него с ухмылкой.

— Подойди сюда, — попросила она. — Ну? Выбери птичку.

— Вот этот, — Хивс указал на молодого голубка, белого с бурыми пятнами. — Нравится мне.

— Одобряю, — Кникия открыла клетку и ловко поймала будущую жертву костистой рукой. — Думай, Давпер, думай, что будет, и что тебя волнует. И не отходи от меня.

Она повернулась к алтарю — ровной глыбе мрамора, исчерканной неясными знаками, и спохватилась:

— Ох, черепушку забыли. Давай ее скорее сюда.

Давпер был уже хорошо знаком с ритуалом и, подняв череп, аккуратно положил его в выемку в алтарной плите. Черные глазницы теперь смотрели прямо на пирата, и он, слыша шипение огня позади и отчаянные трепыхания птицы, подумал: «Неужели символом всего, что будет, есть эта безобразная голая кость. Впрочем, так оно и есть. Смерть и прах — итог всему. Остается только торопливо заботиться о мясе, покрывающем эти, пока подвижные кости. Ублажать его при каждом случае. Тешить его минутами славы, утверждать величие маленькими победами и пьяным зрелищем падения, смерти других».

Один взмах изогнутого ножа — и брызнула горячая кровь, омывая череп, растекаясь по рельефу каменной плиты. Голова птицы упала на алтарь, маленький янтарный глаз смотрел с ужасом в неведомую тьму, а тело еще билось на полу, разбрасывая перья и хлопая крыльями. Неожиданный порыв ветра бросил пригоршню пепла из очага, закружился по комнате, приподнимая тяжелые занавеси. Запах тлена заполнил помещение, словно внезапно открылась дверь в древний склеп.

Закрыв глаза, сивилла зачитала заклятия, склонилась над алтарем, разглядывая потеки и капли крови, пометившей знаки на камне, разлившейся замысловатым рисунком, в котором было столько всего. Едва не касаясь плиты зазубренным желтым ногтем, старуха водила им над кровавыми письменами и бормотала что-то голосом, похожим шорох огня.

— Что видишь Кникия? — нетерпеливо спросил Давпер.

— Не спеши, — она оттолкнула ногой обезглавленную тушку птицы. — Молчи. Сейчас молчи.

— Вижу твою удачу, — наконец заговорила сивилла. — Да... большую удачу. Там, где другой бы пропал, сгинул без пользы, ты выкарабкаешься. На южный же остров дорога?

Давпер кивнул.

— Вижу безумный огонь, руины древние дрожат, сыплются прахом... и могучего чудовища рев... Мэги черноволосая, совсем молодая... Она поможет тебе. Поможет хитро, что ты и вообразить не можешь, — Кникия убрала с глаз седые пряди и наклонилась ниже. — Только не мешай ей. Не будешь мешать — она поможет. Или все будет прахом, и

корабль твой утонет, и море будет в крови! Прошу, не мешай! Она сделает все сама, волей богов или дряней некроновых, но сделает. Вот клянусь тебе! Наберись терпения и тогда все получишь. Все, что пожелаешь, вынесешь из их шетова храма, но прежде не мешай!

— Странно, Кникии? Ты бы внимательнее смотрела, — Давпер помнил давние предсказания старухи, и все они были точны. Но то, что она говорила сейчас, казалось каким-то хмельным бредом. — С чего ей помогать мне?

— Враг она тебе. Это уж понятно, — глянув на него косо, сивилла оскалила зубы. — Запомни, на острове твоя и ее цель едины. Ты главное не противься, послушай старую Кни. И сам не лезь в пекло. А после всего и девчонка будет твоей. Будет птичкой в клетке — только руку протяни...

— Старая ведьма, вот как тебе не верить, после Сагель-Аля или заварухи с «Чайкой»? Нет, я тебе верю, Кни, — он усмехнулся в ответ и положил ей руку на худое плечо. — Верю и боюсь.

У Кникии задержался ненадолго. Вышел от нее около часа Береса и, размышляя о столе нелепом, но приятном пророчестве, направился в Суд Архора. Переговорив со знакомым гиленом, оставив там немалый вес кошелька, Давпер вернулся в таверну, где его ожидал Морас, и сказал:

— Капитан, а кое-что изменилось. Изменилось так, что... нет, я не буду сейчас вам ничего говорить, — решил он, нервно потянувшись к отпитой кружке с элем. — Готовьте к отплытию «Гедон». Завтра или не позже чем послезавтра мы должны быть в море. Плыдем на Карбос, шет его порви!

— Давпер, вы уверены в том, что говорите? — недоверчиво спросил Морас.

— Да, да, кэп, я уверен в том, что я говорю. Снаряжайте «Гедон». Все барахло с «Нага» по списку пусть грузят туда. Не забудьте бочки с порошком Бугета. Если самого этого мерзавца ваши люди не найдут до отплытия, значит не судьба. Перепоручите его поиски доверенным Пери — он нам все равно потребуется после Карбоса.

— Как скажите, господин Хивс. Надеюсь, для этого серьезные основания, — Морас встал с дивана, опираясь на трость, прошелся по комнате до окна. — Мы наняли в команду только шестерых. Нужно хотя бы еще человек десять — двенадцать. Если храм придется брать приступом, у нас не хватит людей.

— Так найдите их. По кабакам полно всякого сброду. Что вы так разборчивы, Морас? Мне плевать из кого состоит команда, которая нужна только на месяц. И вот еще, — он смягчился, вытащив свиток с гербом ланерийского суда. — Это деликатное дело. Как стемнеет, пошлите толковых людей на шлюпке к Гарунской крепости. Там все будет договорено. Вот распоряжение. Пусть они заберут мэги и доставят ее на «Гедон».

— Отказываетесь от семисот штаров, Давпер? — Морас медленно повернулся, морщина на его лице стала глубже, круто изогнулась к губам. — Понимаю ваше нетерпение. Магистр будет много ворчать, но это не мое дело.

* * *

Уже стемнело. На небе появились звезды, такие далекие, что их тусклый блеск казался обманом усталых глаз. Лишь по-прежнему реальна была черная решетка на окне и стены — их не видно в сгустившейся тьме, но власть их ощутима сильнее хватки пальцев стального голема.

Днем было легче. Прячась от мыслей, похожих на скользких ядовитых змеек, Астра царапала знаки на камне и подолгу размышляла над их многосложной сутью, нашептывая слова Нумбуса, когда-то говорившего много об этой сути — теперь слова его были просто словами. Еще она пыталась понять таинственное назначение кольца Керлока, которое прятала, едва заслышав шаги в башне.

«Оно силу имеет — многие за ним гонялись. В чем сила — не скажу. Ведь ты хорошая мэги — сама разберешься... когда-нибудь» — вспоминая слова призрака, Астра разглядывала маленький мутный топаз, оправленный в серебро, старалась рассмотреть тонкую инталию, понять ее смысл — разобраться. Но смысл растворялся в полумраке тяжелых стен. Наверное, она была плохой мэги. Да и не мэги была теперь — жалкой пленницей, без сил и надежды.

Третий вечер подряд появлялась высокая худая старуха в сопровождении тюремщиков. Она вливала Астре в рот несколько глотков отравы Хеф, потом, трогая ее лицо сухими, как ветхий пергамент, руками, разглядывала ее глаза. Астра чувствовала, что еще пять, может, шесть таких дней, и связь с эфиром оборвется для нее навсегда. Магическое тепло, к которому она привыкла с детства, которое было продолжением ее рук, ее изменчивого настроения и безумных чувств, станет таким же далеким, непонятным, как блеск тусклых звезд в окне. Теперь мэги понимала, отчего гибнет быстро пойманная рыбка в банке, и почему умирали анрасские ведьмы. Когда старуха и тюремщики уходили, она падала на колени в углу тесной темницы, засунув пальцы глубже в горло, пыталась вырвать отвратительное питье — не получалось ничего, отравы слишком быстро растворялась в теле.

Лязг решеток и звон ключей снова насторожил ее. Астра не могла привыкнуть к этим звукам: они напоминали треск тонкого льда под ногами, от которого замирание сердца и страх, что еще шаг — и неизвестно, что будет дальше. Шаги на лестнице приближались. Скоро ржавый засов заскрипел, и дверь ее камеры отворилась.

— Идем, госпожа ведьма.

В красном блеске факелов, Астра разглядела лицо тюремщика, навещавшего ее в первый день.

— Куда? — она поднялась с подстилки, зажав кольцо в кулаке.

— Там поймешь, — наклонившись, он вошел в камеру. — Ну, не бойся. Хуже, думаю, не будет.

— Я не боюсь. Только куда на ночь? — мэги отстранилась от руки, потянувшейся к ее волосам.

— А ты привередливая. Я же говорил: нельзя здесь быть такой. Иди, — он подтолкнул ее к двери, — нет у меня времени с тобой шутить.

Они спустились к сводчатому проходу, освещенному масляными лампами. Здесь было особо противно — воняло отбросами, мокрой от мочи соломой. Из-за решеток угрюмо и недобро блестели глаза заключенных, одетых в рваное тряпье, едва прикрывавшее тощие тела. Кто-то бормотал невнятно, лохматый старик, вжавшись в железные прутья, тянул со стоном длинные, похожие на сухие ветви руки.

— Вишь как? Есть у нас еще и подвалы. Там хуже. Плохо там, — приговаривал тюремщик, позвякивая ключами. — Тебя мы как королеву держали. Так что цени и помни.

— Ценю. В двести сальдов, которые вы у меня отобрали. Куда теперь? — Астра остановилась у лестницы, круто сходящей вниз. Справа тянулся в темноту еще один проход, рядом была оббитая железом дверь.

— Сюда, — он отпер замок и сдернул засов. — Люди тебя ждут посланные.

Он выпустил ее во двор, освещенный луной, и провел к воротам, охранявшимся нарядом кирасиров. Что-то сказал им, и те засуетились. Скоро, отворяясь, заскрипела калитка. От волнения Астра почувствовала жар, подступивший к щекам и груди, ночной воздух стал тягучим и пьяным. Она представила, что там, за крепкими высокими воротами стоит Голаф или милый олен Трим, и тогда она, бросившись навстречу им, не сможет сдержать слез.

— Пожалуйста, уважаемые, — тюремщик легонько подтолкнул мэги к незнакомым мужчинам, лица которых в темноте трудно было разглядеть. — Она? Передаю в самом лучшем ее виде.

— Она. Госпожа Пэй, — один из встречавших, одетый в коричневый сюртук, довольно кивнул.

— Кто вас послал? Давпер? — догадалась Астра, заметив татуировку трилистника на руке одного из них. — Я не пойду с вами! — она попятилась к наблюдавшим за странной сценой стражам. — Я не пойду! Суда лживого буду ждать здесь!

— Не противьтесь, госпожа. У нас приказ вас доставить куда следует, — Григор решительно шагнул в крепостной двор. — И мы это сделаем!

— Так что прошу, — мужчина в коричневом сюртуке указал на шлюпку, качавшуюся у берега в блеклом свете луны.

— Нет! — Астра рванулась из твердых объятий боцмана, но ему на помощь пришел тюремщик и матрос из команды Мораса.

— Хорошо же, гады шетовы! — застонала она. — Руки прочь! Сама пойду! Только вам всем хуже будет.

От ворот до шлюпки было не более двухсот шагов по крутой тропе между камней, сходящей зигзагом вниз. Астра подумала, что на повороте она может оттолкнуть боцмана, добежать до уступа и прыгнуть в море. Конечно, далеко ей не уплыть — противоположный берег был слишком далеко, и пираты легко догонят ее на лодке, но лучше утонуть, захлебнуться в горькой воде, чем трусливо отказаться от попытки обрести свободу.

— Не вздумай, — Григор будто прочитал ее мысли: едва она замедлила шаг, повернулся и поймал мэги за руку.

Остаток пути он держал ее за рукав платья, в другой руке с ясным намеком покручивал прочную пеньковую веревку.

Астру усадили на заднюю скамейку, гребцы схватились за весла, и шлюпка взяла курс к гавани Ланерии, освещенной огоньками на кораблях, мерцавшими у доков кострами и множеством окон, оживших в этот час припортовых заведений. С хлюпами била в борт мелкая волна, звезды качались вокруг гаснущими, вспыхивающими искрами — неверными, призрачными знаками неба. За отмелью с пирамидой маяка виднелась цепь рифов, отороченная седой гривой пены.

— Зря ты, госпожа, против нашего хозяина так. Он совсем недурной человек. Кто к нему по-доброму, от него добро тоже получает, — заметил боцман, все еще покручивая веревку и глядя исподлобья на пленницу. — Советую, проси прощения у него. Покайся по-женски, и он смягчится. Мучиться у нас совсем не будешь.

— Ах, сердечно благодарю, — с презрительной усмешкой Астра кивнула ему. — Вы так заботливы, господин пират. Как отец родной. Я сделаю, ровно так, как вы велите. Обязательно покаюсь... Когда проклятая душа его в пекло Некрона извергнется!

В этот момент лодку сильно качнуло, и гребцы разом опустили весла, озираясь на

волны за бортом.

— Амфитрита! — привстав, с благоговением произнес матрос.

Вынырнув из волн, посеребренных луной, морская дева звонко рассмеялась.

— Дурная какая-то, — Григор тоже привстал, хватаясь за борт.

— Мэги Пэй, тебе не страшно? — Бирессиа ловко кувыркнувшись, подплыла ближе. — Не страшно? Ведь лодка маленькая, может перевернуться сейчас. Точно так, как мое счастье из-за тебя.

— Пожалуйста, сделай это! Я не боюсь! — крикнула Астра, увидев еще несколько быстрых тел, мелькнувших у поверхности воды.

Бирессиа не ответила, нырнула, и тут же лодку качнуло так, что вставший матрос едва устоял на ногах.

— Сильнее! — Астра вскочила, наступая ногой на борт.

— Мэги держите! О, Герм-отец! — взмолился боцман, увидев рядом головы двух амфитрит. — Бейте, отгоняйте их веслами! — заорал он, только гребцы не успели ничего предпринять — следующий мощный толчок перевернул шлюпку.

Оказавшись в воде, Астра сразу нырнула, отплывая дальше от опрокинувшегося суденышка и, вопящих проклятия, прислужников Давпера. Платье липло к телу, сковывало движения. Всплыв, чтобы глотнуть воздуха, оглядеться, мэги смахнула мокрые волосы с лица и вдруг почувствовала, как кто-то схватил ее за ногу, резко потащил ко дну. Не оставалось сомнений, что это была проделка Бирессии — ее безумная, необъяснимая ничем месть. Астра забилась отчаянно, изо всех сил, изогнулась, стараясь отцепить ее руки или схватить амфитриту за волосы, но морская дева была слишком ловкой в родной стихии, тянула свою жертву все ниже и ниже. Черная, холодная вода судорожной болью сжимала грудь, кровь стучала в висках, тело коченело от страха. Когда Астра подумала, что гибель уже неизбежна — нужно лишь открыть рот, впустить смерть, стиснувшую горло, то амфитрита почему-то оставила ее. Следом мэги схватили другие руки и через несколько мгновений вынесли на поверхность. Давясь солеными брызгами, она жадно вдыхала воздух. В груди что-то хлопотало, хрипело, и сердце рвалось на части.

— Хранит тебя Эриса, прекрасная мэги, — услышала она голос, похожий на плеск воды, открыв глаза, увидела перед собой лицо молодого амфитриона.

— Все хорошо, — продолжил он, легко придерживая ее. — Прости мою безумную подругу.

— Шет ее епть, — Астра дернулась и закашлялась, снова чуть не хлебнув воды.

— Ну, держись за меня, — он повернулся, переложив ее руки на свои плечи. — Крепче держись.

Амфитрион шумно выдохнул и поплыл, рассекая волны, словно быстрый дельфин.

— Прошу тебя, к берегу! — Астра прижалась к его сильному, изгибающемуся с рыбьей грацией телу.

Сзади слышался смех амфитрит, всплески и вопли команды перевернутой шлюпки.

До западной оконечности бухты было пять-шесть лиг. Амфитрион плыл без остановки, и менее чем через четверть часа они достигли скал, тянувшихся от маяка к ланерийскому порту. Лишь когда Астра выбралась на берег, стала твердо на омытые морем камни, чувство счастливейшего освобождения охватило ее, словно настигшая вдруг волна радостной, кипящей стихии.

— О, Рена Светлейшая! Эриса Властительница! Слава! Слава вам! — вскричала она

повернувшись к морю и вскинув руки. — И тебе спасибо, добрейший амфитрион! Точно быть бы мне на дне или Давпер меня сейчас терзал, что не лучше смерти! Как твое имя?

— Коралисс. Я думал, ты его знаешь, Астра Пэй, — он проворно выбрался из воды, стал с ней рядом.

— Коралисс... — Астра вспомнила пьяный бред Бирессии на палубе корабля и теперь внимательнее рассматривала своего спасителя, казавшегося в лунном свете серебряной статуей прекрасного морского бога. — Да, Коралисс, откуда-то знаю. А вы, получается, перевернули лодку неслучайно и не ради забавы?

— Мы хотели тебе помочь. Ведь Вода тоже знает. Почти все. Я слышал твои моления в той башне, — амфитрион повернулся к Гарунской крепости, видневшейся темным силуэтом у выхода из бухты. — И слышал разговоры пиратов.

— Да, Вода знает — древняя мудрость атрийцев. Тогда, может быть, ты скажешь, что-нибудь и об Голафе Брисе? — с надеждой спросила Астра.

— Он остановился в таверне «Полная чаша». Где-то недалеко от пристани.

— И сейчас он там? Так, Коралисс? — в нетерпении мэги встряхнула его за руку. — Мне нужно его скорее увидеть.

— Лучше не ходить в город сейчас. Твои недруги, будут искать тебя по улицам, любым заметным местам. И мокрая одежда сразу выдаст. А еще мне нужно с тобой поговорить... — он на миг замолчал, отведя взгляд, потом уточнил: — Разговор о либийском храме на Карбосе. Я знаю, что ты окажешься там уже скоро. Еще знаю, что только ты сумеешь помочь нашему маленькому народу. Хочу попросить кое о чем, прекраснейшая из земных.

— Так говори, Коралисс. Я твоя должница, — согласилась Астра, упоминание о храме на Карбосе сразу заинтересовало ее.

— А ты, пока я буду рассказывать, можешь высушить платье. Повесь его на ту ветку, — он указал на кусты тамариска, темневшие на невысоком уступе.

— Хорошая мысль. Только для этого мне придется раздеться перед молодым амфитрионом, который меня и без того смущает, — она усмехнулась и развязала шнуровку, сходящую от ворота к груди.

— Когда я был маленький, я думал, что вы одеваетесь, чтобы больше отличаться друг на друга. А, оказывается, от смущения.

— Нет, мы носим одежду потому, что она красивая. Иногда красивая. Отвернись, — подняв край юбки, Астра шутя и чуть сердито топнула ногой. — Иди лучше в море.

Когда Коралисс исчез в волнах с тихим шлепком, она расстегнула пояс и освободилась от тяжелого, пристававшего, словно чужая кожа, платья. Повесила его на куст и, оставив там же нижнюю рубашку, спрыгнула в воду.

— Коралисс! — негромко позвала мэги, оглядывая медленные волны, игравшие лунными бликами.

Амфитрион вынырнул рядом, обдав ее мелкими брызгами.

— Хочешь, поплывем пиратскому кораблю? Можем подслушать, как бесятся твои недруги, — предложил он.

— Нет уж. Я сегодня наплавалась на две жизни вперед. Рассказывай о либийском храме, — Астра приблизилась к нему и остановилась, когда вода накрыла плечи. — Ты знаешь, для чего там Давперу девушки с именами на «А»?

— Они станут невестами. Невестами Аасфира, — улыбка сошла с его губ, он смахнул капли обильно стекавшие по лицу.

— Невестами? Морского змея, которому поклоняются служители храма? — изумилась мэги.

— Раз в шесть месяцев в дни полнолуния одна из них. Только это жестокая свадьба: жрецы привязывают девушку возле ступеней, спускающихся в воду, и Аасфир забирает ее, чтобы растерзать у них на глазах или окрасить ее кровью море. Поплыли к рифам, там сейчас хорошо, идет теплый прибой, — амфитрион протянул ей руку, оттолкнувшись от дна, Астра схватилась за его перепончатую ладонь.

— Если знаешь, Аасфир — сын Абопа, черного змеетелого бога либийцев, который живет далеко за Океаном и ест солнце по ночам. Аасфиру много тысяч лет, и все это время длится кровавый обряд его слуг, — продолжил он.

Они плыли навстречу прибою, набегавшему теплыми струями, шумевшему в прибрежных скалах и на отмели. Коралисс рассказывал все известное ему про мрачный храм на Карбосе, потом заговорил о бедах, которые причинял Аасфир морскому народу, возвращаясь к атрийским островам и устраивая жестокую охоту возле подводного города. Почти каждый день чудовище пожирало кого-нибудь из амфитритов, появляясь неожиданно, словно стремительное жало смерти. Их маленькое воинство, вооруженное хилыми копьями и костяными мечами было бессильно против гигантского змея, прочную кожу которого не могла повредить даже острая, твердейшая сталь. Магией морских людей, целиком подчиненной Стихии Воды, изредка удавалось его обмануть иллюзией или усыпить на время, чтобы дать возможность скрыться амфитритам в глубоких подводных пещерах, только в этом была слабая помощь в борьбе с неуязвимым сыном либийского бога.

Усевшись на скальный выступ, Астра долго молчала, глядя черно-серебряную цепь рифов, после рассказа Коралисса похожую на затаившееся тело Аасфира. Луна взошла высоко, сверкая, как лезвие кривого клинка корсаров. От этого света было неуютно, зябко, лишь теплое течение приятно ласкало ноги.

— Так что ты хочешь, Коралисс? Чтобы я убила самого сына Абопа? — спросила она, отгребая рукой таявшую быстро пену. — Даже если бы мне по силам было такое, то Пожирающий Солнце мне бы этого не простил.

— Тебе по силам. Вода говорит, что ты — великая мэги. Ты справишься, если только очень захочешь. А наш маленький морской народ, число которого становится все меньше, будет благодарен тебе до конца дней. И я стану твоим верным слугой, — он спустился ниже и положил голову ей на колени. — Пожалуйста, мэги Астра...

— Даже не представляю, как это сделать. Сам подумай: что мои заклятия против огромного морского гада? Но помочь я вам хочу. Тем более, я — твоя должница, — она погладила его волосы и мягкий гребень на спине. — А мэги Астра умеет дружить и помнит добро.

— Знаю, Аасфира можно победить на суше. В храме на Карбосе он выйдет за жертвой из воды, только вот чем его можно победить, я не знаю. Уверен, что ты придумаешь что-нибудь. Эти маленькие, нежные руки сильнее волшебства мрачного бога, — он прижался щекой к ее ладони, думая, что очень скоро в нее вернется сила, о которой шептали знаки Воды.

— Обещаю сделать, что смогу, Коралисс. Обещаю. Плыдем к берегу, — Астра спустилась, держась за выступ рифа.

— Мне хотелось бы быть с тобой до утра. Знаешь, какой красивый в море рассвет? — Коралисс подхватил ее и повернул к себе.

— Меня ждет Голаф Брис, — мэги отстранилась слегка и, не удержавшись на скользком камне, снова прижалась к нему. — Ждет Голаф. Хотя, шет пополам, он меня ждет! Может быть, он обо мне уже забыл.

— У тебя очень теплое тело, словно южное солнце. И в твоих глазах солнце, даже ночью, — амфитрион изогнулся и поцеловал ее в губы.

— Коралисс! Не смей так! — она всплеснула руками, поднимая высоко брызги.

— Тебя это обидело?

— Нет, — Астра положила голову ему на плечо и провела ладонью по спине с гребнем, тугой и гладкой, как у дельфина. — Меня никогда не целовали амфитрионы. И еще я не хочу, чтобы меня утопила Бирессиа. Пожалуйста, поплыли к берегу.

Добравшись вскоре скал возле маяка, Астра одела еще влажное по краям платье и попрощалась с Коралиссом.

— Выше за кустом накидка лежит. Накройся ею, чтобы тебя не узнал кто из недругов, — сказал напоследок амфитрион. — Хранит тебя Властительница! И будет во всем удача! — добавил он, теперь почему-то робко коснулся губами ее щеки.

Накидка, которую предложил Коралисс, оказалась куском шерстяной, рваной ткани, обтрепанной до длинных махров, служившей, наверное, подстилкой какому-то нищему. Но и такой незавидной обновкой Астра пренебрегать не стала — она замерзла после ночного купания, да и опасаться глаз пиратского братства из горького опыта ей было не лишним. Укутавшись с головой в накидку, мэги направилась мигавшему огнями порту. Уже на исходе часа Змеи, не доходя до Коралловой площади, она отыскала «Полную чашу». Перед таверной жизнь еще не замерла: под фонарями стояла пара повозок, у входа весело болтали несколько девок и растомленных вином постояльцев.

Астра поднялась в гостиную и спросила у молодой прислуги о рейнджере, описав его не особо приметную внешность.

— Там. Там такой сидит, — кивнув на ступени, сходящие в кабак, уверенно сказала ланерийка. — До сих пор сидит. Не со вчера как бы.

Спустившись по лестнице в зал со стенами грубого камня и десятком столов, мэги остановилась за деревянной колонной в тени, оглядывая кутежников, сгрудившихся над игровой доской. Две хмельные компании расположились сразу под лестницей и дружно звенели посудой. Старик, подняв тяжелую чашу, говорил что-то пламенно, его, открыв рты, слушали девушки-подавальщицы и сам высунувшийся из-за стойки трактирщик. Другим милее была песня чьего-то сытого вином горла. Огонь на жаровне еще не погас, его отблески приплясывали на красных, довольных лицах гостей.

Пройдя дальше, мэги увидела Голафа. Он сидел за столом, заставленным наполовину грязной посудой. Напротив него из-за перевернутого кувшина выглядывало бородатое существо, похожее на изрядно потрепанного эклектика Берната Холига. Это соседство только в первый миг удивило Астру, она двинулась к ним и остановилась в нескольких шагах перед рейнджером.

— Чего еще? — спросил Брис, лениво подняв взгляд от стола. — Не в настроении я, девонька. Ты завтра это... Давай завтра?

— Скотина нажратая... — выдавила она. В горле стало сухо, Астра схватила кружку с вином из его рук и отпила почти до дна. — Завтра, да?! Мне — завтра?! Так, господин пьяный рейнджер?!

— Госпожа, это ты? — Бернат, выронив ломоть хлеба, прищурился, челюсть его

медленно отвисла.

— Нет, это моя разгневанная душа! Глаза протрите, господин коротыш! — мэги сняла накидку с головы и встряхнула волосами.

— Мэги Пэй... мэги Пэй... — дважды повторил Брис, его замутненный попойкой ум не позволял достойно продолжить начатую фразу и рейнджер потянулся на всякий случай к кувшину. — Тебя уже выпустили? Шет... шет... шет... Ты сбежала! — неожиданное прозрение синим отблеском сверкнуло в его глазах, и глиняная ручка кувшина разлетелась в крепком кулаке. — Астра, ты сбежала от них!

— Представь себе! Я думала, Голаф, ты по камешку разберешь державшие меня стены! — опираясь на стол, она наклонилась к нему и произнесла тише, с горечью: — Думала, ты хоть чуть озабочен, как помочь мне! А ты тут все сил да смелости набираешься! Скотина!

— Госпожа! Милая госпожа! — Бернат вскочил, оттолкнув скамейку, и, схватив руку мэги, прижал ее к губам. — Мы уже третий день думаем! Только о тебе! Герм свидетель! Пьем исключительно от горя! И все время думаем! Мы бы уже по камешку, госпожа! Стены и остров тот! Не пожалел бы костей своих! Мы хотели так! — искренне воскликнул он, взгляд его окончательно протрезвел, и эклектик с еще большим воодушевлением заговорил дальше: — Только олен Трим вмешался. К добру или худу, вмешался, пообещал, что судом честным все решит. Он свидетелей нашел из наряда ночных стражей, которые видели, как тебя в то утро из «Раковины» волокли. Еще каких-то полезных людей нашел! Госпожа! Олен Трим нас остановил! Убеждал, что все будет по чести и закону!

— Дорогая, клянусь тебе! Клянусь, ни минуты не забывали! — Голаф тоже вскочил, поднял и нервно отставил кувшин. — Я хотел убить его. Давпера... Еще вчера была возможность. И твоего хлыща Трима, — он шагнул к мэги, остановился в нерешительности, разглядывая ее лицо и глаза, окрашенные медным светом лампы.

— Что стоишь, мерзкий франкиец? — Астра смяла край накидки, в которой стало неуютно и душно, разжав пальцы, уронила ее на пол. — Поцелуй меня, что ли...

— Если позволишь, моя дорогая мэги, — рейнджер улыбнулся, осторожно обнял ее за талию, заглядывая долго в глаза, видел, как в них вздрагивали, распускались золотистые лепестки. Потом припал к ее губам, нежно и жадно.

— Голаф! — вырвавшись на миг, Астра прихлопнула кулаками по его спине. — На нас смотрят, Голаф!

На них действительно смотрели со всех сторон. Даже чья-то пьяная долгая песня повисла и оборвалась на неожиданной ноте.

— Хозяин! Два кувшина вина! Лучшего! — махнув трактирщику, вдохновенно воскликнул Бернат Холиг.

Оставаться в таверне Астре, впрочем, как и эклектику Холигу было опасным — подручные Давпера или стражи могли легко отыскать их здесь и в любом публичном заведении Ланерии. Именно поэтому Ренайт Трим, пожаловавший рано утром, настоял, чтобы они перебрались в его пустующий домик на окраине, возле Высоких садов. После недолгих уговоров это показалось разумным даже мэги. С одной стороны ей не терпелось найти способ выплеснуть на пирата гнев, скопившийся за последние дни, подобно черной грозовой туче. С другой, помня о морском чудовище и разговоре с Коралиссом, Астра понимала, что все может разрешиться только на Карбосе. Уже скоро там, на маленьком островке среди моря сойдутся они без всяких свидетелей Закона, Порядка, без добродушных

и коварных советчиков, сойдутся, и их рассудит дикая воля богов.

Собрав немногие вещи, прибывшие с «Фарилией» и запасшись алхимическими приспособлениями, необходимость которых Бернат обговорил с Тримом, они втроем переехали в имение олена — небольшой двухэтажный домик с гранитными колоннами у входа, напоминавший древний рохесский храм. Высокие сады, раскинувшиеся по склонам холмов, скрывали их от посторонних глаз. Хотя здесь, за городской стеной посторонних и не было. Бернат с позволения хозяина сразу занял сарай, соседствовавший с пустой конюшней, и собирался начать там опыты с какой-то необычной солью, служившей основой взрывающемуся порошку. Рейнджер и мэги почти целый день бродили по саду, поднимались на южные холмы и смотрели на море, шумевшее в плену светло-серых скал. Отсюда не было видно ланерийской бухты, не было видно кораблей на рейде, «Нага», «Гедона», возможно, поэтому вид на зеленовато-серые волны, ткавшие кружево седой пены, казался так безмятежен и прекрасен. Там, на одном из холмов, устроившись в ложбине, окруженной розовыми цветами клевера, Астра решила пересказать Голафу об Аасфире, бедах морского народа и обещании данном Коралиссу. Слушая ее, рейнджер мрачнел и злился. Вступить в схватку с чудовищем, о могуществе которого ходили слухи даже в далеком северном Вильсе, ему представлялось безнадежной глупостью. Тем более, памятуя, что в проклятом храме либийцев должна оказаться Анита. Надежда освободить ее до того, как Давпер покинет Ланерию, оставалось все меньше. Когда же Астра, снова вспомнив встречу с Давпером в платяной лавке, предположила, будто Анита находится вместе с пиратами не совсем уж без своей воли, Голаф рассердился еще больше. Они бы, наверное, поссорились, как это случалось не раз, только оглушающий грохот заставил их забыть обо всем и бежать к имению Трима.

Место пугающего происшествия нашлось сразу по облаку бурого дыма, не рассеявшегося еще над кронами мандариновых деревьев.

— Представьте, господин Ренайт, — подняв палец, возбужденно вещал Бернат, — здесь было всего полтора колта порошка. В сравнении с тем, что имеет Давпер, мне удалось увеличить его силу в пять раз! Мора-бора, все на мелкие кусочки.

— Бесспорно, чудесно, господин Холиг. Нет слов! Но это очень опасное изобретение, — олен подошел ближе, заглядывая в глубокую воронку с дымящимися краями. — Пока у Давпера, по вашим подсчетам, есть несколько бочек зелья. Это уже огромная сила. А что если он или люди, подобные ему, завладеют секретом получения этой силы?

— Вот поэтому я секрет держу здесь, — согнув вздернутый еще палец, эклектик постучал себя по лбу. — Только здесь. Я не веду никаких записей. И секрет летающего корабля здесь же, — он повторно стукнул себя по лбу. — Нет ни единого чертежа. Скоро свойство «обманутой ртути» в его машине выродится, а негодяй Свилг не знает, как ее получить вновь. Вот тогда станет ясным, кто построил «Песнь Раи».

— Конечно, ты, наш многоумный коротыш. Ну и напугал ты нас! — рассмеялась Астра, выходя из-за сарая. — Я думала, дом олена Трима постигла участь того пиратского гнездышка. Бах — и стены в пыль!

— Что вы, госпожа Астра, я же пока не причинил вам столько бед, сколько, вспоминаемый так часто, господин Хивс, — пошутил Ренайт и, тщательно отряхнув камзол и штаны, подошел к ней. — Есть некоторые известья, — он стал серьезным, тонкие губы вытянулись в бледную линию. — Недавно я был в суде Архора, и оказалось, что все

обвинительные документы против вас непонятным образом исчезли. А соответствующие записи в регистрационных книгах вычеркнуты, как ошибочные.

— Получается, меня более не обвиняют? — несколько удивившись, переспросила Астра.

— Получается так, — кивнул олен.

— Что-то я не пойму, Ренайт, вас это огорчает? — разглядывая внимательно ланерийца, поинтересовался рейнджер.

— Меня это настораживает. При тех свидетельствах, что я собрал, суд все равно был бы на нашей стороне. И есть еще второе известие, — он минуту помедлил и негромко сказал: — Только что «Гедон» вышел из гавани. На нем пять девушек, о которых вы говорили. Их переправили откуда-то шлюпкой перед самым отплытием, и нельзя уже было предпринять ничего. Увы, — олен расстегнул ворот и поправил кожаную перевязь, державшую короткий рохесский меч. — Вы, конечно же, поспешите следом. Я все понимаю, госпожа Пэй и вовсе не собираюсь вас отговаривать. Пойдемте в дом, поговорим за столом, — приглашая жестом, он шагнул на мощенную гранитными плитами дорожку. — Если бы вы только подождали десять дней, я бы тоже отправился на Карбос. Я очень хочу быть рядом с вами, но сейчас у меня крайне серьезные обязательства перед королем.

— Сожалею, Ренайт, но мы не можем ждать десять дней. Мы должны отправиться к острову скорее, — разволновавшись, ответила Астра, ступая следом за ним на террасу.

— Я понимаю. Я знал, что вы так скажете. И уже позаботился кое о чем, — ланериец опустил на табурет и придвинулся к столу. — Завтра, сразу после полудня отплывает почтовый флейт в Хельг-Амо. Я договорился с капитаном, он доставит вас на Карбос и заберет на обратном пути. Этот флейт «Кирида» — очень надежное судно с умелой, хорошо вооруженной командой, которое Давперу, случись что, будет не по зубам. Но как я представляю, что ждет вас на том, забытом всеми богами острове, то совсем теряю покой. Еще больше, госпожа Астра, чем прошлые дни, когда вы томились в Гарунской тюрьме. Лучше бы вы оставались в моем плену, — он грустно улыбнулся, встретившись с мэги взглядом.

— Ваш плен мне приятен, любезный олен. Только у нас нет другого выхода, — Астра взяла абрикос из вазочки и надкусила бархатистую кожицу.

— У нас нет другого выхода, господин Трим, — подтвердил Бернат, потянувшись к лилово-красной бутылки с вином, — кроме как устроить Хивсу самый справедливый епть-коверть! Так, чтоб башка его в желудок провалилась!

Утром следующего дня Астра и Голаф в сопровождении Ренайта Трима обошли припортовые лавки, запасаясь всякого рода вещами, необходимыми в плавании и для их успешного пребывания на Карбосе. Все это было доставлено в трюм «Кириды», туда же погрузили немалый алхимический арсенал Берната Холига и несколько мешков рохесской соли.

Перед отплытием, когда матросы уже начали отвязывать концы, мэги сошла с господином Тримом на пристань.

— Спасибо за все, милый олен! — прощаясь, сказала она. — Я буду помнить о тебе в море и на Карбосе. А дальше не знаю, что будет...

— Прошу, если сможешь, если каким попутным ветром... хоть когда-нибудь возвращайся сюда! Я тоже буду помнить о тебе всегда! — ответил Ренайт.

— Очень надеюсь, что мы свидимся, — Астра жарко обняла ланерийца и, не дав сказать ему каких-то жгучих, рвущихся с его губ слов, взбежала на палубу.

«Кирида» вышла из гавани. Наполненные ветром паруса понесли ее через Среднее море к Карбосу.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Немного географии

Анрас — массив высоких гор на северо-западе от Иальса (здесь и в дальнейшем расположение указывается относительно Иальса, если не оговорено иное).

Архаэс — горная страна на севере с множеством пещер, шахт и поселений трудолюбивых гномов.

Атрия — огромный остров, существовавший некогда в Океане, о котором дошли только легенды, ну и сплетни. Сплетен много, особо на рынках Иальса, там их собирала Эльвира Вашкевич.

Ают — страна за Средним морем, восточнее Либии, по-восточному богатая страна, со своими восточными причудами.

Бург — страна болот на юго-западе, населенная племенами диких безграмотных болотных людей.

Вергина — небольшой городок возле замка Изольды, известный древними катакомбами и всякими чудесами.

Вессеркер — мир, где обитают... правильно, вессы.

Вильс — крупный город на северо-западном побережье, столица Франкии, родивший такого отважного и небритого Голафа Бриса.

Гаер и Аалир — средние миры с прекрасными пейзажами и относительно выносимыми обитателями (если не считать розовых козликов).

Герва — столица Кардора.

Голор — маленькое государство рядом с Бургом.

Гринвея — родной мир Астры и прочих нормальных и ненормальных людей.

Зарда — главный город Голора, порядком разрушенный во время последней войны не без помощи Изольды и Варольда, конечно.

Иальс — большой торговый город-полис за юго-восточной границей Кардора.

Каменты — маленький остров с крепостью и колонией когда-то основанной Иальсом.

Кара-Маат — легендарный город, построенный Кэсэфом, затерявшийся где-то в песках огромной либийской пустыни.

Карбос — островок недалеко от берегов Либии, известный древним храмом Абопа.

Кардор — страна юго-восточнее Архаэса, часть земель которой принадлежала некогда гномам.

Ланерия — главный город-порт Рохеса.

Ленла — маленький остров, недалеко от входа в гавань Лузины.

Либия — страна за Средним морем на юге, некогда могущественное государство, теперь находящееся в упадке.

Лузина — столица Олмии.

Маун-альх-Лусу — портовый город севернее Хельг-Амо, известный, как центр работоторговли.

Мергия — остров на западе, известный храмом Герма и его оракулами, а так же изящными ювелирными изделиями местных мастеров.

Неарские острова — острова чуть южнее Иальса.

Намфрет — город в либийской пустыне недалеко от большого оазиса, известный древними храмами и могильниками.

Некрон — один из миров — самый нижний, обитель нечисти и всяких невоспитанных, отвратительных существ.

Олмия — небольшое королевство, где выросла Астра.

Росна — река, в устье которой расположен Иальс.

Рохес — островное государство южнее Иальса.

Сагель-Аль — один из островов близ западного побережья Аюта.

Сармаит — город возле южных взгорий Аюта, известный дорогой фарфоровой посудой, благовониями и древними таинственными руинами, находящимися неподалеку в пустыне.

Тювы — массив высочайших гор на востоке Аюта, в пещерах которого обитают морки.

Хатиор — небольшой либийский город на северном побережье.

Хемифия, Аднохор, Гефахас, Фикши, — древние либийские города.

Хельг-Амо — большой город-порт на северо-западе Аюта.

Ширдия — большой остров на юго-западе, известный виноградниками и керамикой.

Эдос — один из верхних миров, есть подозрения, что самый верхний. Возможно, именно туда отправляются души героев и благочестивых жителей Гринвеи.

Меры и свойства некоторых вещей и понятий

Галеас — крупная аютанская галера с двумя-тремя мачтами и косыми парусами.

Гилен — титул дворянина особо приближенного к королю.

Го — один из древних языков, корни которого утрачены, но его знаки используются до сих пор в символике большинства магических школ.

Камень душ — устройство для вызова призраков, душ умерших.

Когг — крупное достаточно быстроходное двух или трехмачтовое судно. Каравелла, флейт и неф — типы морских судов разной величины и оснастки.

Колт — ровно 631,3 грамма.

Лига — около 700 метров.

Микстура Гале — снадобье, повышающее на некоторое время магическую силу и быстроту движений.

Микстура Хеф — хитрое снадобье, снижающее магическую силу до круглого нуля на некоторое время, а при длительном употреблении навсегда. Если устали от колдовства, то очень рекомендую.

Мэги — воспитанницы магической школы, исповедующей синтез многих приемов и техник. Мэги способны использовать заклинания различных Стихий, не отдавая, как правило, предпочтения какой-нибудь одной. Мэги могут стать только женщины — сама Эта помогает им быть в гармонии с природными силами, не посвящая свою жизнь служению какой-то отдельно взятой силе.

Неф — тихоходное торговое судно довольно большой грузоподъемности.

Олен — титул знати в Олмии, на Рохесе и некоторых других странах.

Паладин — тяжеловооруженный воин. Как правило, выходец из знати, воспитанный школой одного из рыцарских орденов. Наиболее известные сообщества паладинов: Орден

Крона Славного, Орден Плети Архора и Орден Лунного Щита.

Рейнджер — вольный боец, одинаково легко управляющийся с мечом, луком и арбалетом. Рейнджеры редко вступают в какие-либо боевые сообщества. Службе властному господину или даже какой-нибудь божественной идее они предпочитают свободу, скитания от города к городу, и небольшой, но честный заработок. Рейнджеры всегда были хорошими следопытами, разведчиками, а в лесах и на горных тропах каждый из них стоил в бою двух нерасторопных паладинов.

Руны — здесь знаки магического письма, перенятого когда-то либийцами у анрасских жрецов.

Сальд — монета в 50 шилдов.

Сивилла — прорицательница.

Тульпа — эфирный двойник человека, в зависимости от опыта и силы мага тульпа может быть бесплотным призраком, имеющим лишь отдаленное сходство с заклинателем, но может быть и его точной физической копией, наделенной даже собственной волей и разумом.

Фарух — титул правителя Аюта.

Фахиш — титул аютанской знати, как правило, фахиш является управителем одной из провинций Аюта.

Флейт — двух, иногда трехмачтовое судно, уступающее размерами коггу, но более быстрое и маневренное.

Хевши — питье, приготовленное из листьев мако и сока особого кактуса, обладающее веселящим действием, вызывающее чувство эйфории. Использовалось при некоторых ритуалах либийцами. Позже для развлечения его стали попивать богатые аютанцы, да и я сам не раз баловался.

Час Василиска — время в том странном мире измерялось несколько иначе. Час Ларсы — около 6.00. Час Воды — около 8.00. Час Василиска — около 10 утра. Час Тени — около 12.00. Час Лилии — около 14.00. Час Береса — около 16.00. Час Раковины — около 18.00. Час Флейты — около 20.00. Час Серебра — около 22.00. Час Змеи — около 24.00, после — Время Маро.

Шилд — мелкая медная монета.

Штар — 1000 сальдов.

Элементал — существо одной из Стихий, призываемое магом на некоторое время, как правило, не в мирных целях.

Эклектик — человек, посвятивший свою скорбную жизнь занятиям алхимией, темной механикой и всякого рода изобретательствам, магией простых уровней и прочими подозрительными науками.

Боги, люди и нелюди.

Абоп — крайне неприятный либийский бог, имеющий тело гигантского змея и дурные наклонности — пожирать солнце по ночам.

Архор — бог наказания, справедливости, мести.

Балд — бог, которому поклонялись некоторые жители Анраса. То ли по наивности, то ли вывертом какой-то запредельной мудрости они считали его единым творцом и

управителем мироздания. Ну, и Балд им и судья.

Берес — редкое животное, водившееся возле чистых озер у подножья Архаэсского горного массива. Два огромных рога этого животного довольно грозное оружие, пробивающее броню паладина, как гвоздь жестянку, но эти же рога розового (иногда желтоватого) цвета с перловым отливом имеют большую ценность, как поделочный материал.

Весс — одно из магических существ, способных путешествовать между мирами через Дверь Измерений, в большинстве дружелюбное людям, но очень не чистое на руку.

Вронги — один из народов, обитавшем на Фанороне.

Герм — бог торговли и ремесел, иногда почитается, как покровитель мореплавателей и путешественников, некоторые школы магов считают его своим родоначальником.

Гномы — народ, живущий в Архаэсе и у северных границ Кардора, более древний, чем люди, славный в некоторых видах ремесел.

Иссея — одна из главных либийских богинь, властвующая над ветром, водой и волшебством, также олицетворяющая плодородие (Дающая Жизнь).

Крон — бог войны, силы и твердости духа.

Ларса — редкое таинственное животное, появляющееся иногда возле архаэсских гор или Анраса. Есть подозрение, что существо это не совсем из нашего мира, а из хор более высоких. Его влияние на людей очень странное, гипнотическое, а мех его имеет высочайшую цену.

Маро — злая богиня. Разрушение, болезни, смерть. Из сплетней, подслушанных мной, она же — властительница Некрона.

Мора — нехорошая пакостная зверушка нижнего мира с большими нечищеными зубами.

Морки — народец родственный гномам, однако более высокого роста и свирепого нрава, обитавший в пещерах на востоке от Аюта, в основном возле Тювы.

Муль — очень неприятная образина, обитающая в междумирье, любящая полакомиться смельчаками и безумцами, шагнувшими за Дверь. Если вам когда-нибудь случится встретиться с ним, то мой совет: для этого «когда-нибудь» держите в кармане острый ножик, чтобы успеть вскрыть себе вены.

Наги — люди с туловищем змеи и четырьмя руками, живущие в юго-восточных районах Либии и западном Аюте.

Наод — известный иальсский поэт и философ.

Некомарх — маг и философ с Рохеса, живший около 800 лет назад, который классифицировал различные виды магии, и, в отличие от либийских интуитивных приемов постижения магической техники, предложил новую систему, основанную на истинно рохесском практицизме.

Нумбус — известный философ и маг Либии, живший около 3000 лет назад (если вести отсчет от событий, происходящих в романе). Его труды в большом почете в современных магических школах от Бурга до Архаэса. Его последнее сочинение «О существах и сущностях» считается наиболее верным и полным описанием всех известных чудовищ и магических существ.

Рая — богиня любви, оболъщения и безумия.

Рена — богиня сна и грез, раскаянья, прощения, держащая нити будущего.

Сафо — богиня вина, танца, веселья.

Сестры Светлые (Небесные) — Рена и Эта.

Тирех — писатель, философ, проживающий в Иальсе и прославившийся драматургическими произведениями, поставленными в крупнейших театрах.

Тод — один из сонма либийских богов, отождествляется с мудростью, просвещением.

Трупник — тварь Некрона, появляющееся изредка в мире людей, имеет свойство разрывать могилы и кушать мертвечину, гадкое, в общем, существо.

Хаелорет — либийский маг родом из Намфрета, живший около 3200 лет назад, один из первых описавший путешествия через Дверь Измерений и классифицировавший чужие миры. Его книги «Путь Тода», «Украденная Вечность» до сих пор поражают меня и Эльвиру оригинальной философией и непостижимой глубиной.

Хега — в либийской религии божество магии.

Хораги — мифические существа, якобы жившие еще до гномов и морков. Искусство магии и ремесла осталось в наследство от них.

Цайс — знаменитый исследователь магии с острова Мергия, проживавший около 500 лет назад. Наиболее значимые его труды в области магии материализации — составная часть учебных пособий Магистрата. О якобы созданной им Машине Воплощений известно много легенд.

Шет — недоброе рогатое существо из нижнего мира, а так же — ругательство.

Эриса — морская богиня, почитаемая амфитритами, а также на Рохесе и некоторых приморских государствах.

Эта — светлая богиня (и звезда). Непорочность, чистота, врачевание.

Ювий — рохесский поэт и путешественник, описавший в стихах свои впечатления после странствий по северной Либии, Аюту и западным островам Среднего моря.

Сила магии и обращений.

Айсщелид — щит льда — защитная магия, при которой ледяные кристаллы собираются в непроницаемый сегмент шара.

Анимай харар — животный страх, магия действующая животных, вызывающая волну ужаса и обращающая их в бегство. Это заклинание применимо больше против домашних животных; свирепых хищников оно может раздражить и тем дать противоположный эффект.

Грейскин — серая кожа — защитная магия, делающая тело маловосприимчивым к самым мощным магическим атакам.

Лайт — электрическая ослепительная вспышка, кстати, довольно вредная для глаз.

Обольщение Раи — одна из легких форм приворота, практикуемая жрицами богини, анрасскими ведьмами и некоторыми магами.

Одафог — удушливое облако, попадая в которое противник начинает кашлять, чихать и даже жалобно плакать. Слабаки теряют в нем сознание и иногда некоторые ценные вещи.

Светляк — здесь крошечный светящийся шарик магического вещества.

Спрей — разновидность легкой магии, забирающей у противника часть его физической силы.

Фаерболл — огненный шар — атакующая магия небольшой силы, устроенная на Стихии Огня.

Фаерволл — стена огня. При достаточной силе мага, использующего ее, способна

задержать противника и нанести ему заметный урон.

Фрезбод — замерзшее тело. Защитная магия, способная лишить движений противника на некоторое время.

Фреиш — капли магической россы, придающие в бою силу и быстроту.

Епть, гринх, залим, питха, френ — слова, которые не особо свойственны литературной речи, по крайней мере, цензурной. Переводить не буду — пользуйтесь лучше нашими, родными.

